

ISSN 2500-347X

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

2019 4 (837)

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

1930

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2019

4

выпуск 837

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

1930

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

SOCIAL SCIENCES

Moscow
FSBEI HE MSLU
2019

4

Issue 837

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор философских наук, профессор **И. К. Харичкин**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф.
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф.
А. дель Валье Галвес, д-р юрид. наук, проф.
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф.
Гомес М. К., проф. лингвистики
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Дудик Н. А., канд. филол. наук
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф.
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф.
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф.
Касюк А. Я., д-р истор. наук, проф.
Краева И. А., канд. филол. наук, проф.
Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф.

Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф.
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф.
Милитосян Л. Х., канд. пед. наук, доц.
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф.
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф.
Ноздрина Л. А., д-р филол. наук, проф.
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф.
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф.
Убин И. И., д-р филол. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Касюк А. Я.
доктор исторических наук, профессор
(ответственный редактор)
Беблер А.
доктор социологических наук, профессор
Белозеров В. К.
доктор политических наук, профессор
Брега А. В.
доктор политических наук, профессор
Пророкович Д.
доктор политических наук
Ивашов Л. Г.
доктор исторических наук
Кемаль Оглу И.
доктор исторических наук, доцент
Киселёв С. Г.
доктор философских наук, профессор

Колесников А. А.
доктор исторических наук, профессор
Лапишов В. А.
доктор социологических наук,
профессор
Образцов И. В.
доктор социологических наук,
профессор
Плоских В. М.
доктор политических наук, профессор
Примаков В. Л.
доктор социологических наук, профессор
Саблуков А. В.
доктор социологических наук, доцент
Сидорова Г. М.
доктор политических наук, доцент
Хазанов А. М.
доктор политических наук, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Абаев Л. Ч., Вавилов А. И.</i> Йемен – «забытая война»	9
<i>Воркунова О. А.</i> Теоретико-методологические аспекты исследований проблем мира и конфликтов	24
<i>Михайлин И. В.</i> Многоликая сила в мировой политике и деятельности России на международной арене	41
<i>Рукавицын П. М.</i> Кризис народных партий ФРГ	55
<i>Сидненко Г. Ф.</i> О национальной стратегии информационного противодействия терроризму	64
<i>Печищева Л. А.</i> Германо-индийские «водные проекты» начала XXI века	77
<i>Валиахметов Г. Н., Кашаф К. Ш.</i> Радикально-экстремистская угроза в цифровом измерении: в поисках путей противодействия	84

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Жерлицына Н. А.</i> Внутренние и внешние факторы ослабления Алжира в период, предшествовавший французскому завоеванию в 1830 г.	100
<i>Касюк А. Я.</i> Информационные операции союзников СССР в годы Второй мировой войны	110
<i>Сивов А. Н.</i> Оценка лидеров Октябрьской революции 1917 года и Международного коммунистического движения в работах Секретаря ЦК КПСС А. Н. Яковлева во второй половине 1980-х годов	129

Циденков Г. Г.

Гуманитарная деятельность Всекитайского комитета помощи голодающим России в 1921–1923 годах	140
--	-----

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Лапшов В. А.

Социально-экономическое развитие российского общества в начале XXI века	149
--	-----

Палитай И. С., Майорова М. А.

Молодое поколение российской политической элиты: социально-демографический профиль	160
---	-----

Соловьев С. С.

Социологический анализ потребительских предпочтений целевой группы населения «50+»	174
---	-----

Фадеева И. М., Курышова Л. Н., Калачина О. С.

Демографический вызов сельской школе	185
--	-----

CONTENTS

POLITICAL SCIENCES

<i>Abaev L. Ch., Vavilov A. I.</i> Yemen – «The Forgotten War»	9
<i>Vorkunova O. A.</i> Theoretical and Methodological Problems of Peace Research	24
<i>Mikhailin I. V.</i> Multifaced Strength in World Politics and in Russia Activities on International Scene	41
<i>Rukavitsyn P. M.</i> German Catchall Parties in Crisis	55
<i>Sidnenko G. F.</i> On the National Strategy of Information Counter-Terrorism	64
<i>Pechishcheva L. A.</i> German-Indian “Water Projects” at the Beginning of the 21 st Century	77
<i>Valiakhmetov G. N., Kashaf K. Sh.</i> The Digital Dimension: Radical Islamic Extremist Threat Ways of Counteraction	84

HISTORICAL SCIENCES

<i>Zherlitsina N. A.</i> Internal and External Factors of Algeria’s Weakening in the Period Preceding the French Conquest in 1830	100
<i>Kasyuk A. Y.</i> Informational Operations of the USSR Allies in World War II	110
<i>Sivov A. N.</i> An Assessment of the Leaders of the October Revolution of 1917 and the International Communist Movement in the Works of the Secretary of the Central Committee of the CPSU A. N. Yakovleva in the Second Half of the 1980s	129
<i>Tsidenkov G. G.</i> Humanitarian Activities of the All-China Committee of Assistance to Starving Russians in 1921–1923s	140

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Lapshov V. A.

Socio-Economic Development of the Russian Society at the Beginning of the XXI Century	149
--	-----

Palitay I. S., Mayorova M. A.

Young Generation of the Russian Political Elite: a Socio-Demographic Profile	160
---	-----

Solovyov S. S.

Sociological Analysis of Consumer Preferences of Target Group of the Population "50+"	175
--	-----

Fadeeva I. M., Kuryshova L. N., Kalachina O. S.

Demographic Challenge to Rural Schools	185
--	-----

УДК 329.14 (430)

Л. Ч. Абаев, А. И. Вавилов

Абаев Л. Ч., доктор технических наук, профессор кафедры политологии Московского государственного лингвистического университета;

e-mail: abaev_lev@mail.ru

Вавилов А. И., профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Институт международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета;

e-mail: maryandre@yandex.ru

ЙЕМЕН – «ЗАБЫТАЯ ВОЙНА»

В статье рассматривается трагическая гуманитарная ситуация, сложившаяся в Йемене из-за многолетнего внутреннего конфликта, усугубленного вмешательством извне; проводится анализ реалистичного и взвешенного курса России на его разрешение самими йеменцами за столом переговоров без вмешательства со стороны.

Ключевые слова: внутрийеменский конфликт; действия просаудовской коалиции; линия России на его разрешение политическим путем.

L. Ch. Abaev, A. I. Vavilov

Abaev L. Ch., Doctor of Technical Sciences, Professor, Department of Political Science, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University;

e-mail: abaev_lev@mail.ru

Vavilov A. I., PhD (2nd degree), Professor, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University;

e-mail: maryandre@yandex.ru

YEMEN – «THE FORGOTTEN WAR»

The authors in their article observe the tragic humanitarian situation in Yemen due to the prolonged inner conflict aggravated by external meddling, they analyse the realistic and balanced course of Russia towards its settlement by Yemenites themselves at the table of negotiations without external meddling.

Key words: the tragic crisis in Yemen; external meddling in it; realistic and balanced course of Russia towards its settlement.

Взятый США и их партнерами курс на вмешательство во внутренние дела арабских стран под фальшивым флагом их «демократизации и борьбы с международным терроризмом» привел к серьезной дестабилизации ситуации в Йемене, который, по оценке американских спецслужб, на гребне «арабской весны» неуклонно превращался в одну из основных баз «Аль-Каиды» и других экстремистских организаций в геостратегически важном Аравийском субрегионе.

Попытки американцев «огнем, мечом, а кое-где и деньгами» справиться с террористами или хотя бы несколько притупить остроту межклановых, межрелигиозных и межплеменных противоречий в этой одной из самых бедных стран арабского мира ощутимых результатов не давали. Неуклюжие действия оккупантов в Ираке, «взорвавшие» отношения между суннитами и шиитами, оказали серьезное дестабилизирующее влияние и на ситуацию в Йемене.

Трагический кризис в Йемене

С 2014 г. Йемен сотрясали кровопролитные и разрушительные столкновения шиитских и суннитских группировок, боровшихся за власть, а также теракты «Аль-Каиды» и других экстремистов. В результате основы йеменской государственности оказались разрушенными, а сама страна – расколотой на зоны влияния. Обострившиеся в результате непродуманной американской политики в Ираке противоречия между приверженцами двух основных ветвей в исламе (суннитами и шиитами) привели к появлению на политической сцене Йемена северян-хуситов, объединившихся в группировку «Ансар Алла» (Сподвижники Аллаха). В 2004 г. они подняли вооруженное восстание против правительства Йемена и приняли участие в событиях «арабской весны» 2011 г., в результате которых был вынужден уйти в отставку Президент А. А. Салех.

Разваленная правительственная армия не выдержала натиск отрядов хуситов, которые смогли овладеть столицей Йеменской Республики (ЙР) г. Сана. Руководство страны было вынуждено бежать в столицу Южного Йемена г. Аден. Вскоре мятежники вплотную приблизились и к «временной столице», откуда новый Президент А. М. Хади, за голову которого они давали 100 тыс. долл. США, был вынужден вновь бежать, теперь морем, в соседнюю Саудовскую Аравию. Такая передислокация привела к активизации южных сепаратистов, потребовавших восстановления независимости Южного Йемена, самостоятельно просуществовавшего до 1990 г.

Ситуация на юге Аравийского полуострова еще больше осложнилась после того, как Саудовская Аравия, ее партнеры по ССАГПЗ (Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива), кроме соседнего с ЙР Омана, а также Египет, Иордания, Марокко, Судан, Мавритания и Сенегал при поддержке Пакистана и Турции, из опасений усиления шиитского влияния в геостратегически важном регионе Персидского залива, ссылаясь на просьбу свергнутого Президента ЙР и получив логистическую, разведывательную, а затем и военную поддержку США, в ночь на 26 марта 2015 г. приступили к осуществлению операции против хуситов и их сторонников. Она получила претенциозное название «Буря решимости», напрямую перекликавшееся с одиозной «Бурей в пустыне», поднятой американцами в Ираке в 1991 г. Без санкции СБ ООН и под широковещательные декларации о необходимости поисков политического решения, коалиционеры пошли на прямое военное вмешательство во внутрийеменский конфликт, начав с бомбардировок и ракетных ударов по позициям «Ансар Алла» и перешедших на их сторону некоторых воинских подразделений ЙР (в том числе и по объектам гражданской и нефтяной инфраструктур). В ходе боевых действий гибли и получали ранения сотни охваченных паникой мирных жителей, в том числе дети и женщины, наносился непоправимо тяжелый урон экономике. Одновременно была установлена воздушная и морская блокада ЙР.

Ирак, Сирия и ливанская шиитская партия «Хизбулла» не поддерживали действия коалиции, выходявшие за рамки международного права, а в Тегеране и прямо осудили, что еще больше осложнило обстановку.

Затянувшийся внутрийеменский конфликт в результате вмешательства извне привел страну к крупнейшей со времен Второй мировой войны гуманитарной катастрофе. Как отмечалось в совместном релизе Продовольственной и сельскохозяйственной Организации ООН, ЮНИСЕФ и Всемирной продовольственной программы в марте 2017 г., почти две трети населения Йемена сталкивались с голодом и нуждались в срочной помощи, острый продовольственный дефицит угрожал более 17 млн человек. «Йемен стал одним из крупнейших очагов голода в мире, с июня 2016 г. количество голодавших в нем увеличилось на 21 %» (*ria.ru/15.03.17*). В середине мая 2017 г. хуситским властям в Сане пришлось объявлять чрезвычайное положение и обращаться к мировому сообществу за помощью из-за угрожающего роста

числа заболевших холерой в результате потребления некачественной воды и зараженных этим опасным вирусом продуктов, а также из-за разрушенной и дезорганизованной войной санитарной инфраструктуры (*ria.ru/13.09.17*). К середине августа 2017 г. Всемирная организация здравоохранения зарегистрировала в Йемене свыше полумиллиона инфицированных (к середине сентября их было уже 660 тыс., а к концу 2017 г. более 1 млн) и более 1,9 тыс. летальных исходов в результате этой смертоносной эпидемии (*arabnews.com/15.07.17*; *ria.ru/21.12.17*).

По оценке заместителя генсека ООН С. О'Брайена, выступившего в конце мая 2017 г. на заседании Совбеза, ситуация в ЙР продолжала двигаться «в сторону тотального социально-экономического и институционального коллапса», 6,8 млн ее граждан находились «в шаге от голода» (*tass.ru/30.05.17*). К середине 2017 г. число погибших в междоусобных схватках и от ударов коалиции в Йемене превысило 10 тыс., а раненых 8,5 тыс. человек (*lemonde.com/15.05.17*; *ria.ru/21.07.17*).

Выступая в конце августа 2017 г. на заседании Совбеза ООН накануне трехлетней годовщины вооруженного конфликта в Йемене, С. О'Брайен горестно сообщил, что к тому времени около 17 млн человек в стране не знали, когда они будут есть в следующий раз и будут ли вообще. По его оценке, около 7 млн человек угрожал голод. Положение усугублялось тем, что в условиях эпидемии холеры около 16 млн жителей не имели доступа к воде и средствам ее очистки (*ria.ru/18.08.17*). К концу 2017 г. эти скорбные цифры из-за активизации боев и авиаударов коалиции выросли: по оценкам ООН, на грани голода в Йемене находилось уже более 8 млн человек, а в гуманитарной помощи остро нуждалось свыше 22 млн мирных граждан (*interfax.ru/06.01.18*).

На Западе столь масштабную человеческую трагедию предпочитали не замечать и события в ЙР в мировых СМИ получили циничное название «забытая война».

В таких критических условиях Россия, осуждая гибель мирного населения в Йемене, твердо и последовательно выступала за отказ от вооруженного противостояния, за скорейшее возобновление политического урегулирования под эгидой ООН. В Москве были убеждены, что к реальному улучшению обстановки в гуманитарной сфере могло привести лишь политическое разрешение йеменского кризиса с учетом интересов всех общественно-политических сил и групп населения Йемена.

Сбалансированный курс России на урегулирование внутрийеменского конфликта

С точки зрения российской стороны, было необходимо обеспечить беспрепятственный гуманитарный доступ в страну и снять блокаду Йемена со стороны коалиции (*tass.ru/18.03.16; ria.ru/28.06.16*). Для облегчения бедственного положения, в котором оставалось население ЙР, в середине июля 2017 г. из России в Йемен было доставлено более 20 т гуманитарной помощи. На обратном пути самолет МЧС РФ забрал более 60 граждан РФ и стран СНГ, пожелавших покинуть зону вооруженного конфликта (*interfax.ru/17.07.17*). Помощь жителям ЙР в таком же объеме была доставлена еще одним самолетом МЧС в конце того же месяца, а обратным рейсом было вывезено еще более 60 граждан России и стран (*interfax.ru/24.07.2017*).

Заместитель постпреда РФ при ООН В. К. Сафронков на заседании Совбеза 11 марта 2017 г. отметил, что международное сообщество не должно было опускать руки и прекращать усилия по урегулированию конфликта в Йемене, несмотря на то, что мирные инициативы не срабатывали. Москва призывала всех «отказаться от настроя на военную развязку внутреннего конфликта» в Йемене. «Такие подходы, – предупредил дипломат, – не способны привести к эффективным и долгосрочным результатам. В итоге лишь ширится пропасть непонимания и недоверия между йеменскими сторонами, подрывающая перспективы восстановления мира в этой стране». По убеждению российской стороны, решение конфликта в Йемене лежало исключительно в политической плоскости и могло быть достигнуто только путем переговоров в соответствии со сбалансированным взаимоприемлемым планом урегулирования. В. К. Сафронков сообщил, что Москва, в том числе через посольство в Санае, работала со всеми сторонами конфликта, ориентируя их на отказ от односторонних решений, которые блокировали запуск мирного процесса. По его оценке, в «безусловном выигрыше» от йеменского конфликта оказывались только террористические группировки ИГИЛ и «Аль-Каида на Аравийском полуострове» (*tass.ru/11.03.17*).

В первой декаде ноября 2017 г. йеменский конфликт вышел на новый виток напряженности: в ответ на запуск с подконтрольной хуситам территории баллистической ракеты в сторону международного аэропорта столицы Саудовской Аравии подконтрольная ей коалиция

прибегла к незаконному коллективному наказанию, объявив о полной блокаде наземных, воздушных и морских портов ЙР, включая гуманитарные рейсы ООН, и пригрозив войной Ирану, который якобы снабдил повстанцев ракетой. Конфликт между Эр-Риядом и Тегераном дошел до того, что наследный принц КСА М. бен Салман Аль Сауд обозвал верховного лидера Ирана аятоллу А. Хаменеи «новым Гитлером Ближнего Востока» (*ria.ru/24.11.17*).

Предпринятые противоправные меры привели к еще большему ухудшению ситуации в ЙР, 10,4 млн жителей которой, по данным ООН, нуждались в срочных поставках продовольствия, и более 1 млн из-за недостатков в питании и санитарии заразились холерой, унесшей к тому времени более 2 тыс. жизней (*euronews.com/24.11.17*).

В Вашингтоне, взявшем опасный курс на разрыв международного соглашения по иранской ядерной программе (СВПД), поддержали адресованные Тегерану обвинения в баллистической атаке на Эр-Рияд, еще больше осложнив и без того катастрофическую ситуацию в Йемене и вокруг него, чем не замедлили воспользоваться террористы. В первой декаде ноября 2017 г., к примеру, игиловский смертник подорвал себя в здании службы безопасности Адена, убив 15 и ранив более 20 человек (*interfax.ru/07.11.17*). В конце того же месяца взрыв прогремел в министерстве финансов, унеся жизнь одного человека и ранив четверых (*ria.ru/29.11.17*).

«Такое развитие событий, – отмечалось в комментарии Департамента информации и печати (далее – ДИП) МИД РФ, – вызывает в Москве глубокую обеспокоенность. Оно чревато новой эскалацией боевых действий, увеличением числа жертв среди мирного населения, дальнейшим усугублением в Йемене критической гуманитарной ситуации в целом. Убеждены, что подобный сценарий не отвечает интересам скорейшего и надежного урегулирования йеменского конфликта, отодвигает перспективу восстановления в этой стране стабильности и национального согласия» (*www.mid.ru*).

В начале декабря 2017 г. положение еще больше осложнилось после убийства хуситскими боевиками бывшего Президента ЙР А. А Салеха, выразившего готовность к налаживанию отношений с арабскими странами. Обстановка в стране накалилась до такой степени, что Россия была вынуждена на время приостановить работу своего Посольства в Сане. Градус напряженности еще более возрос после вспыхнувших в Адене, куда переехало правительство, кровопролитных

столкновений между его войсками и сторонниками восстановления независимости Южного Йемена (*ria.ru/28.01.18*).

«В Москве, – заявила официальный представитель МИД РФ М. В. Захарова, – самым серьезным образом обеспокоены развитием событий, велик риск скатывания Йемена в военно-политический хаос, сопровождаемый беспрецедентной гуманитарной катастрофой. Не видим альтернативы предотвращению такого рода сценариев, кроме как через скорейшее прекращение силового противостояния и запуск максимально широкого национального диалога под эгидой ООН на основе взаимного уважения и учета интересов всех политических сил Йемена» (*tass.ru/06.12.17*). Россия, которая поддерживала отношения со всеми без исключения внутрийеменскими группировками и внешними акторами, была готова содействовать налаживанию такого диалога.

В конце марта 2018 г. ситуация еще более накалилась после попыток хуситов обстрелять с территории Йемена Эр-Рияд и некоторые другие саудовские города, по которым было выпущено семь ракет, перехваченных системами ПРО КСА. «В Москве, – подчеркивалось в комментарии ДИП, – решительно осуждают подобного рода неизбирательные ракетные удары, целями которых, в том числе, становятся населенные пункты и их мирные жители». Россия призвала йеменских протагонистов вернуться за стол переговоров для выработки консолидированного видения последующего обустройства страны на основе широкого национального диалога, взаимного учета интересов ее основных политических сил, соответствующих заключений международного сообщества (*interfax.ru/26.03.18*).

Такого решения настоятельно требовала сама катастрофическая обстановка, сложившаяся в стране в результате междоусобных распри и вмешательства извне. По оценке ООН, в Йемене наблюдался самый острый и болезненный гуманитарный кризис в мире, с 2015 г. экономика ЙР обрушилась на 40 % (*www.iimes.ru*).

Неизбирательные удары коалиции еще более усугубляли ситуацию, в которой ежедневно гибли мирные люди. В конце апреля 2018 г., к примеру, глава миссии «Врачи без границ» в Йемене Ж. Мартинс назвал бомбардировку свадебной церемонии в Йемене «серьезным нарушением международного гуманитарного права» (*ria.ru/25.04.18*). Обстановка еще больше осложнилась после начала 13 июня 2018 г. арабской коалицией и проправительственными войсками крупнейшей

с 2015 г. операции «Золотая победа» – наступления на главный в ЙР порт Ходейда, контролировавшийся хуситами, через который проходило до 70% помощи мирному населению страны, изнывавшему от затянувшегося разрушительного и кровопролитного конфликта. За несколько дней число беженцев из этого города с населением в 250 тыс. жителей достигло 26 тыс. человек (*interfax.ru/19.06.18*).

По данным ООН, после начала операций коалиции в марте 2015 г. в ЙР более 6,3 тыс. гражданских лиц были убиты и свыше 10 тыс. получили ранения (*tass.ru/11.05.18*).

По мнению парижской «Le Monde», одним из стимулов к развертыванию боевых действий вокруг Ходейды стал выход США из СВПД. Коалиционеры указывали на нее как главный порт, через который мятежные хуситы якобы получали баллистические ракеты из Ирана и затем обстреливали ими территорию Саудовской Аравии (*lemonde.com/13.06.18*). «Если разворачивающиеся в этом районе бои, – отмечалось в комментарии ДИП, – приведут к перекрытию данного канала снабжения, то мирные йеменцы, которым и так приходится сталкиваться с многочисленными лишениями, окажутся в буквальном смысле на грани жизни и смерти. Они встанут перед страшным выбором – погибнуть от ракетно-бомбовых ударов и артиллерийских обстрелов, либо умереть от голода и болезней» (*interfax.ru/14.06.18*).

Обострение ситуации вокруг Ходейды вызвало глубокую тревогу в ООН. Ведь к тому времени две трети жителей Йемена, по оценкам международных организаций, остро нуждались в гуманитарной помощи, а 8 млн из них находились на грани голодной смерти. «Я очень обеспокоен, – заявил верховный комиссар ООН по правам человека З.Р.аль-Хусейн, – тем, что коалиция во главе с Саудовской Аравией и Объединенными Арабскими Эмиратами наносит удары по Ходейде. Это может привести к очень большому числу жертв среди мирного населения и уничтожению гуманитарного груза, который имеет жизненно важное значение для миллионов людей» (*euronews.com/22.06.18*).

В столь критической ситуации Москва вновь призвала «йеменских протагонистов и поддерживающих их регионалов взять какую-то паузу для того, чтобы не лишать многострадальный народ Йемена шансов на восстановление мира и согласия в стране» (*tass.ru/20.06.18*). При этом российская сторона по-прежнему исходила из того, что «будущее своей страны должны были определять сами йеменцы, а международное сообщество – оказывать им в этом эффективное содействие»

(www.mid.ru). Со своей стороны, Россия согласовала со Всемирной продовольственной программой ООН выделение 1 млн долл. на оказание в 2018 г. гуманитарной помощи йеменцам (tass.ru/03.04.18). Постпред РФ при Отделении ООН и других международных организациях в Женеве Г. М. Гатилов назвал оказание гуманитарного содействия пострадавшему населению ЙР «важным направлением российских усилий на йеменском треке» (*там же*).

Под давлением негативной реакции мирового сообщества операция в районе Ходейды была приостановлена, «золотой победы» не получилось. Но кровавые и разрушительные бомбардировки саудовской коалицией Йемена продолжались. В начале августа 2018 г. весь мир был потрясен известием о ее очередном авианалете на рынок и больницу все в той же Ходейде, в результате которого 55 мирных граждан погибли и более сотни получили ранения. «Эта ситуация шокирует, – заявила координатор гуманитарных вопросов ООН по Йемену Л. Гранде. – Больницы защищены международным гуманитарным правом. Ничто не может оправдать эти смерти» (interfax.ru/03.08.18). А 9 августа в результате, как заявило руководство коалиции, «законной» бомбардировки школьного автобуса в густонаселенном районе северо-западной провинции Саада «в ответ на обстрел саудовского г. Джизан» было убито не менее 50 человек и 77 ранено, в большинстве своем дети и подростки (diewelt.com/09.08.18).

«В связи с этими трагическими инцидентами, – подчеркивалось в сообщении ДИП, – акцентируем необходимость проведения тщательного и всестороннего расследования. Виновные в гибели и ранении ни в чем не повинных людей должны быть привлечены к ответственности» (www.mid.ru).

Саудовская Аравия и ОАЭ ограничились «внутренними расследованиями» подобных трагических инцидентов, которые следовали один за другим. По оценке международной правозащитной организации Human Rights Watch, они были направлены лишь на то, чтобы скрыть правду от мировой общественности и свалить вину за многочисленные жертвы среди мирного населения от ударов коалиции по повстанцам-хуситам (lemonde.com/24.08.18). Однако факты были столь неопровержимы, что коалиционерам в итоге пришлось, как и американцам, признать, что многие жертвы, особенно среди женщин и детей, стали результатом воздушных налетов, совершенных просто «по ошибке» (euromews.com/02.09.18). Тем не менее американцы продолжали

поддержку авиарейдов коалиции, снабжая ее спутниковыми разведданными и заправляя ее самолеты в воздухе (*arabnews.com/13.08.19*). Эксперты ООН пришли к выводу, что «преступления против человечности» совершали все участники конфликта. Они также обнаружили, что все стороны активно привлекали в свои ряды, часто насильно или за плату и просто еду, детей в возрасте 8 лет и старше.

С марта 2015 г. по сентябрь 2018 г., по данным ООН, в Йемене погибло уже более 10 тыс. человек, в большинстве своем гражданских лиц, и свыше 56 тыс. были ранены. По сведениям ЮНИСЕФ, 11 млн, или 80% всех детей в Йемене нуждались в срочной гуманитарной помощи, а 5 млн из них уже находились за гранью голода (*lemonde.com/19.09.18*).

Нелицеприятные выводы международных экспертов, направленных ООН, пришлось не по вкусу коалиционерам и правительству в Адене, которые отказались от дальнейшего сотрудничества с ними и объявили о завершении их миссии в ЙР (*arabnews.com/27.09.18*).

В противодействии хуситам все средства были хороши: в начале августа 2018 г. в СМИ просочились материалы о попытках коалиционеров привлечь к борьбе с ними даже экстремистов «Аль-Каиды» на Аравийском полуострове» (6–8 тыс. боевиков) (*ria.ru/06.08.18*). Это намерение по итогам расследования, проведенного Associated Press, нашло понимание и поддержку у Д. Трампа и его соратников (*lemonde.com/02.09.18*).

Попытки спецпосланника генсека ООН по Йемену М. Гриффитса усадить конфликтовавшие стороны за стол переговоров не давали результатов. В начале сентября 2018 г. хуситы не приехали в Женеву на подготовленную им встречу с правительственной делегацией, которая, обвинив его в «излишней мягкотелости к повстанцам», вернулась во свояси ни с чем (*arabnews.com/08.09.19*). Только за два дня после провала переговоров число жертв с обеих сторон в ходе не прекращавшихся ожесточенных столкновений в районе Ходейды достигло 84 человек (*lemonde.com/09.09.18*). Всего же, по подсчетам западных источников, к началу ноября 2018 г. затянувшаяся война ввергла страну, по оценкам ООН, в крупнейшую гуманитарную катастрофу: 22 млн человек или 75% населения ЙР нуждались в помощи и защите, из них 8,4 млн требовалось срочное снабжение продовольствием (*lemonde.com/01.11.18*).

Москва выразила поддержку и готовность оказать содействие усилиям М. Гриффитса добиться прекращения огня и начать

межйеменские переговоры. Несмотря на все трудности военной обстановки, российская авиация продолжала оказывать Йемену гуманитарную помощь. Учитывая беспристрастную и искреннюю озабоченность Москвы катастрофическим развитием обстановки в Йемене, а также ее богатый и успешный опыт в развязывании конфликтных узлов в регионе, руководство хуситов в конце октября 2018 г. обратилось к российской стороне с просьбой активно подключиться к усилиям ООН по урегулированию ситуации в ЙР и предоставить площадку для межйеменского диалога (*ria.ru/26.10.18*).

Катастрофическая гуманитарная ситуация в Йемене, сложившаяся не без участия Запада, побудила США и Францию в конце октября 2018 г. присоединиться к призывам России к противоборствовавшим сторонам прекратить военные действия и искать развязки конфликтных проблем через переговоры под эгидой ООН. Вашингтон и Париж также призвали Эр-Рияд завершить бесплодное вооруженное вмешательство во внутрийеменские дела (*ria.ru/02.11.18*). Такое вмешательство имело свои смертоносные результаты: по оценке The New York Times, поставки американских вооружений Саудовской Аравии привели к гибели в Йемене от воздушных ударов ее коалиции более 4,6 тыс. гражданских лиц (*gazeta.ry*). Такие призывы не возымели действия: в начале февраля 2019 г. CNN сообщило о передаче Саудовской Аравией вопреки соглашению с Вашингтоном американского оружия каидовцам и другим группировкам, принимавшим участие в столкновениях в Йемене (*unterfax.ru/05.02.19*).

К концу 2018 г. во мраке йеменских междоусобиц забрезжил свет: в ходе консультаций противоборствовавших сторон в Стокгольме 6–13 декабря 2018 г. под эгидой ООН были достигнуты договоренности по урегулированию конфликта. Через несколько дней повстанцы-хуситы вернули контроль за жизненно важным портом Ходейда правительству Йемена. В середине января 2019 г. сотрудники Всемирной продовольственной программы ООН впервые с июля 2018 г. смогли доставить в труднодоступные районы одноименной провинции гуманитарную помощь (*ria.ru/29.12.18*; *tass.ru/15.01.19*).

А она была жизненно важной: по данным Верховного комиссара ООН по правам человека М. Бачелет, к концу марта 2019 г. уже более 24 млн йеменцев нуждались в гуманитарной помощи, а для более 14 млн такая помощь являлась крайне необходимой (*tass.ru/20.03.19*).

Однако вскоре, после приезда в ЙР М. Гриффитса ситуация вокруг Ходейды вновь была взорвана возобновлением перестрелок и столкновений, вину за которые, как повелось, конфликтовавшие стороны возлагали друг на друга. Одним из результатов очередного срыва перемирия стал крупный пожар на складе гуманитарных грузов, доставленных по линии ООН (*ria.ru/06.01.19*). Днями позже хуситы, по данным правительственных источников, с беспилотника атаковали военный парад в провинции Лахдж, убив 6 его участников и ранив не менее 14 (*ria.ru/10.01.19*).

На встрече замминистра иностранных дел РФ С. В. Вершинина с М. Гриффитсом, прошедшей в Москве 11 января 2019 г., была подчеркнута важность продолжения коллективной работы по закреплению противоборствовавших йеменских сторон на путях выполнения взятых ими обязательств по достигнутым соглашениям. С российской стороны была подтверждена поддержка его усилий по «скорейшему прекращению насилия и кровопролития в Йемене и поиску долгосрочного всеобъемлющего политического урегулирования с учетом интересов всех йеменцев» (*www.mid.ru*).

«Россия, – заявил спецпосланник генсека ООН в интервью газете «Коммерсант», – постоянный член Совбеза ООН. И Москва играет активную роль в усилиях ООН по разрешению этого конфликта. Россия – значимый участник этого процесса. Решения йеменской проблемы не будет без дипломатии, и у России в этом процессе лидирующая роль». Дипломат также подчеркнул важность и пользу того, что Россия могла поддерживать контакты со всеми сторонами конфликта – как с мятежным движением «Ансар Алла», так и с официальным правительством Йемена (50) (*Коммерсант*, 05.01.19).

В целях содействия скорейшему прекращению насилия и кровопролития в Йемене и поиску долгосрочного всеобъемлющего политического урегулирования с учетом интересов всех йеменцев Совбез ООН 16 января 2019 г. единогласно проголосовал за учреждение специальной политической миссии ООН в Ходейде (75 наблюдателей) для отслеживания выполнения достигнутых в Стокгольме соглашений.

К середине мая силы хуситов оставили Ходейду, а коалиционеры стали бомбить их позиции в столице страны – Сане (*tass.ru/16.05.19*). Те в ответ с помощью беспилотников нанесли удары по одному из саудовских нефтепроводов, а затем по аэропортам городов Наджран, Джизан и Абха, а также по одной из военных баз (*tass.ru/25.07.19*).

Они также предприняли две попытки атаковать баллистическими ракетами священный для всех мусульман г. Мекк (tass.ru/22.05.19). Во второй половине августа 2019 г. мятежники атаковали дронами нефтеперерабатывающий завод крупнейшей саудовской нефтяной компании «Сауди Арамко» и нефтехранилище на месторождении Шейба на востоке КСА, а также столицу Королевства и позиции саудовских войск в провинции Наджран (www.immes.ru; tass.ru/26.08.19). В середине сентября 2019 г. из-за воздушных атак, ответственность за которые взяли на себя хуситы, сильные пожары вспыхнули на крупнейших в мире нефтеперерабатывающих заводах Арамко в Абкаике и Хурайсе, затронув невралгические центры нефтяной промышленности КСА (lemonde.com/14.09.19). В результате добыча нефти в королевстве упала вдвое, а мировые цены на нее взлетели на 13 %. В отместку про-саудовская коалиция нанесла удары по Ходейде, нарушив перемирие, достигнутое при посредничестве ООН.

Хваленые американские ЗРК Patriot (88 комплексов по 2,5 млрд долл. каждый плюс ежегодно 800 млн за техобслуживание) не смогли сбить 18 дронов и 7 крылатых ракет, нанеших удары по нефтяным объектам КСА (*Россия 1*, 20.09.19).

США отреагировали в своей традиционной манере: госсекретарь М. Помпео, несмотря на телепризнания хуситов в их причастности к атакам, бездоказательно возложил вину за эти налеты на Иран, пригрозив ему «твердым ответным ударом». Пентагон милитаристские устремления главы госдепа не поддержал, но войска, по заявлению вице-президента М. Пенса, привел в боевую готовность (tass.ru/17.09.19; *НТВ*, 18.09.19). В Вашингтоне было принято решение об отправке в регион Персидского залива дополнительного контингента военнослужащих «для укрепления ПВО и ПРО КСА и ОАЭ из-за усиления иранской агрессии» и о введении новых санкций против Ирана (ria.ru/21.09.19).

Тегеран голословные обвинения американцев решительно отверг. «Йеменцы, – заявил Президент ИРИ Х. Рухани, – не задели больницу или школу, они нанесли удар по промышленному объекту, чтобы сделать предупреждение своим врагам. Вражеские силы должны вынести урок из ситуации в Йемене и прекратить военные действия в регионе». Он добавил, что «войну начали не йеменцы, а Саудовская Аравия, ОАЭ и некоторые другие страны. Вместо ложных обвинений в адрес Ирана надо учитывать силу народов, которые встают с колен» (ria.ru/18.09.19).

Заключение

В такой напряженной атмосфере ожидать быстрого продвижения к урегулированию было весьма проблематично. Тем не менее усугублявшееся с каждым днем катастрофическое положение в Йемене требовало международных усилий по поиску путей выхода из него. В этих целях 24 июля 2019 г. специальный представитель Президента РФ по Ближнему Востоку и странам Африки, замминистра иностранных дел России М. Л. Богданов принял делегацию хуситского движения «Ансар Алла». В ходе состоявшейся беседы главный акцент был сделан на задачу достижения в ЙР всеобъемлющего мирного урегулирования под эгидой ООН, включая реализацию Стокгольмского соглашения, достигнутого по итогам межйеменских консультаций в декабре 2018 г. При этом с российской стороны подчеркивалось, что установление в ЙР долгожданного мира и национального согласия возможно только мирным путем, посредством инклюзивного политического процесса. Отмечалась важность неотложных мер по выправлению сложного гуманитарного положения в Йемене, а также консолидации усилий в решительной борьбе с действовавшими на территории этой страны террористическими группировками (www.mid.ru).

Одновременно Россия, используя свои возможности и накопленный опыт, содействовала в решении проблем Йемена международным организациям, прежде всего ООН. М. Гриффитс продолжал свою непростую посредническую работу. «Россия, – заявил он в одном из интервью, – оказывает ключевую помощь нашим усилиям. Они оказали большую поддержку мне лично, моему офису и всему народу Йемена». Он также отметил конструктивную позицию РФ в Совбезе ООН и ее вовлеченность в региональный процесс как важные факторы, способствовавшие достижению всеобъемлющего и долгосрочного политического соглашения, ведущую роль в котором должны были играть представители Йемена (ria.ru/02.07.19).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (26 февраля – 4 марта 2018 г.). URL: www.iimes.ru 05.03.18.
- Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (12–18 августа 2019 г.). URL: www.iimes.ru/ 19.08.19.

REFERENCES

- Ob izmenenijah v voenno-politicheskoj obstanovke na Blizhnem Vostoke i v Severnoj Afrike (26 fevralja – 4 marta 2018 g.). URL: www.iimes.ru 05.03.18.
- Ob izmenenijah v voenno-politicheskoj obstanovke na Blizhnem Vostoke i v Severnoj Afrike (12–18 avgusta 2019 g.). URL: www.iimes.ru/ 19.08.19.

УДК 327.56; 327.5; 327.7

О. А. Воркунова

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории регионоведения Московского государственного лингвистического университета; старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова, РАН; e-mail: olga@pww.ru; vorkunovaimemo@gmail.com

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРОБЛЕМ МИРА И КОНФЛИКТОВ**

Статья посвящена некоторым теоретико-методологическим аспектам в исследованиях проблем мира и конфликтов. Системы, структуры и процессы развития международных конфликтов рассматриваются как категории, требующие анализа в условиях роста вооруженного насилия; выделено также основное понятие «международный конфликт», его сущность, факторы влияния и отличия от явления конфликтности в системе международных отношений; приводятся разновидности насилия.

Ключевые слова: международный конфликт; система международных отношений; мировая политика; «негативный» и «позитивный» мир; вооруженное насилие; демократия; основные потребности.

O. A. Vorkunova

PhD (History), Assistant Professor, Department of Regional Studies, MSLU; Senior Researcher, Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; e-mail: olga@pww.ru; vorkunovaimemo@gmail.com

**THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS
OF PEACE RESEARCH**

The purpose of the article is to analyze some theoretical and methodological problems in peace research. The article addresses the questions growing importance of peace research as the system, structure and process of international development within the context of armed conflicts' growth. This article discusses the concepts of international conflict, factors of influence and nature of international conflict in the world system. It also describes different types of armed violence.

Key words: international conflict; the system of international relations; world politics; "negative" and "positive" peace; armed violence; democracy; basic needs.

Первоочередной задачей научного исследования проблем мира и конфликтов и всего комплекса проблем, связанных с вооруженным насилием и мирной трансформацией социальных систем, является выделение международного конфликта и понятия мира из ряда других

явлений международных отношений. Это задача определения объекта исследования. Без принципиального научного анализа, формирования и обоснования такого рода понятий нельзя подойти ни к одной из теоретических и методологических проблем, связанных с международными конфликтами.

Международные конфликты как объект исследований

В послевоенный период прошлого века, особенно в 1960–1970-х гг., на Западе широкое распространение получила «общая теория конфликтов». В рамках этой теории ученые разных специальностей пытались «сконструировать» универсальную теоретическую схему и методологию исследования. Они объединяли различные формы социальных конфликтов, начиная от межличностных столкновений, отношений внутри семьи, межэтнические и конфессиональные конфликты, восстания, мятежи, гражданские войны, путчи, перевороты, все типы и разновидности региональных и международных конфликтов, независимо от их конкретного исторического и социально-политического контекста.

Важно понимать, что для анализа конкретных проблем требуется исходить из общих философских категорий. При этом понятное стремление ученых-международников, историков и политологов связать понятие конфликта с разработкой теории развития в целом, моделей эволюции, приводило их к формированию нежизнеспособных, упрощенных и эклектичных идей. Такая «конструкция» оказывалась бесплодной при попытке применить ее на практике в процессе урегулирования региональных и международных конфликтов и при анализе комплексных конфликтных явлений социальной жизни внутри отдельных государств. Упрощенное, линейное, восприятие международного конфликта игнорирует политическую природу конфликтного взаимодействия, его специфику как конфликта государств, ставящих ценность суверенитета как высшую, с исторически детерминированными интересами и целями в системе международных отношений, с международно-правовыми и политическими обязательствами сторон двустороннего и многостороннего порядка.

Принципиальная научная позиция позволяет ограничить объект исследования собственно конфликтным взаимодействием как относительно самостоятельным феноменом социальной жизни, межгосударственных и внутrigосударственных отношений.

Необходимо сразу же определить позицию и в связи с некоторыми попытками толкования понятия «мир» как «негативный» мир и «позитивный» мир, а также расширительного толкования конфликта как насилия.

Известный американский ученый, профессор Сиракузского университета (США) Льюис Крисберг определяет насилие как «незаконную форму причинения вреда людям»¹ [Kriesberg 1998]. Это определение соответствует известному понятию в социологии, что насилие – это применение или угроза применения принуждения, которое физически вредит другим людям. Насилие как базовое явление межличностных отношений присутствует на различных уровнях человеческого общения – в семьях, межличностных и межгрупповых боях, беспорядков между коммунами, организованных мятежах, восстаниях, революциях и войнах между государствами.

Как и другие его коллеги, Крисберг отрицает биологическую детерминированность насилия в отношениях в семьях и между людьми и выводит причины этого феномена из культурных и социальных факторов как способов его легитимации и источника появления. «Живучесть» жестоких форм конфликтного противостояния связана с тем, что насилие получает своеобразную форму социальной законности. Например, существует институт ведения войны, в котором предусмотрено «искусство убивать». Крисберг отмечает, что конфликтного взаимодействия с применением вооруженного насилия можно избежать путем ненасильственных методов, например сотрудничества. Однако в любом государстве присутствуют вдохновители вооруженного насилия и войны, это – военно-промышленный комплекс, гендерная социализация, групповая солидарность, национализм, социальные движения, религиозный экстремизм. Благодаря этим структурам возникают или усиливаются акции вооруженного насилия [там же, с. 2].

Недостаточная определенность понятий насилия и конфликта как совокупности противоречий ведет к методологической путанице и обоснованию практических действий по вмешательству во внутренние дела суверенного государства с целью предотвращения вооруженного насилия. Таким образом, центральное место в исследованиях проблем мира и конфликтов занимает понятие конфликта

¹Зд. и далее перевод наш. – О. В.

и пути его преодоления. Классическое определение конфликта дает выдающийся норвежский ученый Й. Галтунг, основоположник этой дисциплины, в книге «Мир мирными средствами»: «Конфликт – это нечто большее, чем то, что видно невооруженным глазом как «неприятность», прямое насилие. Насилие заморожено в структурах, а культура придает законность насилию. Трансформация конфликта между сторонами – это нечто большее, чем построение новой архитектуры отношений между ними. Сами стороны должны быть трансформированы таким образом, чтобы конфликт между ними никогда более не возник. Для большинства конфликтов между сторонами основную роль играют аспекты внутренней дисгармонии каждой из сторон конфликта» [Galtung 1996, с. 2].

Й. Галтунг ввел понятие структурного, или косвенного, насилия и призвал различать «негативный мир», т.е. собственно отсутствие войны и прямых форм насилия, и «позитивный мир», т.е. состояние, в котором отсутствуют проявления как прямого, так и косвенного насилия и устанавливается состояние мира, в котором присутствует справедливость. При этом исследователи проблем мира и конфликтов отмечали, что в реальности «позитивный мир» Й. Галтунга пока не существует ни в одном современном государстве, что несколько не уменьшает привлекательность этой утопии.

Другим предметом исследования является состояние мира. В обширной литературе по проблемам мира и конфликтов 1990-х гг. большое место уделялось понятию «демократический мир». В серьезном труде Брюса Рассета «Господство демократического мира» достаточно полно обобщались эмпирические данные о демократии с периода Античности до наших дней. Автор стремился доказать, что демократические страны не воюют между собой [Russett 1993]. Это, однако, не исключало конфликтов внутри государств, особенно на этнической почве, и ослабление или даже дезинтеграцию государств со слабым управлением. Несмотря на это, миф о демократии как панацеи возникновения вооруженных конфликтов и как необходимого условия мирных взаимоотношений между государствами распространился среди ученых и политиков западных стран. И, соответственно, возникновение конфликтов и войн ставилось в зависимость от степени демократичности того или иного государства.

Появление популярной доктрины «принуждения к демократии» в постконфронтационный период обязано своим происхождением

упомянутой распространенной точке зрения в научном сознании и политических кругах западных стран, что именно демократия является главным препятствием использования насилия и силовых методов решения конфликтов. Норвежский ученый П. Гледитч, развивая и подтверждая выводы Рассета, указал на две закономерности: во-первых, государства чаще всего воюют с соседними странами; во-вторых, демократические государства редко воюют между собой [Gleditsch 1995, с. 297–323].

Норвежские ученые Гледитч и Сиверсен предлагают оригинальную теорию, объясняющую миролюбие демократий структурными причинами, в частности, опасениями политических элит потерять власть и поддержку со стороны мирового сообщества в случае развязывания широкомасштабных военных действий. Максимум, что могут себе позволить элиты, – это развязать конфликт низкой интенсивности [там же].

Но наиболее резкую критику в адрес мифа о миролюбии демократий мы находим у Й. Галтунга в его уже упоминавшейся книге «Мир мирными средствами». В главе «Демократия: диктатура = Мир: война», полностью отрицая тезис о мирных демократиях, он предлагает девять социологических теорем:

- 1) чем более своеобразна и конкурентоспособна культура, тем вероятнее, что страна демократична, и тем вероятнее, что она поведет себя воинственно при благоприятных условиях;
- 2) чем больше у страны опыта нанесения ударов другим государствам и чем более она при этом демократична, тем она более воинственна;
- 3) чем выше позиция страны в мировой иерархической пирамиде, тем больше вероятность, что она демократична и воинственна;
- 4) чем выше изоморфичность между внутренней и мировой социальной структурой и чем демократичнее государство, тем оно воинственнее;
- 5) чем демократичнее государство, тем больше разделение властей в процессе принятия решений, а чем больше разделение властей, тем менее воинственна страна;
- 6) чем демократичнее страна, тем больше соблюдаются права человека, а чем больше соблюдается права человека, тем больше обязательств налагается;

7) чем демократичнее государство, тем выше внутренняя конкуренция за власть, а чем выше внутренняя конкуренция за власть, тем больше искушение получить поддержку за счет агрессии вовне;

8) чем демократичнее государство, тем больше требуется запаса прочности внутреннего мира для внешней активности вне зависимости от того, носит ли она воинственный или мирный характер;

9) чем демократичнее страна, тем более убеждены в своей правоте лидеры/народ, а чем больше они уверены в своей правоте, тем более воинственна страна [Galtung 1996].

Как подчеркивает в девяти теоремах Галтунг, существует вероятная взаимосвязь между демократией как формой ведения внутренней политики и воинственностью как способом проведения внешней политики. Иными словами, тезис о миролюбии демократии остается весьма спорным и недоказуемым, несмотря на усилия многих исследователей проблем мира, черпающих свои аргументы из эмпирических данных о войнах и конфликтах и даже вопреки блестящей теореме Рассета о «демократическом мире» [Oneal, Russett 1997].

Конфликт понимается Галтунгом прежде всего как внутреннее противоречие, когда одна сторона стремится к аналогичной цели, или когда одна сторона разрывается между двумя несовместимыми целями. В первом случае простой конфликт называется «диспутом», во втором – «дилеммой». Разрешение потенциальной энергии, заключенной в конфликте, может привести либо к силовому разрушению (насилие: уничтожение другой стороны или самоуничтожение), либо к конструктивному действию и мирному разрешению конфликтного противостояния. Врожденное противоречие более точно формулируется как «состояние несовместимости целей в системе достижения цели» и конфликт представляется как триада «восприятие / оценка + поведение + противоречие / содержание». Поэтому успешным разрешение конфликта может быть лишь в том случае, когда миротворец работает со всеми тремя аспектами конфликта. Только тогда возможно принятие конструктивного решения [Galtung 1996].

Й. Галтунг полагает, что конфликт предвосхищает появление системы, стремящейся к каким-либо целям, а такие системы и порождают жизнь. Упомянутые системы (т.е. сложные социальные системы с целевыми установками) включают в себя как элементы гармонии, так и дисгармонии, проявляя себя как в сотрудничестве, так и в конфликтном противостоянии. Конструкция Галтунга в корне

противоречит традиционному предмету исследований в политологии, каким является государство и борьба за власть. Конфликты, в понимании Галтунга, неразрывно связаны с психологической и физической природой человека. Поэтому, чтобы познать природу конфликта, необходимо обратиться к человеческим ассоциациям в реальной жизни, откуда и возникают конфликты, как на уровне сознания, так и подсознания. В этом случае можно провести классификацию такого сложного явления как конфликт, включающий структурный конфликт, недовольство, неудовлетворенность и как первичные, так и более сложные стороны конфликтного противостояния в форме диспута и дилеммы. От аналитика и эксперта по конфликтам требуется не только описание эволюции конфликтного противостояния и определение его сторон и действующих лиц, но также понимание целей, их несовместимости и противоречий [Galtung 1996, с. 89].

Несколько иной подход к пониманию международного конфликта мы находим у другого известного американского исследователя проблем мира Льюиса Крисберга. В работе «Конструктивные конфликты. От эскалации к разрешению» он анализирует конфликты различной сложности, начиная от простейших видов и до глобальных форм конфликтного противостояния. Крисберг рассматривает потенциал и конструктивные пути урегулирования конфликтов на примере многих реальных конфликтных ситуаций [Kriesberg 1998].

В работах Крисберга наиболее полно анализируется тип социального конфликта. Начиная с понимания, что конфликт является распространенным явлением во всех социальных ситуациях, Крисберг предлагает следующее: «Социальный конфликт образуется, когда два человека или группа людей убеждены, что их цели несовместимы» [там же, с. 26]. Из этого следует, что природа конфликта связана с сознанием, которое отлично от соперничества, и конфликт осознанно воспринимается его сторонами (отдельными людьми или коллективами). Но Крисберг также допускает наличие открытого, латентного или потенциального конфликта в случае, когда стороны и не осознают, что они находятся в конфликтном взаимодействии [там же].

Крисберг особо подчеркивает, что его определение не предусматривает средства и методы достижения своих целей сторонами, поскольку его интересуют лишь несиловые и конструктивные формы противостояния, а не способы применения насилия и принуждения.

Устанавливая границы определения социального конфликта, Крисберг обращает внимание на то, что социальный конфликт различается как по содержанию, так и по характерным чертам, присутствующим его носителям, особенностям взаимосвязей между носителями конфликта, социальному контексту и методам ведения борьбы. Для более полной иллюстрации состояния конфликта он приводит примеры оценок, восприятия и намерений сторон конфликтного противостояния и анализирует субъективный аспект с целью показать, как люди, вовлеченные в конфликт, сами воспринимают это состояние. Крисберг подчеркивает, что любой конфликт развивается во вполне конкретной физической и социальной реальности, поэтому условия, в которых происходит конфликтное взаимодействие, влияют на развитие конфликтных действий. Так образуется довольно сложная взаимосвязь между условиями, которые оказывают воздействие на оценки, и оценками, которые сказываются на условиях развития конфликта [Kriesberg 1998].

Для динамики конфликтного взаимодействия важную роль имеют ценности, которые мотивируют поведение людей в большей степени, нежели просто стремление к миру. Это касается таких традиционных ценностей, как свобода, равенство, братство, а также стремления к признанию своих особых заслуг или превосходства над другими. Крисберг обращает внимание на то, что при анализе международных конфликтов никогда не следует ограничиваться рассмотрением поведения высших чиновников как основных представителей стороны конфликта, но и необходимо учитывать масштабные социальные движения, оппозицию, транснациональные организации, роль электората и неофициальных структур общества. Поскольку стороны конфликта представлены группами людей, важно учитывать их самосознание, степень лояльности к властным структурам, идеологию, религиозные и этнические предпочтения, язык, профессиональную деятельность, национальные особенности страны. Международные конфликты всегда отличаются многочисленностью участников конфликта, разнообразием предметов спора, сочетанием как мирных, так и силовых принудительных форм ведения.

Разработки Й. Галтунга и Л. Крисберга получили дальнейшее развитие и были конкретизированы их коллегами. В частности, Г. Кельман сформулировал следующие аксиомы применительно к международным конфликтам:

1) международный конфликт – это процесс, развивающийся под влиянием коллективных потребностей и страхов, а не только результат рациональных расчетов в соответствии с объективными национальными интересами, представленными политиками;

2) международный конфликт – это межсоциальный процесс, а не просто межгосударственный и межправительственный феномен;

3) международный конфликт – это многосторонний процесс взаимодействия, а не только предмет спора соперничающих держав;

4) международный конфликт – это интерактивный процесс с самовоспроизводящейся и прогрессивной динамикой, а не просто некая последовательность действия и реакций статичных сторон конфликта [Kelman 1997, с. 194].

Развивая данные концепции, Г. Кельман обращает особое внимание на неудовлетворенность или неполное удовлетворение основных потребностей как причину возникновения конфликта. Он придает значение психологическим аспектам развития конфликтного взаимодействия, таким как идентичность, безопасность, признание, автономия, чувство собственного достоинства и чувство справедливости, влияющие на поведение индивидуумов и характерные для поведения этнических, национальных групп и государств. Критическим уровнем возникновения конфликта Г. Кельман называет самосознание (идентичность), безопасность и другие важные коллективные потребности, а также страхи, связанные с проблемой выживания группы. Например, появление и эскалация многих международных и межгрупповых конфликтов тесно связаны с территориальными претензиями и природными ресурсами.

Другой выдающийся американский ученый проблем мира и конфликтов Д. Бёртон настаивал на изучении прямой связи между межгосударственными и межгрупповыми конфликтами и основными потребностями человека. Проводя взаимосвязь между межгосударственными и межгрупповыми конфликтами и удовлетворением основных человеческих потребностей: идентичности, признания, выживания, Джон Бёртон перенес изучение проблем урегулирования конфликтов в плоскость социальной психологии. В концепции конфликтного взаимодействия Бёртона проводится четкая грань между собственно конфликтом и диспутом. Диспут, по мнению Бёртона, предполагает обычные методы, а поиски урегулирования конфликта требуют применения знания о степени удовлетворения базовых потребностей сторон конфликта и отдельных участников сторон. Подход Бёртона трактует конфликт

как универсальное явление, оказывающее влияние на культуру на всех социальных уровнях [Burton 1986].

В конце 1990-х гг. ученые, занимающиеся проблемами мира, отмечали отсутствие универсального подхода в понятийном аппарате. Научное сообщество в этой области так и не смогло приблизиться к согласованной концепции мира. Традиционное деление развития человечества на мир и войны включало отсутствие или наличие вооруженных конфликтов между государствами или людьми.

Между учеными-теоретиками проблем мира до сих пор ведутся споры, что следует понимать под термином «позитивный мир». Попытки прийти к общему знаменателю в вопросе о справедливости и справедливом мире также ни к чему не привели. По-прежнему сохраняются разногласия и в вопросах о правах человека, особенно в том, что понимается под политическими, гражданскими, экономическими и социальными правами.

Согласно Й. Галтунгу, источники насилия следует искать в концепции основных потребностей человека. Он перечисляет четыре группы потребностей: выживание, благосостояние, свобода и идентичность. Полное удовлетворение основных потребностей составляет фундамент «позитивного мира», нарушение хотя бы одной из них ведет к появлению основных форм насилия (антиподов базовых потребностей): Холокост, скрытый Холокост, ГУЛАГ, духовная гибель [Galtung 1996]. Галтунг также выделяет четыре формы насилия, связанных с соответствующими четырьмя формами лишений: насилие, нищета, репрессии, отчуждение.

Исследователь работ Галтунга Серенсен обратил внимание на то, что его классификация состояния мира и форм насилия взаимосвязана с концепцией развития. Примечательно, что и сам Галтунг настаивает на этой взаимосвязи. В своих поздних работах он выстраивает связь между понятиями мира, конфликта, развития и цивилизации. К учению о прямом и структурном насилии он добавил концепцию «культурного насилия». Галтунг отмечал, что культура выполняет роль легитимации насилия. При этом легитимация ведется посредством религии и идеологии. Религия и идеология делятся на так называемую «жесткую» и «мягкую» формы. «Жесткие» формы религии и идеологии ориентированы на целевую составляющую, «мягкие» формы связаны с сопереживанием и симпатией.

Возвращаясь к проблеме различных интерпретаций понятия конфликта, следует отметить, что эта проблема, разумеется, далеко не исчерпывается ни вопросом о ее широкой и узкой трактовке, ни членением в соответствии с национально-государственной и политически-международной трансформацией, ни рассмотрением краткосрочных, тактических перемен, среднесрочных и долгосрочных перспектив мирных трансформаций. В частности, различные толкования состояния социально-территориального субъекта и системы международных отношений как «глубинного мира», стабильности или временного отсутствия военных действий и вооруженных столкновений сами по себе могут служить основанием для разграничения отдельных аспектов внутреннего строения миростроительства, трактуемого как в широком, так и в узком значении слова.

Необходимо также дифференцировать понятия конфликта и конфликтности. Конфликтность может рассматриваться как общая черта, присущая той или иной международной ситуации. Она основана на объективно существующих социально-экономических и политических противоречиях. Период трансформации порождает такой специфический феномен, как общая конфликтность международных отношений. Она может служить фоном и предпосылкой возможного международного конфликта, но это еще не сам по себе конфликт. Такого рода конфликтность является в основе своей функцией международной напряженности, зависящая от ее степени. Конфликтность глобального, регионального, субрегионального, группового или двустороннего характера присутствует в процессе зарождения и развития любого международного конфликта. Конфликтность может способствовать возникновению и развитию международного конфликта как такого, но сама по себе она не порождает его автоматически.

Международный конфликт часто неправомерно приравнивается к международному кризису. Международный кризис – это одна из возможных последовательно развивающихся фаз конфликта. Кризис может возникнуть как закономерное следствие развития конфликта, означая, что конфликт достиг опасной грани своего развития. В свою очередь, кризис создает угрозу перерастания конфликта в вооруженное насилие. Кризис придает всему развитию международного конфликта трудно управляемый характер. Тем самым происходит дальнейшая эскалация конфликтного взаимодействия. В то же время международный кризис не является обязательной и неизбежной фазой

конфликта. Тот или иной кризис может быть преодолен, но при этом международный конфликт сохраняет траекторию своего развития. При определенных обстоятельствах международный конфликт может вновь выливаться в кризисы разной остроты и масштабности.

На Ближнем Востоке в общем ходе международного конфликта, определяемого как внутренней динамикой стран, так и региональными интересами и внешними факторами, не раз возникали кризисные фазы, которые либо приводили немедленно к раунду вооруженного насилия, либо, не доводя дело до этого, сменялись фазой относительно более низкой по уровню военной угрозы.

Вооруженное насилие как определенная фаза развития конфликта «вырастает» из предыдущих политических стадий конфликтного противостояния и может иметь своим следствием другие политические фазы. Вместе с тем вооруженная фаза развития конфликта способна обладать собственной логикой, ведущей к расширению участников вооруженного противостояния и общей эскалации конфликта.

Только введенный в определенные границы международный конфликт способен стать более или менее четко выделенным из других явлений социальной жизни и системы международных отношений. Именно тогда он становится объектом теоретического, методологического и практического исследования специалистов в качестве междисциплинарного предмета. Международный конфликт обладает многими признаками и аспектами, по которым его можно определять и изучать. Но при этом необходимо выделить его главные исходные свойства, выделяющие его природу, сущность, содержание, структуру и процесс развития.

Международные конфликты могут оказывать воздействие на саму систему международных отношений и привести к радикальной трансформации системы, но это относится к масштабным историческим событиям, таким как Первая и Вторая мировые войны. Международные конфликты второго плана не вносят существенных изменений в структуру международных отношений, но воздействуют на уровне отдельных отношений структуры системы или ее региональных подсистем.

К началу XXI в. определился глобальный характер мировой политики, окрепли межгосударственные связи между великими державами и растущими сверхдержавами, углубилась взаимозависимость между государствами. Возникло качественно новое состояние

мирного сосуществования между государствами с различными национальными интересами, культурно-идеологическими ценностями, стратегическими инновациями. Основные направления западной идеологической мысли XX в. – классический и неоклассический реализм, либерализм, конструктивизм – не способны сформировать долгосрочную стратегию мирных трансформаций в эпоху ускоренных перемен.

Сущность международного конфликта

В научном познании, в практических попытках обоснованного и эффективного воздействия на ход и разрешение международного конфликта наиболее обобщенной категорией является сущность конфликта. Именно сущность конфликта, с одной стороны, концентрированно отражает его природу, в конечном счете тип, а с другой – отражается в субъективных интересах, целях, стратегии и тактике сторон участников конфликта.

Западные ученые часто идут путем крайней субъективизации конфликта, сводя всё к детерминируемым психологическим или биологическим предопределенностям человеческой природы, либо, наоборот, преувеличивают влияние объективных факторов, ссылаясь на закономерности развития системы международных отношений.

В «Заявлении о насилии» подписавшие его психологи и социологи особо подчеркивали, что некорректно, с научной точки зрения, объяснять склонность к ведению войны животными инстинктами. Они заявляли, что война является продуктом особой культуры, и было бы неверно относить различные формы жестокого и агрессивного поведения к генетически заложенным качествам человека, которые в процессе эволюции и в результате селекции подавили иные формы поведения. Иными словами, неверно утверждать, говорилось в «Заявлении», будто биологически человек был приговорен к ведению войн [Hinde 1993].

Для возникновения и развития международного конфликта могут быть существенными различные противоречия. Объективные и субъективные противоречия могут возникать и действовать порознь и совместно, наслаиваться друг на друга и взаимодействовать, порождая при этом новые противоречия и в целом усложняя структуру конфликта. По мнению Й. Галтунга, конфликт – это несовместимость целей, антагонистические противоречия.

Обусловленность возникающих международных конфликтов конкретными внутренними и международными противоречиями, связь с определенным балансом и соотношением сил и закономерностями развития системы международных отношений, на основе которых эти противоречия возникают и разрешаются, носит объективный характер.

Согласно Галтунгу, природа конфликта представляет собой триединство собственно противоречия, поведения (действия) и восприятия (осознание противоречия) [Galtung 1996]. Те или иные реально существующие противоречия находят прямое или косвенное, адекватное или субъективно искаженное восприятие и отражение в сущности и типе конфликта, в интересах, стратегии, тактике, способах их осуществления участвующими в нем государствами или иными политическими силами, во внешних условиях развития международного конфликта.

Особенности восприятия конфликтного противостояния, в том числе противоречия мышления связаны со степенью адекватности образа противоречия, которое, в свою очередь, определяется логическими средствами познания и способами их использования, а также уровнем развития способности к теоретическому мышлению субъекта познания. Восприятие конфликта сказывается на поведении и действиях сторон конфликтного взаимодействия и на развитии конфликта в целом.

Изменение сущности конфликтов отражают процесс воспроизводства и разрешения основных противоречий на различных этапах развития и трансформации мировой системы. Они могут возникать либо непосредственно под воздействием баланса сил или борьбы за гегемонию и лидерство, через влияние закономерностей системы международных отношений, воздействующих на происхождение и особенности конфликтов в мировой политике. Эти трансформации могут происходить относительно плавно, но постепенно накапливая переломные признаки, характеризующие общую тенденцию развития. На определенном историческом рубеже, в переломные моменты такие накопленные изменения могут коренным образом изменить природу и характер конфликтов.

По многим объективным и субъективным причинам переходные страны подвержены воздействию экономических, политических, территориальных, этнических, религиозных и племенных противоречий.

Конфликты в этих государствах стимулируются борьбой отдельных группировок и личностей, выражающих в своих интересах и целях сложный политико-идеологический конгломерат подлинных и надуманных противоречий внутри этих стран и между ними.

События XXI в. по-новому поставили вопрос о соотношении, взаимодействии и взаимном переходе объективных и субъективных факторов в международных конфликтах. Стратегия и тактика ведущих и региональных держав, прежде всего США, была направлена, как правило, на форсирование тех или иных реально существующих объективных противоречий. Это вело к перерастанию противоречий в кризисы, вооруженное насилие, войны с целью шантажа, получения предложения для вмешательства в форме «гуманитарной интервенции», борьбы с международным терроризмом, извлечения тех или иных выгод и преимуществ в торговле оружием.

Эта стратегия и тактика порождала, в свою очередь, многослойную надстройку субъективно воспринимаемых «отраженных» противоречий, нередко деформировавших реальные противоречия, вызывавших извращенные идеологические и социально-психологические представления заведомо тенденциозного характера. Подобные фейк-ньюс способствуют разжиганию международных конфликтов в интересах и целях политического класса заинтересованных государств. Такого рода субъективный фактор играл во всех конкретных ситуациях, порождавших конфликты, исключительно важную роль как активный катализатор противоречий, конфликтного развития, перерастания противоречий в международные кризисы, вооруженное насилие.

Содержание международного конфликта определяется постоянными или временно действующими тенденциями, и в то же время специфическими закономерностями и условиями той внешней среды, которая вызывает конфликтное противостояние.

Возникновение и развитие международного конфликта связаны не только с объективными противоречиями, лежащими в его основе, но и с особыми свойствами субъективного фактора, каким является внешняя политика того или иного государства. Возникающие противоречия осознаются и решаются в конфликте государств через механизм формирования и осуществления внутренней, внешней и военной политики.

Международные кризисы и вооруженное насилие могут затруднять развитие позитивных процессов в мировой системе, вносить

в нее новые элементы нестабильности, подталкивать опасный ход событий в эру ядерного оружия, минимизации оружия массового уничтожения и средств его доставки. Теоретические разработки исследований проблем мира и конфликтов и их практическое применение становятся всё более востребованными в условиях развития многополярного мира и поиска альтернативных моделей ответственного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Burton J.W.* The History of International Conflict Resolution // International Conflict Resolution / Eds. Edward E.Azar and J.W.Burton. Sussex: Wheatsheaf Books / Boulder : Lynne Rienner, 1986. 159 p.
- Galtung J.* Peace by Peaceful Means. Peace and Conflict, Development and Civilization. PRIO. London & Thousand Oaks & New Delhi : Sage, 1996. P. VIII.
- Gleditsch N. P.* Geography, Democracy, and Peace // International Interactions. 1995. Vol. 20. No. 4. P. 297–323.
- Hinde R.A.* Aggression and War: Individuals, Groups and States // Behaviour, Society and International Conflict / Eds. P.E. Tetlock, J.L. Husbands, R. Jervis, P.S. Stern, C. Tilly. N. Y. : Oxford University Press, 1993. Vol III. P. 8–70.
- Kelman H.C.* Social-Psychological Dimensions of International Conflict // Peacemaking in International Conflict / Eds. I.W.Zartman and L. Rasmussen. Washington, D.C. : USIP Press, 1997. P. 191–236.
- Kriesberg L.* Constructive Conflicts. From Escalation to Resolution. Lanham & Boulder & New York & Oxford : Rowman & Littlefield, 1998. 428 p.
- Oneal J.R. and Russett B.M.* The Classical Liberals Were Right: Democracy, Interdependence, and Conflict, 1950–1985 // International Studies Quarterly. 1997. Vol. 41. No 2. June. P. 267–293.
- Russett B.* Grasping the Democratic Peace. Principles for a Post-Cold War World. Princeton : N. Y. Princeton UP, 1993. 192 p.

REFERENCES

- Burton J.W.* The History of International Conflict Resolution // International Conflict Resolution / Eds. Edward E.Azar and J.W.Burton. Sussex: Wheatsheaf Books / Boulder : Lynne Rienner, 1986. 159 p.
- Galtung J.* Peace by Peaceful Means. Peace and Conflict, Development and Civilization. PRIO. London & Thousand Oaks & New Delhi : Sage, 1996. P. VIII.

- Gleditsch N. P.* Geography, Democracy, and Peace // *International Interactions*. 1995. Vol. 20. No. 4. P. 297–323.
- Hinde R. A.* Aggression and War: Individuals, Groups and States // *Behaviour, Society and International Conflict* / Eds. P. E. Tetlock, J. L. Husbands, R. Jervis, P. S. Stern, C. Tilly. N. Y. : Oxford University Press, 1993. Vol III. P. 8–70.
- Kelman H. C.* Social-Psychological Dimensions of International Conflict // *Peacemaking in International Conflict* / Eds. I. W. Zartman and L. Rasmussen. Washington, D.C. : USIP Press, 1997. P. 191–236.
- Kriesberg L.* Constructive Conflicts. From Escalation to Resolution. Lanham & Boulder & New York & Oxford : Rowman & Littlefield, 1998. 428 p.
- Oneal J. R. and Russett B. M.* The Classical Liberals Were Right: Democracy, Interdependence, and Conflict, 1950–1985 // *International Studies Quarterly*. 1997. Vol. 41. No 2. June. P. 267–293.
- Russett B.* Grasping the Democratic Peace. Principles for a Post-Cold War World. Princeton : N. Y. Princeton UP, 1993. 192 p.

доктор исторических наук; профессор кафедры теории и истории международных отношений Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: mikhailin.igor@mail.ru

МНОГОЛИКАЯ СИЛА В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИИ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

В статье рассматривается эволюция феномена «силы» в международных отношениях. Первой ее разновидностью была «жесткая сила», применявшаяся в целях принуждения посредством вооруженного насилия. Вторая ее ипостась – «мягкая сила» основана на использовании убеждения вместо принуждения и пропаганде таких ценностей, как открытость общества и политической системы, культура. Третий вариант – «умная сила» представляет собой комбинированное применение в разных пропорциях в зависимости от ситуации «жесткой силы» и «мягкой силы». Еще одна разновидность – «острая сила» направлена на использование информационно-пропагандистского аппарата для донесения до зарубежной аудитории официальной точки зрения на события в собственной стране и в мире. Россия является одной из немногих стран, способных гибко использовать весь набор вариантов «силы» для защиты своих национальных интересов.

Ключевые слова: «жесткая сила»; «мягкая сила»; «умная сила»; «острая сила».

I. V. Mikhailin

Doctor of History, Professor, Department of the Theory and History of International Relations, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), Moscow State Linguistic University; e-mail: mikhailin.igor@mail.ru

MULTIFACED STRENGTH IN WORLD POLITICS AND IN RUSSIA ACTIVITIES ON INTERNATIONAL SCENE

The article deals with evolution of «power» phenomenon in international relations. Its first variety historically was «hard power» used for coercion by means of armed violence. Its second variety – «soft power» based upon persuasion instead of coercion and by boosting such values as openness of society, political system and culture. Third variety – «smart power» represents a combined utilization of «hard power» and «soft power» in different proportions depending on situation. «Sharp power» is another version. It aims at supplying foreign radio and TV audience with official view on home events and abroad. Russia is one among few countries capable to use flexibly the whole set of power varieties in safeguard of its national interests.

Key words: «hard power»; «soft power»; «smart power»; «sharp power».

Введение

«Всё течет, всё меняется». Эта короткое, но емкое изречение древнегреческого философа Гераклита используется, когда речь заходит о постоянных и неизбежных переменах в обществе, мире в целом. Влияние на изменение черт, присущих социальным явлениям, – одно из свойств времени. Поступательный ход времени задает такой же вектор и общественному развитию. Изменения в общественной жизни сопровождаются трансформацией привычных функций многих социальных феноменов. Проявляется это в их переходе в новое качественное состояние в связи с перегруппировкой составных элементов и / или добавлением новых. Интенсивность перемен в мире за последние десятилетия настолько возросла, что уже при жизни одного поколения многие социальные явления изменились или приобрели новые свойства.

Эти оценки полностью применимы к такому социально-политическому феномену, как **сила**. Сегодня она используется государствами в нескольких разновидностях – «жесткая сила», «мягкая сила», «умная сила», «острая сила». Попробуем разобраться в особенностях, присущих каждой из них.

«Жесткая сила»

Исторически первой формой была «**жесткая сила**» в форме военного насилия. По подсчетам американских ученых, между 3600 г. до н. э. и 1980 гг. было не более 26 дней, чтобы где-то на планете не шла война [Pearson, Rochester 1998]. На разных континентах уничтожались целые цивилизации, сменялись режимы, гибли в сражениях или от пыток миллионы людей. После 1945 г. США более 300 раз прибегали к военной силе или угрозе ее применения, в том числе около 200 раз совершали прямую вооруженную агрессию на территории других стран [Рыхтик 2003]. В сложившейся после Второй мировой войны двухполюсной системе международных отношений Советский Союз использовал силовые акции в зоне своего политического влияния (ввод войск в Венгрию (1956), Чехословакию (1968), ограниченного воинского контингента в Афганистан (1979)). Силовые акции всегда оказывали принудительное воздействие на международные отношения посредством дестабилизации обстановки в отдельных странах и регионах. Из всех известных форм (от насильственных – интервенции, угрозы, преследования, пытки до относительно мирных –

торгово-экономических санкций, финансового давления) именно военное вмешательство является наиболее ярким проявлением «жесткой силы».

XXI век продолжил эстафету силового вмешательства. США без санкции Совета Безопасности ООН осуществили вооруженное вмешательство в Ирак (2003) и ввели против Багдада торгово-экономические санкции, провели интервенцию против Ливии (2010). Ныне Вашингтон проводит курс на слом существующей системы договоров, ограничивающих гонку вооружений, в первую очередь ядерных. После крымских событий происходит концентрация военной техники и контингентов США и стран НАТО вблизи западных рубежей России. Это послужило основанием для сделанного в Концепции внешней политики РФ (2016) вывода о возрастании «роли фактора силы в международных отношениях»¹.

Складывающаяся обстановка настоятельно требует укрепления безопасности России. Ключевую роль в решении этой наиважнейшей задачи политическое руководство страны отводит укреплению военного потенциала. Из комплекса сопутствующих мер отечественные специалисты обращают первоочередное внимание на необходимость расширения военно-научных и военно-экономических возможностей государства, укрепления его способности совершенствовать вооруженные силы, снабжения их современным вооружением и военной техникой² [Основные компоненты военного потенциала. Stud Files URL].

О том, насколько эффективно научно-конструкторские бюро и предприятия системы Министерства обороны РФ выполняют эти установки можно судить по демонстрации рамках послания Президента РФ Федеральному собранию (2018) ряда новейших военных разработок. Речь идет о ракетном комплексе «Авангард», неуязвимом даже для перспективных систем ПРО, межконтинентальной баллистической ракете «Сармат», гиперзвуковом авиационно-ракетном комплексе «Кинжал»³. Правомерно говорить о подлинном оружей-

¹ Указ Президента РФ от 30.11.2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики РФ. П. 6

² Военная доктрина Российской Федерации / Утверждена Президентом РФ 25.12.2014. № Пр-2976. П. 26.

³ Указ Президента РФ от 30. 11.2016. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики РФ. П. 6. ; Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию от 1.03.2018 // Российская газета. 2.03.2018.

ном прорыве. Во-первых, потому что это новые виды стратегического оружия, а не задел времен СССР. Во-вторых, они на многие годы опередили военные разработки в странах Запада.

Важнейшим документом, непосредственно относящимся к военной организации России, стала утвержденная Верховным Главнокомандующим в декабре 2014 г. Военная доктрина. Ее появление совпало по времени с поворотом к обострению конфронтации между Россией и коллективным Западом. Тем не менее был сохранен сугубо оборонительный характер Военной доктрины РФ, и вместе с тем оговорены меры по дальнейшему укреплению безопасности. В частности, появился пункт, согласно которому в рамках мероприятий по стратегическому сдерживанию силового характера Российской Федерации предусматривается применение высокоточного оружия¹.

Что касается ядерного оружия, то пункт, касающийся условий его использования, остался в прежней редакции. «Россия оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против РФ с применением обычного оружия, когда под угрозой поставлено само существование государства»².

«Мягкая сила»

В 90-е гг. XX в. в международно-политическом лексиконе появился термин «**мягкая сила**». Суть «мягкой силы» была сформулирована американским ученым-международником Дж. Наем краткой, но ёмкой формулой – «это в большей степени способность убеждать, нежели принуждение» [Нье 2003, с. 8]. Причина, по которой принуждение, оказываемое «жесткой силой», стало постепенно утрачивать функцию силового подчинения или оказания преобладающего влияния сильным государством в отношении более слабой страны, состояла в появлении после окончания Второй мировой войны объединившихся вокруг СССР в рамках системы социализма государств Центрально-Восточной Европы, что положило конец прежнему диктату Запада в мировых делах. Кроме того, силовые методы, используемые США после самороспуска СССР и социалистического

¹ Военная доктрина Российской Федерации / Утверждена Президентом РФ 25.12.2014. № Пр-2976, п. 26.

² Там же, п. 26.

содружества гораздо чаще, чем каким-либо другим государством, вызывают растущее осуждение международной общественности.

Проанализировав эти изменения, Дж. Най и сформулировал концепт «мягкой силы». Он четко определил ресурсы, которые международные акторы могут задействовать для реализации внешнеполитических стратегий с опорой на «мягкую силу». В книге «Мягкая сила. Способы достижения успеха в мировой политике» он дал развернутое определение ее ресурсов. «Мягкая сила» основывается на трех источниках: ее культуре (в тех аспектах, которые привлекательны для других), политических ценностях (при условии, что они воплощаются во внутренней и внешней политике) и внешней политике (при условии, что другие считают ее законной и моральной) [Nye 2005, с. 142]. В других его работах имеются указания и на более конкретные источники «мягкой силы», например «ценности, а также пример, который отдельно взятая страна подает другим государствам достигнутым уровням процветания»¹ [Nye 2003, с. 8]. Кроме того, ресурсами «мягкой силы» могут служить «открытость общества и политической системы» [Public Diplomacy and Soft Power 2008, с. 105].

В последнее время всё большее число развитых стран как Запада, так и Востока выстраивают свои внешнеполитические стратегии с опорой на «мягкую силу». «Мягкая сила», по оценке ученых ИМЭМО Е. Харитоновой и И. Прохоренко, предстает как некая долгосрочная стратегическая «рамка», охватывающая широкий спектр вопросов, в том числе представления о месте и роли, а иногда и о миссии государства в мире и тех ценностях, которые оно продвигает вовне [Харитонова, Прохоренко 2018, с. 39–40].

США – имеют статус постоянного члена Совета Безопасности ООН, участвуют в военном блоке НАТО, оказывая при этом решающее влияние на принимаемые им решения. Американцы гордятся свободной прессой, тем, что Конгресс и суды могут критиковать и корректировать политику страны. Местные СМИ позиционируют американскую демократическую систему как «сияющий храм на холме», а президенты США оценивают своих соотечественников как «исключительную, Богом избранную нацию». Американская поп-культура, по мнению Дж. Най, «всегда будет иметь глобальную аудиторию, как бы мы себя не вели» [Nye 2003, с. 11].

¹ Зд. и далее перевод наш. – *И. М.*

Великобритания пережила «стресс», связанный с утратой статусов крупнейшей колониальной державы, «мастерской мира». Нынешний премьер-министр Б.Джонсон обещает вернуть стране былое величие, даже несмотря на потерю членства в Европейском союзе. К ресурсам британской «мягкой силы» специалисты относят статус постоянного члена Совета Безопасности ООН, членство в Содружестве наций, объединяющим 55 стран – бывших колоний, а также такие национальные активы, как Всемирная служба Би-би-си, одна из лучших в мире систем образования, притягивающая наибольшее число иностранных студентов, самый используемый язык международного общения.

Испания повысила свой международный авторитет, совершив транзит от авторитарного режима Ф.Франко к представительной демократии, послуживший примером для некоторых стран Латинской Америки. Мадрид позиционирует себя и признается в таком качестве «связующим звеном» между Евросоюзом и интеграционными объединениями в Южной Америке и странах Карибского бассейна. Испания – одна из инициаторов регулярного созыва конференций на высшем уровне ибероамериканских стран.

Китай. Имеет статус постоянного члена Совета Безопасности ООН, участвует в деятельности ШОС, АТЭС, ВТО. Решениями XVII съезда Компартии Китая (2007) «мягкая сила» официально провозглашена в качестве политической стратегии. Общины китайцев «хуацяо» во многих странах Юго-Восточной Азии, поощряемые китайскими властями, активно инвестируют в их экономику и тем самым влияют на принятие политических решений.

Япония позиционирует себя как миролюбивое государство, закрепившее в конституции добровольный отказ от регулярной армии, заменив ее силами самообороны. Токио смог повысить свой авторитет в странах региона благодаря сохранению самобытной культуры даже в условиях глобализации. При МИДе функционирует Японский фонд, координирующий распространение национального языка и культуры за рубежом.

Россия несколько позже, в сравнении с упомянутыми государствами, осознала важность «мягкой силы» как инструмента защиты национальных интересов. В последние годы это опоздание наверстывается активными усилиями по формированию собственной модели «мягкой силы». Основу ее составляют такие значимые факторы,

как статус постоянного члена Совета Безопасности ООН, членство в СНГ, Евразийском экономическом союзе, БРИКС, ШОС, ВТО, отношения стратегического партнерства с КНР. Сформированы действенные механизмы реализации «мягкой силы». Роль головного ведомства выполняет Россотрудничество, располагающее представительствами более чем в 90 странах. Приоритетные цели определены как работа над улучшением имиджа России за рубежом, содействие сохранению российского духовного и культурного наследия. Важную миссию по установлению межкультурного диалога выполняет фонд «Русский мир». Фонд оказывает поддержку русским диаспорам и СМИ за рубежом. Действует целевая федеральная программа «Русский язык» на 2016–2020 гг. Предпринятые усилия по развитию «мягкой силы» дали хорошие результаты. По рейтингу «мягкой силы», разработанному совместно компанией «Ernest and Young» и Московской школой управления «Сколково», Россия в 2012 г. вошла в число 30 стран мира, которые наиболее успешно ее используют для защиты своих национальных интересов [Паршин URL]. Использование инструментов «мягкой силы» для решения внешнеполитических задач в Концепции внешней политики РФ (2016) названо неотъемлемой составляющей современной внешней политики. С учетом успехов, достигнутых в результате применения собственной модели «мягкой силы», это положение Концепции может истолковываться и как указание более активно применять ее инструментарий для решения внешнеполитических задач в интересах России.

В последние годы, по мере того, как подход США к ключевым вопросам международной повестки дня становился более жестким, а отношения с Россией более напряженными, американское руководство провело переоценку компонентов «мягкой силы» как одной из основ американской внешней политики. Культурно-идеологическая экспансия, популяризация поп-культуры, американского образа жизни отошли как бы на второй план. Их место заняли усилия по реализации проектов «цветных революций, приведших к смене власти в ряде постсоветских стран, возросло внимание к лидерам оппозиции, их подготовке для организации протестных движений и оказанию им информационной, идеологической и финансовой поддержки» [Демидов 2014, с. 234].

«Умная сила»

Эти изменения были замечены и проанализированы Дж. Наем, послужив ему основой для оценки этих новаций как «умная сила». По словам ученого, «“умная сила” ни “мягкая”, ни “жесткая”, а скорее *умелое сочетание* того и другого. Такой подход предполагает разработку комплексной стратегии, ресурсной базы, инструментария, чтобы достичь американских целей, опираясь как на “жесткую”, так и на “мягкую” силу» [Center for Strategic and International Studies (CSIS) 2007, с. 7]. Идеи Дж. Нае о разработке комплексной стратегии в формате «умной силы» получили дальнейшее развитие. На слушаниях в Сенате США 13 января 2009 г., организованных в связи с обсуждением кандидатуры Хиллари Клинтон для занятия должности государственного секретаря в администрации Б. Обамы, она использовала наработки Дж. Нае в своем выступлении. «Мы должны применять то, что называется “умной силой” – дипломатические, экономические, военные, политические, правовые, культурные аспекты, выбирая правильный инструмент или набор инструментов в каждой конкретной ситуации». Впоследствии в роли руководителя дипломатии она применяла их во внешней политике США.

Вновь такая ситуация возникла в январе 2019 г. в Венесуэле. Отношения Вашингтона и Каракаса серьезно ухудшились с начала 2000 гг., когда победивший на президентских выборах Уго Чавес начал, а его приемник Николас Мадуро продолжил при поддержке большинства населения курс на проведение политических и экономических реформ. Осуществление преобразований привело к ослаблению позиций американских корпораций в Венесуэле. В сфере международных отношений Венесуэла взяла курс на активное сотрудничество с Россией. Этого оказалось достаточно, чтобы Каракас превратился в одного из главных врагов Вашингтона в Западном полушарии.

23 января 2019 г. Хуан Гуайдо, председатель Национальной Ассамблеи, объявил себя временным президентом Венесуэлы. Заявление самозванца послужило сигналом к тому, чтобы США обрушили на Венесуэлу лавину санкций. Вице-президент М. Пенс заявил, что администрация США полностью поддерживает венесуэльскую оппозицию в лице Х. Гуайдо и будет добиваться отстранения Н. Мадуро от власти. Ответом действующего президента Венесуэлы стало заявление о разрыве дипотношений с США и требование отозвать всех

американских дипломатов. Д. Трамп отказался выполнить это требование, сославшись на то, что у Н. Мадуро якобы нет таких полномочий. Следующим шагом в цепочке рестрикций стал финансовый нажим на Венесуэлу. Американские власти заблокировали счета венесуэльской государственной нефтяной компании PDVSA и ее американского торгового партнера компании «Citgo», а затем передали оппозиции право контролировать некоторые финансовые потоки, а в августе 2019 г. «заморозили» все венесуэльские активы на территории США. Инструментом военного давления стали нарушения американской авиацией воздушного пространства, что вынудило официальный Каракас обратиться с жалобой в Совет Безопасности ООН.

Однако массированное давление не привело, как на то рассчитывала американская администрация, к падению правительства Н. Мадуро. Одна из главных причин провала США состояла в политической, финансовой и военной помощи, оказанной Венесуэле Россией. Президент В. В. Путин в телефонном разговоре с Н. Мадуро выразил «поддержку законным властям Венесуэлы». Заместитель министра иностранных дел РФ С. А. Рябков заявил, что наша страна будет поддерживать «дружественную Венесуэлу как своего стратегического партнера». Он также предостерег США от военного вмешательства в дела Венесуэлы. На всех крупных международных площадках, включая Совет Безопасности ООН, наша страна оказала Венесуэле дипломатическую поддержку. Россия – один из стран главных кредиторов Венесуэлы, последний из предоставленных кредитов составил около 3 млрд долл. США. В декабре 2018 г. прошли совместные военные учения с привлечением двух ракетоносцев ТУ-160 и истребителей ВВС Венесуэлы. По набору своих составляющих оказанная Россией поддержка может быть оценена как «умная сила» (*Коммерсант* 25. 01.2019).

Еще одной страной, получившей от России в последние годы многостороннюю поддержку, отвечающую критериям «умной силы», может служить Сирийская Арабская Республика.

«Острая сила»

В 2017 г. феномен «силы» обогатился благодаря ученым К. Уокеру и Джессике Людвиг еще одной разновидностью – «**острая сила**» (англ. *sharp* – *острый, проницательный, сообразительный, всепроникающий*

и др.). Любое из этих определений достаточно точно отражает особенность этой информационной технологии, которая буквально «пронизывает», «протыкает» ткань общественных отношений и информационное пространство стран, в адрес которых направлены радио- и телепередачи информационно-пропагандистского аппарата. Объектами анализа упомянутые американские ученые выбрали террористические структуры и страны, которые, по их мнению, обладают возможностями для наиболее эффективного применения «острой силы», – ИГИЛ, «Аль-Каида», Россия, Китай и Иран. Единообразное толкование этой технологии пока не сложилось, но ее сущностные черты, на взгляд автора, наиболее полно и точно отразила в своем определении доктор политических наук О. Г. Леонова: «“Острая сила” это совокупность информационных операций влияния и методов информационного терроризма. Это технология влияния в эпоху, когда информация становится оружием» [Леонова 2019, т. 63, с. 22; Россия в международном информационном поле URL].

В век информационной революции новостные программы, доносимые до аудитории средствами радио или телевидения, стали одним из важнейших инструментов содействия осуществлению внешней политики. «Доведение до российской и международной общественности достоверной информации о государственной политике РФ, ее официальной позиции по социально значимым событиям в стране и в мире» названо в Доктрине информационной безопасности РФ (2016) одним из главных российских интересов¹.

В число ведущих средств массовой информации России входят:

- **Международная информационная телевизионная компания RT («Россия сегодня»)**. Ее программы круглосуточно доступны для просмотра около 640 млн зрителям. В октябре 2009 г. европейская аудитория RT составила 7 млн человек, 12 % смотрят программы каждый день, 53 % отмечают высокое качество программ. По другим источникам, оценки охвата и качества передач скромнее, однако показатель среднесуточного просмотра – 152 тыс. человек в день может быть оценен как достаточно высокий.

- **Проект «Российской газеты» «Россия за рамками главных новостей»**. Представляет собой ежемесячные приложения о жизни

¹ Указ Президента РФ от 5.12. 2016. № 646 «Об утверждении Концепции информационной безопасности РФ». П. 8г.

в России для ведущих мировых СМИ. Тираж 8 млн экземпляров, аудитория 28,4 млн человек.

• **Международное агентство «Россия сегодня».** Крупнейший российский производитель информационных продуктов.

• **Российская государственная радиокompания «Спутник».** Входит в пятерку самых слушаемых международных радиокompаний. Аудитория 109 млн человек в 160 странах, осуществляет локальное вещание в 27 государствах с охватом 225 городов [Россия в международном информационном поле URL].

Западные аналитики называют следующие качественные характеристики российской «острой силы»:

1) исключительно разнообразный информационный контент, предлагаемый потребителям информации и интернет-пользователям;

2) позиционирование России как полноценного, равноправного члена международного сообщества, действия которого также корректны, допустимы, адекватны и верны, как и у демократических стран;

3) утверждение общности российских и европейских ценностей, постоянное подчеркивание принадлежности к единой цивилизации. Таким образом, у России именно идеи становятся инструментом политики «острой силы» и средством достижения поставленных целей;

4) одна из главных целей российской пропаганды, полагают К. Уолкер и Д. Людвиг, состоит в дискредитации западной демократической системы, усилиях по демонстрации всех ее непривлекательных сторон [Walker, Ludwig URL].

Первые три характеристики выдержаны в объективном ключе, тогда как последняя оценка воспроизводит привычные для западной пропаганды антироссийские стереотипы. Еще в большей степени эти стереотипы присущи оценкам деятельности российских СМИ, высказываемым изданиями, отражающими мнение консервативно настроенной части населения, заявлениям представителей политического класса стран Запада.

По мнению немецкой газеты «Tagesspiegel», канал RT является успешным воплощением намерения Москвы создать противовес CNN / Би-би-си, а также представляет собой на сегодняшний день наряду с экспортом энергоносителей и военной техники, наиболее эффективный инструмент внешней политики России.

2 марта 2011 г. государственный секретарь США Х. Клинтон заявила, что Америка находится в состоянии информационной войны и, более того, проигрывает ее ряду иноязычных иностранных каналов, включая RT.

В ноябре 2016 г. Европарламент принял резолюцию, в которой обвинил Россию в попытке расколоть Европу, а деятельность государственных СМИ (в первую очередь RT) приравнял к пропагандистским методам террористической группировки ИГИЛ.

Непредвзятый анализ высказываний этих и некоторых других представителей западного общества дает основание для вывода об их обеспокоенности популярностью российского канала RT, других информационных структур, вещающих на иностранную аудиторию, и, как следствие, высокой эффективностью их работы [Россия в международном информационном поле URL].

Заключение

1. Глобализация, усиливающая расслоение мирового сообщества на богатый «Север» и бедный «Юг», разворачивается на фоне бесконтрольного расползания ядерного оружия. Это вынуждает страны к определенной сдержанности, что проявляется в использовании преимущественно цивилизованных способов защиты своих национальных интересов. Прежний инструментарий в виде «жесткой силы» в разных ее проявлениях постепенно себя изживает. В правящих элитах многих государств укрепляется понимание того, что защитить национальные интересы можно с применением внешнеполитических стратегий, опирающихся на разновидности силы – «мягкую силу», «острую силу», а также «умную силу» с преимущественным акцентом на ее ненасильственной составляющей.

2. Россия переживает непростой период своей истории. Торгово-экономические санкции, территориальные претензии, абсурдные обвинения в аннексии и прочая бездоказательная критика настоятельно требуют укрепления и постоянного совершенствования арсенала средств отстаивания национальных интересов. Сегодня Россия является едва ли не единственной страной, обладающей доказанной базой (причем не умозрительно, а предметно – в виде военно-технологических разработок и наглядно – в конкретных международных ситуациях) и высокой степенью готовности к гибкому

использованию силы во всех ее разновидностях для надежной защиты суверенитета, территориальной целостности и права на проведение независимой внешней политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Демидов А. В. От «мягкой силы» к «управляемому хаосу» // Международные отношения. 2014. № 2. С. 234.
- Леонова О. Г. «Sharp Power» – новая технология в глобальном мире // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. С. 22.
- Основные компоненты военного потенциала. Stud Files. URL: net>preview/4060859.
- Паришин П. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. 2014. 3 марта. URL: www.perspectivy.info/book/problematika_magkoj_sily_vo_vneshnej_politike_rossii_2014-03-03.htm (дата обращения : 27.02.2015).
- Россия в международном информационном поле. URL: AfterSchock.news?&q=node/482474&full.
- Рыхтик М. И. Государственное строительство (nation building) во внешне-политической стратегии США // Международные процессы. 2003. № 2. С. 95.
- Харитонова Е. М., Прохоренко И. Л. «Мягкая сила» бывших империй: сравнительный опыт Великобритании и Испании // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 3. Т. 62. С. 39–40.
- Center for Strategic and International Studies (CSIC). CSIC Commission on Smart Power: a Smarter, More Secure America, co-chairs Richard L. Armitage and Joseph S. Nye, Jr. 2007. P. 7.
- Nye J. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go it Alone. Oxford University Press, 2003. P. 11.
- Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York : Public Affairs, 2005. P. 142.
- Pearson F. S., Rochester J. M. International Relations: The Global Condition in the Twenty-First Century. N. Y., 1998. P. 294.
- Public Diplomacy and Soft Power // The annals of the American Academy of Political and Social Sciences. 2008. Vol. 616. P. 105.
- Walker Ch., Ludwig J. The Meaning of Sharp Power. How Authoritarian States Project Influence, Foreign Affairs. 2017. November 16. URL: www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power?cid=nic_fatoday-20171221 (дата обращения : 02.12.2017).

REFERENCES

- Demidov A. V.* Ot «mjagkoj sily» k «upravljaemomu haosu» // *Mezhdunarodnye otnoshenija*. 2014. № 2. S. 234.
- Leonova O. G.* «Sharp Power» – novaja tehnologija v global'nom mire // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. 2019. T. 63. S. 22.
- Osnovnye komponenty voennogo potenciala. Stud Files. URL: net>preview/4060859.
- Parshin P.* Problematika «mjagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii // *Setevoe izdanie Centra issledovanij i analitiki Fonda istoricheskoy perspektivy*. 2014. 3 marta. URL: www.perspectivy.info/book/problematika_magkoj_sily_vo_vneshnej_politike_rossii_2014-03-03.htm (data obrashhenija : 27.02.2015).
- Rossija v mezhdunarodnom informacionnom pole. URL: AfterSchock.news>?q=node/482474&full.
- Ryhtik M. I.* Gosudarstvennoe stroitel'stvo (nation building) vo vneshnepoliticheskoi strategii SSHA // *Mezhdunarodnye processy*. 2003. № 2. S. 95.
- Haritonova E. M., Prohorenko I. L.* «Mjagkaja sila» byvshih imperij: sravnitel'nyj opyt Velikobritanii i Ispanii // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. 2018. № 3. T. 62. S. 39–40.
- Center for Strategic and International Studies (CSIC). CSIC Commission on Smart Power: a Smarter, More Secure America, co-chairs Richard L. Armitage and Joseph S. Nye, Jr. 2007. P. 7.
- Nye J.* The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go it Alone. Oxford University Press, 2003. P. 11.
- Nye J.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York : Public Affairs, 2005. P. 142.
- Pearson F. S., Rochester J. M.* International Relations: The Global Condition in the Twenty-First Century. N. Y., 1998. P. 294.
- Public Diplomacy and Soft Power // *The annals of the American Academy of Political and Social Sciences*. 2008. Vol. 616. P. 105.
- Walker Ch., Ludwig J.* The Meaning of Sharp Power. How Authoritarian States Project Influence, Foreign Affairs. 2017. November 16. URL: www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power?cid=nic_fatoday-20171221 (data obrashhenija : 02.12.2017).

УДК 329.14 (430)

П. М. Рукавицын

доцент, доктор политических наук; член диссертационного совета при Московском государственном лингвистическом университете;
e-mail: rpm66@mail.ru

КРИЗИС НАРОДНЫХ ПАРТИЙ ФРГ

В статье анализируется кризис, переживаемый в настоящее время народными партиями ФРГ: блоком Христианско-демократический союз и Социал-демократической партией Германии. Оценивается перспектива возможного превращения Партии зеленых в новую народную партию. По мнению автора, кризис, переживаемый народными партиями, является подтверждением трансформации партийной системы ФРГ из двухпартийной в многопартийную.

Ключевые слова: народная партия ; партийная система; Социал-демократическая партия Германии; ХДС; ХСС; ФРГ.

P. M. Rukavitsyn

Doctor of Political Science, Ass. Prof., Member of Dissertation Review Council, Moscow State Linguistic University; e-mail: rpm66@mail.ru

GERMAN CATCHALL PARTIES IN CRISIS

The article analyzes reasons of a deep crisis that the German catch-all parties, CDU / CSU and German Social Democratic Party, are currently in. Beside that, the author assesses the potential for the Green Party joining the pool of such parties. In the author's opinion, the crisis that has affected catch-all parties is evidence that the German party system is turning from a bi-party into a multi-party one.

Key words: a catch-all party; a party system; the Christian Democratic Union of Germany; the Christian Social Union; Germany.

Введение

На протяжении последних 150 лет в Германии существовали четко очерченные политические лагеря, имевшие свое мировоззрение, религиозную и социальную принадлежность. На их основе в середине XX в. сформировались сегодняшние так называемые народные партии: блок Христианско-демократический союз (ХДС/ХСС) и возобновившая свою деятельность после двенадцати лет фашистской диктатуры Социал-демократическая партия Германии (СДПГ). Но к началу XXI в. народные партии, пытаясь максимально расширить свою электоральную базу, стали в значительной степени

идеологически индифферентными. Деидеологизация партий привела к их дезориентации и дестабилизации. Кризисные тенденции в развитии народных партий ФРГ в полной мере проявились по итогам последних выборов в бундестаг в 2017 г., когда блок ХДС / ХСС и СДПГ вместе получили всего 49 % голосов избирателей – минимальный в послевоенной истории результат. А ведь еще в начале 1970-х гг. эти две крупнейшие политические силы Германии безраздельно господствовали на политической арене ФРГ, получая более 90 % голосов [Hoffmann, Medick 2018, с. 14].

Причины кризиса народных партий

Подъем народных партий в ФРГ пришелся на 50-е гг. XX в., а серьезное нарастание кризисных явлений – на начало XXI в. Следует признать правоту Ф. Вальтера, одного из ведущих исследователей партийной системы ФРГ, который в качестве точной даты завершения эпохи народных партий называет 2010 г. Начиная с этого года, блок ХДС / ХСС и СДПГ на выборах всех уровней получало меньше, чем по 40 % голосов [Walter 2018, с. 88]. 40 % важно потому, что в ФРГ партия, получившая такое количество голосов на выборах, как правило, по их итогам возглавляет правящую коалицию.

Завершение эпохи больших партий, мобилизующих своих избирателей в разных социальных слоях и стремящихся получить большинство голосов по итогам выборов – это общеевропейская тенденция, отражающая происходящие в европейских странах процессы фрагментации общества. Народные партии, объединяющие людей с разными взглядами, перестают отвечать современным требованиям. Партийные рамки становятся тесными для избирателей, и они всё меньше доверяют политическим элитам. С другой стороны, необходимость формирования правящих коалиций приводит к многочисленным компромиссам, размывающим и без того нечеткие программные установки народных партий. Избиратели чувствуют себя обманутыми и отказывают в поддержке этим партиям.

Кризис народных партий не является обособленным явлением в общественно-политической жизни Германии. Опросы общественного мнения на протяжении многих лет фиксируют кризис доверия практически ко всем государственным институтам. Без малого 10 лет назад колумнист влиятельного журнала «Штерн» Х.-У. Йоргес сделал

продолжающий и сегодня оставаться актуальным удручающий для немецкого общества вывод о том, что немцы впервые с 1949 г. (года, когда были созданы ФРГ и ГДР) живут без моральных авторитетов [Jörges 2010]. А что касается политических партий, то на протяжении многих лет уровень доверия населения к ним не превышает 20 %.

Показательными в этом отношении стали и результаты выборов 2017 г. Неожиданно для многих праворадикальная партия «Альтернатива для Германии» (АдГ) заняла общее третье место, а в Восточной Германии – второе. Ее взлет состоялся в первую очередь благодаря падению авторитета народных партий. 60 % избирателей, проголосовавших за АдГ, заявили о своем разочаровании в других политических партиях и проводимой ими политике [Amann, Eberle, Hoffmann 2017, с. 13]. Комментируя результаты выборов в восточных землях, министр внутренних дел ФРГ Т. де Мезьер (ХДС) был вынужден признать, что причиной их неудовлетворительных для консервативного блока итогов стало то, что люди чувствуют безразличие власти к своим проблемам [там же, с. 15].

Падение интереса к деятельности политических партий среди населения наметилось еще в начале 90-х гг. прошлого века. Оно выражалось в снижении доли постоянного электората, избирательной активности населения и числа лиц, регулярно занимавшихся партийной работой [Walter 2009, с. 10].

Рядовых членов партии сегодня совершенно не устраивают методы руководства как в ХДС/ХСС, так и в СДПГ. В эпоху бурного развития информационных технологий сегодня члены партии разочарованы продолжением использования практиковавшихся еще в прошлом веке кулуарных методов принятия решения узкой группой лиц, составляющей руководство партий. Они говорят о необходимости смены стиля, большей открытости и прозрачности в деятельности руководства партии.

Это проявляется не только в рамках внутрипартийной жизни, но и в жизни парламента ФРГ. Процесс, когда важнейшие политические решения принимаются не в рамках парламентского процесса, а по итогам работы различных комиссий, председатель Конституционного суда ФРГ назвал «депарламентаризацией» [Jörges 2009].

Таким образом, нельзя говорить об общем разочаровании в политике. Люди ходят на выборы. Они хотят быть услышанными.

Разочаровавшись в «старых» политических партиях, они, как в случае с АдГ, готовы голосовать за тех, кто обещает быстрое решение назревших проблем.

Следует отметить, что кризис народных партий стал проявлением такой тенденции в развитии германского общества, как его фрагментация, которая с высокой долей вероятности ведет к постепенной трансформации партийной системы из двухпартийной в многопартийную.

В качестве идеологической основы фрагментации современного западного общества американский политолог Ф. Фукуяма рассматривает политику идентичности [Фукуяма 2018, с. 118]. По его мнению, в современном обществе в странах Запада произошла замена характерных для XIX в. классовых противоречий на новые, в основе которых лежит защита различными социальными группами собственной идентичности.

Таким образом, в центре внимания левых партий, по мнению Фукуямы, сегодня находится уже не отстаивание экономических прав наемных работников, а борьба за интересы различных общественно ущемленных социальных групп: этнических меньшинств, переселенцев, беженцев, женщин, лиц, относящихся к ЛГБТ-сообществу [там же]. Правые же начинают отстаивать интересы коренного населения, идентичности которого угрожают некоторые группы, перечисленные выше.

Проявление кризисных явлений в деятельности СДПГ и блока ХДС / ХСС

Социал-демократическая партия Германии

Выводы Ф. Фукуямы находят свое подтверждение и в развитии внутриполитической ситуации в ФРГ. Из двух народных партий сегодня в наибольшей степени пострадала СДПГ – старейшая партия Германии. Ее популярность не превышает 20 %. Многие члены партии ясно понимают причины кризиса. Так, Нильс Хайтерсхаген, бывший член фракции СДПГ в ландтаге земли Рейнланд-Пфальц, жестко критикует программные установки своей партии. Анализируя, почему избиратели, голосовавшие ранее за социал-демократов, теперь отдают свои голоса правым популистам или вообще не ходят на выборы, он отмечает, что в центре внимания СДПГ ошибочно находятся вопросы защиты прав различного рода меньшинств. А партии, по его мнению,

необходимо вернуться к своей ключевой тематике – проблеме справедливого распределения в обществе [Hickmann, Medick 2018, с. 30].

Его поддерживает и С. Хартман – председатель организации СДПГ в Северном Рейне-Вестфалии – крупнейшей земельной организации социал-демократов в ФРГ. Он считает, что партии необходимо вернуться к классическим социал-демократическим темам: защите прав работающих по найму, строительству социального жилья, увеличению расходов на образование [Etzold 2018, с. 34].

Говоря о глубинных социально-политических причинах кризиса СДПГ, следует отметить, что важнейшая из них состоит в расколе ее электоральной базы. В последние десятилетия рабочий класс ФРГ разделился на две группы: на высококвалифицированных и низкоквалифицированных работников. СДПГ продолжает представлять интересы первой группы. В середине 2000 гг. в Германии была создана Левая партия, которая потенциально могла бы начать отстаивать интересы нижних слоев рабочего класса. Но этого не произошло.

В настоящее время низкий уровень жизни представителей этой социальной группы приводит к радикализации их политических взглядов. Они не понимают лидеров современной социал-демократии с их космополитическими воззрениями, сосредоточенностью на проблемах различного рода меньшинств, углубления трансатлантических связей и развития Евросоюза. А предложенная в начале 2000-х гг. занимавшим в то время пост федерального канцлера Г. Шрёдером программа сокращения социальных расходов в целях повышения эффективности немецкой экономики была воспринята значительной частью СДПГ как предательство [Maug, Pieper 2017, с. 102]. В ходе реформы Шрёдера социал-демократы говорили о том, что создаваемые в результате ее проведения низкооплачиваемые рабочие места лучше, чем отсутствие работы. Но теми, для кого эти места создавались, ситуация воспринималась иначе. Вместо прогресса, о котором они слышали в СМИ, они видели социальную нестабильность и условия труда, не позволявшие обеспечить достойный уровень жизни их семьям. Это вызывало у них гнев и завершилось для многих из них переходом в число сторонников правых популистов [Hoffmann, Medick 2018, с. 105].

Сегодня обедневшие лица наемного труда, которых называют новыми бедными, опасаются дальнейшего снижения их уровня жизни, они боятся конкуренции со стороны низкоквалифицированных беженцев. Как отмечает Ф. Вальтер, в настоящее время для СДПГ

было бы логичным обратиться к проблематике защиты интересов наемных работников в условиях цифровой экономики. Но современная политическая бюрократия СДПГ не знает производственной сферы. Она рекрутируется из других социальных слоев [Walter 2018, с. 39]. В сложившихся условиях, как отмечалось выше, новые бедные в целях защиты своей коллективной идентичности нередко отказывают в доверии СДПГ и ищут поддержки у правых радикалов.

Христианско-демократический союз / Христианско-социальный союз

К утрате статуса народной партии всё больше приближаются и христианские демократы. Этот процесс заметно ускорился во время нахождения Ангелы Меркель на посту председателя ХДС. Под ее руководством Христианско-демократический союз из партии консервативной превратился в партию либерально-консервативную, не имеющую четко сформулированной идеологии. Для сторонников партии сегодня характерен менталитет «шведского стола»: из широкого набора партийных постулатов каждый может выбрать то, что ему больше нравится [Hoffmann, Medick 2018, с. 135].

Блок ХДС / ХСС стремительно теряет электоральную поддержку. Он становится всё менее привлекательным для молодежи. На выборах 2017 г. блок только среди пенсионеров получил более 40 % голосов [там же, с. 122]. Он по сути дела превращается в партию умирающих избирателей. Естественная убыль консервативного электората больше не компенсируется притоком молодых людей. Так, по итогам земельных выборов в Нижней Саксонии в 2017 г. было установлено, что 10 % избирателей, проголосовавших за партию четырьмя годами ранее, просто умерли [там же, с. 130].

Важнейшими причинами снижения авторитета блока ХДС/ХСС стали его неспособность найти решения, на стоящие перед Германией, наиболее актуальные социально-политические проблемы, идеологическая дезориентация, забюрократизированность и отрыв от масс его руководящих структур, неспособность найти общий язык с молодежью, вымирание базового электората. Впрочем, такие же недостатки характерны и для СДПГ.

Совокупность объективных причин падения популярности консерваторов в германском обществе была дополнена и причинами субъективного свойства. Ангела Меркель, бессменный лидер ХДС на протяжении последних полутора десятилетий, постепенно теряет

свой авторитет и в партии, и в обществе (это вынудило ее оставить пост председателя партии, оставаясь в должности федерального канцлера). А авторитетных руководителей сравнимого с ней масштаба консерваторам найти сложно – Меркель на протяжении многих лет старательно избавлялась от политиков, способных составить ей конкуренцию.

Серьезным ударом по авторитету всего консервативного блока в обществе стало принятое в 2015 г. Ангелой Меркель, вопреки мнению многих однопартийцев, решение о массовом приеме Германией беженцев, в первую очередь сирийских. Решение открыть границы поляризовало немецкое общество сильнее, чем какое-либо иное политическое решение [Amann, Eberle, Hoffmann 2017, с. 10]. Именно благодаря этому решению получила серьезную поддержку избирателей праворадикальная партия АдГ. Один из ее лидеров А. Гауланд заявил в этой связи, что для альтернативы для Германии беженцы стали подарком Господа [там же, с. 12].

Партия зеленых как потенциально новая народная партия ФРГ

Но главным бенефициаром ослабления народных партий на сегодняшний день выступает Партия зеленых. Влиятельное течение в партии, так называемое реалос, на протяжении последнего десятилетия вынашивает планы оттеснить СДПГ и занять ее место в качестве новой народной партии [Beste, Kaiser 2011, с. 21]. И для этого у них есть определенные основания. В марте 2011 г. «зелёные» впервые в истории партии обошли СДПГ на земельных выборах [Schupelius, Opitz 2011, с. 31]. Это произошло в Баден-Вюртемберге. По итогам выборов они представили кандидатуру на пост премьер-министра этой федеральной земли. Их победа в Баден-Вюртемберге не стала неожиданностью. В ноябре 2010 г. в ходе общегерманского опроса общественного мнения в поддержку Партии зеленых также впервые высказалось более 20% граждан. Это позволило некоторым СМИ заявить о том, что «зелёные» вышли за пределы своего традиционно-го электората и стали третьей народной партией ФРГ [Güllner 2018, с. 34]. Правда, дальнейшее развитие событий показало, что подобные выводы носили преждевременный характер.

В настоящее время продолжающиеся рассуждения о возможности обретения «зелёными» статуса народной партии, казалось бы, имеют больше оснований. В 2011 гг. после аварии на японской АЭС

«Фукусима-1» в немецком обществе наблюдался всплеск интереса к проблематике защиты окружающей среды. Это положительно отразилось на популярности Партии зеленых, но имело непродолжительный эффект. Сегодня же у партии появилась возможность получить поддержку избирателей в середине политического спектра. У теряющих поддержку СДПГ и ХДС / ХСС наметилась тенденция смещения влево и, соответственно, вправо в целях повышения популярности у своего традиционного электората. Таким образом, они освобождают пространство в центре, чем может воспользоваться Партия «зелёных». Но может и не воспользоваться. В любом случае, борьба за политический центр будет носить продолжительный и ожесточенный характер. И победа «зелёных» в этой борьбе неочевидна. «Старые» народные партии сохраняют значительный потенциал и не собираются никому уступать.

Заключение

Подводя итоги анализа проблемы кризиса, который в настоящее время переживают народные партии Германии, необходимо отметить, что он носит системный характер и обусловлен процессами, происходящими в немецком обществе на протяжении нескольких десятилетий. Кризисные явления проявляются не только в снижении поддержки этих партий в обществе, но и в увеличении числа партий, представленных в бундестаге. Данные процессы не способствуют стабилизации социально-политической обстановки в ФРГ, вносят элемент непредсказуемости в ее развитие.

Надеждам других партий сменить нынешние народные партии, с высокой долей вероятности, не суждено сбыться. Причиной этого являются не серьезные проблемы, переживаемые конкретными народными партиями, а системный кризис народной партии ФРГ как политического института. Результатом развития этого кризиса должна стать новая партийная реальность – завершение перехода от двухпартийности к многопартийности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Amann M., Eberle L., Hoffmann Ch.* Merkels Saat // *Der Spiegel*. 2017. 26 Okt. S. 11–22.
- Beste R., Kaiser S.* Eine Frage des Führens // *Der Spiegel*. 2011. № 16. S. 18–21.

- Etzold M.* Auf der Suche nach dem richtigen Rezept // Focus. 2018. № 32. S. 32–34.
- Fukuyama F.* Gegen Identitätspolitik // Der Spiegel. 2018. № 42. S. 118–125.
- Güllner M.* Ein Grünes Kanzleramt? // Focus. 2018. № 43. S. 34.
- Hickmann Ch., Medick V.* Links wie rechts // Der Spiegel. 2018. № 38. S. 30–31.
- Hoffmann Ch., Medick V.* Chaostage // Der Spiegel. 2018. № 8. S. 12–18.
- Jörges H.-U.* Das entmündigte Volk // Stern. 2009. № 31. S. 52.
- Jörges H.-U.* Wenn es dunkel wird im Vatikan // Stern. 2010. № 13. S. 34.
- Mayr W., Pieper D.* Vorwärts! Nur wohin? // Der Spiegel. 2017. № 38. S. 100–105.
- Schupelius G., Opitz O.* Der grüne Tod der SPD // Focus. 2011. № 15. S. 31–33.
- Walter F.* Im Herbst der Volksparteien? Bielefeld : Transcript Verlag, 2009. 132 S.
- Walter F.* Libertärer Schein der Lifestyle-Linken // Der Spiegel. 2018. № 26. S. 38–39.
- Walter F.* Zeiten des Umbruchs? Stuttgart : Ibidem-Verlag, 2018. 270 S.

REFERENCES

- Amann M., Eberle L., Hoffmann Ch.* Merkels Saat // Der Spiegel. 2017. 26 Okt. S. 11–22.
- Beste R., Kaiser S.* Eine Frage des Führens // Der Spiegel. 2011. № 16. S. 18–21.
- Etzold M.* Auf der Suche nach dem richtigen Rezept // Focus. 2018. № 32. S. 32–34.
- Fukuyama F.* Gegen Identitätspolitik // Der Spiegel. 2018. № 42. S. 118–125.
- Güllner M.* Ein Grünes Kanzleramt? // Focus. 2018. № 43. S. 34.
- Hickmann Ch., Medick V.* Links wie rechts // Der Spiegel. 2018. № 38. S. 30–31.
- Hoffmann Ch., Medick V.* Chaostage // Der Spiegel. 2018. № 8. S. 12–18.
- Jörges H.-U.* Das entmündigte Volk // Stern. 2009. № 31. S. 52.
- Jörges H.-U.* Wenn es dunkel wird im Vatikan // Stern. 2010. № 13. S. 34.
- Mayr W., Pieper D.* Vorwärts! Nur wohin? // Der Spiegel. 2017. № 38. S. 100–105.
- Schupelius G., Opitz O.* Der grüne Tod der SPD // Focus. 2011. № 15. S. 31–33.
- Walter F.* Im Herbst der Volksparteien? Bielefeld : Transcript Verlag, 2009. 132 S.
- Walter F.* Libertärer Schein der Lifestyle-Linken // Der Spiegel. 2018. № 26. S. 38–39.
- Walter F.* Zeiten des Umbruchs? Stuttgart : Ibidem-Verlag, 2018. 270 S.

О НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

В статье проведен анализ закономерностей развития современного информационного общества, формирующих новые террористические вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере. Раскрыты авторские подходы к формированию национальной стратегии информационного противодействия терроризму. Предложены пути реализации ее положений в рамках общегосударственной системы.

Ключевые слова: информационная безопасность; информационное противодействие терроризму; национальная стратегия информационного противодействия терроризму; информационная война; информационно-психологическое воздействие.

G. F. Sidnenko

PhD (Political Science), Member of the Expert Advisory Council of the Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization; e-mail: aonak@mail.ru

ON THE NATIONAL STRATEGY OF INFORMATION COUNTER-TERRORISM

The article considers the consistent patterns of the modern information society, which trigger the new terrorist challenges and threats to the Russian national security in the information sphere. The paper presents the author's approaches to the development of the National strategy for information combating terrorism and the ways of its implementation in the national system.

Key words: information security; information combating terrorism; national strategy for information combating terrorism; information war; information-psychological impact.

В Новейшей истории российского государства информационные технологии приобрели глобальный характер и стали неотъемлемой частью всех сфер деятельности современного общества. Информационная сфера играет важную роль в обеспечении реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации.

Вместе с тем, наряду с очевидными благами, мировая информационно-технологическая революция создала принципиально новые потенциальные угрозы жизни как отдельных обществ, государств и их граждан, так и мирового сообщества в целом. В наибольшей степени это касается терроризма, мутация которого, по мнению специалистов, в первую очередь происходит именно в информационной сфере [Бельский, Сацут 2019; Мун, Попета, Смолков 2018; Николайчук, Янглева, Якова 2018; Филимонов, Данюк 2016]. Актуальность настоящей статьи обуславливают результаты научного поиска эффективных механизмов противодействия новым террористическим вызовам и угрозам.

Закономерности общественного развития, обуславливающие трансформацию современного терроризма

Во-первых, под воздействием технического прогресса общественные отношения, складывающиеся в процессе сбора, обработки, хранения, передачи и распространения информации, превратились во влиятельные факторы политического, экономического, социального и духовного характера. Информационные технологии глубоко интегрированы в политику, экономику, военное дело, общество и культуру. Быстрое развитие электронного управления, цифровой экономики, «умных» городов, интеллектуального производства приносит много новых рисков и проблем для обеспечения национальной безопасности. По мнению Т. А. Поляковой, в глобальном информационном обществе в эпоху экспоненциального развития новых информационных и цифровых технологий, человечество столкнулось с реальностью начала «третьей информационной волны» [Тофлер 2004], затем с объявленной уже в наши дни «четвертой промышленной (технологической) революцией» [Шваб 2016] и предсказанной «технологической сингулярностью» [Рэймонд 2018]. Это не только форсайт – взгляд в будущее, но уже в значительной степени реальность, связанная с новыми вызовами и угрозами в информационной сфере, требующая выработки мер противодействия со стороны субъектов обеспечения национальной безопасности [Поляков 2019, с. 4–7].

Во-вторых, в современных условиях информация приобрела стратегический статус и часто выступает в роли важного инструмента для достижения политических значимых целей. Именно поэтому известные мировые центры и международные террористические

организации используют всевозможные формы и методы, силы и средства информационных воздействий в целях манипулирования индивидуальным и массовым сознанием, инспирирования управляемых политических, социальных и экономических кризисов, а также организации различного вида деструктивной деятельности. Как следствие, с позиции обеспечения информационной безопасности С. А. Буданов вводит понятие «вредная информация» и предлагает рассматривать ее как направленную на разжигание национальной, расовой, религиозной ненависти и вражды либо кровной мести; пропагандирующую культ насилия и жестокости, сексуальную распущенность людей; связанную с вовлечением несовершеннолетних в преступную или антиобщественную деятельность, в том числе террористического и экстремистского характера; подрывающую психическое и нравственное здоровье людей [Буданов 2006].

При этом Е. В. Холодная полагает, что термин «вредная информация» значительно сужает возможности мониторинга некачественной информации и предлагает использовать более широкое определение деструктивная информация», т. е. информация, распространение которой нарушает права и законные интересы личности, общества и государства. По степени вредности / опасности Е. В. Холодная разделяет деструктивную информацию на вредную (является общественно вредной в силу вреда, возникающего при ее распространении) и общественно опасную (общественно опасна для общества и содержит состав преступления) [Холодная 2019, с. 8–11].

В-третьих, быстрое развитие новых технологий существенно расширило возможности террористических организаций по манипулированию сознанием населения при подготовке и проведении террористических акций. Основная цель террористов состоит в том, чтобы террористический акт стал известен населению и органам власти, получил широкий общественный резонанс, порождающий страх и панические настроения в обществе, снижающий доверие к власти, и в конечном итоге вызывающий политическую нестабильность. Исходя из этого, И. В. Бочарников делает вывод о наличии особой информационно-коммуникативной стратегии терроризма, которая и отличает его от каких-либо иных повстанческих или диверсионных действий. Посредством подобной стратегии террористические организации демонстрируют свою способность воздействия на органы государственной власти [Бочарников 2013, с. 1–12]. Указанные

обстоятельства свидетельствуют о том, что возрастание роли компонентов информационной сферы в террористической деятельности представляет собой новую закономерность эволюции современного терроризма, которую необходимо учитывать для прогнозирования основных тенденций развития террористических угроз в информационной сфере.

Совокупность рассмотренных закономерностей общественного развития, находящихся в объективно обусловленной взаимосвязи, детерминирует такую форму научной теории, как закон, который, по мнению автора, гласит, что глобальная информатизация современного общества и открываемые возможности доступа субъектов террористической деятельности к новейшим достижениям научной и технической мысли формируют новые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере.

В процессе исследования связей между сущностями явлений, выпадающих под действие предложенного автором закона, выявлены обуславливающие их факторы, которые условно предлагается разделить на внешнеполитические и внутривнутриполитические.

Внешнеполитические факторы – заинтересованность ряда зарубежных и российских политических сил в дестабилизации общественно-политической обстановки в Российской Федерации; подрывная деятельность спецслужб и организаций иностранных государств, направленная на ослабление позиций Российской Федерации в глобальном информационном пространстве; активная деятельность антироссийски настроенных сил по замещению традиционных форм религиозных учений псевдорелигиозными верованиями экстремистской направленности; негативное влияние на сознание экстремистски настроенных лиц успешных антиконституционных выступлений в зарубежных странах, а также их информационной поддержки в западных средствах массовой информации.

Среди внутривнутриполитических факторов представляется возможным выделить социально-экономические, политические и криминальные. К первым из них относятся: недовольство отдельных категорий граждан и социальных групп своей жизнью и деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления; сохраняющиеся противоречия на национальной и религиозной почве; недостаточный уровень образования, в том числе религиозного, политической и правовой культуры, отсутствие устойчивых позитивных и идейных

убеждений у значительной части населения, особенно молодежи, сохранение в обыденном сознании представлений о допустимости и целесообразности силового решения общественных конфликтов.

В качестве политических факторов, способствующих наращиванию информационной составляющей террористической деятельности, следует выделить следующие: скрытая и явная борьба за власть и ресурсы на всех уровнях общественно-политической жизни с использованием антиобщественных форм и методов достижения целей; высокая доступность и недостаточная контролируемость со стороны государства каналов доведения информации до населения, которые могут быть использованы для информационно-психологических воздействий террористической направленности; недостаточный уровень развития правового регулирования деятельности в сфере информационного противодействия терроризму, в том числе норм ответственности за совершенные противоправные действия.

И, наконец, к криминальным факторам следует отнести: идеологическую обработку членами радикальных религиозных организаций российских граждан, проходящих обучение в зарубежных исламских образовательных учреждениях; наличие структур бандподполья, осуществляющих террористическую деятельность; активную вербовочную деятельность, осуществляемую членами бандподполья и их сторонниками, направленную на вовлечение молодежи в ряды незаконных вооруженных формирований с использованием методов идеологического и физического воздействия, а также на основе материальной заинтересованности.

По мнению автора, содержание указанных выше факторов формирует мотивационную основу политической деятельности в области информационного противодействия терроризму, в качестве которой автор выделяет потребность российского общества в сохранении государственности, национальной идентичности, обеспечения защиты национальных интересов и ценностей личности, общества и государства от негативного информационного воздействия со стороны субъектов терроризма. «Нужно защитить людей, молодых людей, прежде всего, от тех, кто пытается заразить общество агрессией и нетерпимостью, ксенофобией и национализмом. Радикализм, какой бы политический, идеологический оттенок он ни носил, ни принимал, разрушителен по своей сути, и мы обязаны обезопасить страну, будущее людей от этой угрозы», – отметил в своем выступлении на расширенном заседании

Коллегии ФСБ России 5 марта 2018 года Президент Российской Федерации В. В. Путин [Официальный сайт Президента Российской Федерации URL].

Национальная стратегия информационного противодействия терроризму: политологический аспект

В качестве организационной формы, способной обеспечить решение поставленных Президентом России задач, автор предлагает рассматривать общегосударственную систему информационного противодействия терроризму, представляющую собой совокупность субъектов информационного противодействия терроризму и нормативных правовых актов, регулирующих их политическую деятельность по устранению возможностей использования субъектами терроризма компонентов информационной сферы для воспрепятствования реализации политической власти в Российской Федерации путем негативного изменения морально-психологического состояния населения страны, а также по оказанию информационного воздействия на субъекты террористической деятельности.

Идейным и организационно-правовым фундаментом рассматриваемой общегосударственной системы является национальная стратегия информационного противодействия терроризму, выступающая базовым документом стратегического планирования, определяющим систему официальных взглядов на противодействие террористическим угрозам в информационной сфере и формирующим основы государственной политики и направления развития общественных отношений в области информационного противодействия терроризму. Стратегия должна отвечать следующим требованиям: учитывать направления устойчивого развития политики обеспечения информационной безопасности Российской Федерации; формировать систему барьеров для реализации угроз национальным интересам в информационной сфере; стимулировать способность общегосударственной системы информационного противодействия терроризму противостоять террористическим угрозам в информационной сфере.

Результаты анализа выделенных автором закономерностей общественного развития и факторов, способствующих формированию террористических угроз в информационной сфере, позволяют сформулировать главные политические цели реализации национальной стратегии информационного противодействия терроризму: достижение

такого уровня организации защиты морально-психологического состояния населения страны от негативных информационно-психологических воздействий со стороны террористических организаций и нивелирования статуса информационной компоненты террористической деятельности вследствие управляющего информационного воздействия на субъекты терроризма, при которых ущерб духовным ценностям (в том числе, общественному, групповому и индивидуальное сознанию) либо вовсе исключен, либо столь незначителен, что не влияет на состояние национальной безопасности Российской Федерации [Сидненко 2019].

Автор полагает, что достижение указанных политических целей возможно путем решения ключевых задач на долгосрочную перспективу, которые должна определить стратегия информационного противодействия терроризму:

– *в политической сфере*: дезинформирования граждан Российской Федерации путем их обмана, введения в заблуждение вследствие намеренного представления препарированной, подтасованной, неточной, искаженной и т.п. информации из всех возможных источников; исключение дезориентирования общества, социальных групп и отдельных индивидов путем негативных, нежелательных изменений их базовых ценностных ориентиров, интересов, целей, установок, их отношения к значимым для национальной безопасности событиям и фактам; предупреждение эскалации межнациональных и межконфессиональных конфликтов, подрыва позитивных межличностных и межгрупповых отношений; пресечение дезорганизации органов власти и управления на местном, региональном и федеральном уровнях; недопущение деморализации российских граждан или снижения (подрыва, разложения) их морального состояния; выявление и пресечение фактов манипулирования сознанием индивидов, социальных групп и общества в целом, осуществляемого с целью скрытого управления их поступками, поведением и деятельностью; безусловное недопущение рефлексивного управления со стороны террористических организаций процессом принятия решений субъектами информационного противодействия терроризму;

– *в духовной сфере*: развитие культуры личной информационной безопасности гражданина, под которой понимается возможность избежать вмешательства в сознание человека и манипуляции его поведением; защита системы агрегирования и артикуляции ценностей

путем актуализации аксиологического потенциала личности и современной системы российского образования; развитие национальной идентичности и патриотизма через возрождение своих традиционных истоков, таких как язык, образование, исторические памятники, культура и духовные ценности;

– *в информационной сфере*: организация целенаправленного информационного давления и психологического воздействия на субъекты террористической деятельности; управление информационными фильтрами, призванное синхронизировать информационные потоки в социальных сетях и средствах массовой информации; совершенствование методик обнаружения, сбора, фиксации и представления доказательств противоправной деятельности субъектов терроризма в информационной сфере; регламентация деятельности средств массовой информации, в частности, определение обязательного перечня государственных средств массовой информации, в которых излагается официальная позиция российского государства по имеющимся проблемам в обществе, мире, межгосударственных отношениях;

– *в правовой сфере*: формирование, совершенствование и задействование законодательных, нормативных, правовых, организационных и иных механизмов, способствующих проведению мероприятий воздействия и защиты, а также устранению причин и условий, облегчающих восприятие террористической идеологии; совершенствование пакета нормативно-правовых актов, норм и правил правомерного поведения в информационной сфере; правовая регламентация процесса лишения лиц, причастных к террористическим структурам, возможности использовать анонимность в Глобальной сети путем внедрения верификации пользователей в Интернете, процесса подтверждения достоверности данных личности владельца учетной записи;

– *в сфере международного сотрудничества*: выработка системы международно-правовых мер по защите граждан государств-партнеров от негативного информационно-психологического воздействия путем дальнейшего совершенствования концептуальных документов, правил безопасного и ответственного поведения в информационной сфере; разработка документов о международном взаимодействии в вопросах ограничения функционирования информационных ресурсов, используемых для осуществления противоправной деятельности и межгосударственного взаимодействия при обмене оперативными данными о ресурсах Интернета, используемых в террористических

целях; проведение совместных мероприятий по противодействию и нейтрализации противоправной деятельности в информационно-телекоммуникационном пространстве государств-партнеров;

– *в сфере научного обеспечения*: направление научного потенциала России и государств-партнеров на разработку современных методик выявления в обществе, в особенности среди молодежи, лиц, подверженных воздействию идеологии терроризма через Интернет, а также организацию индивидуальной профилактической работы с ними и целевой контрпропаганды радикальной идеологии; создание модернизированной системы информационной безопасности, характеризующейся разветвленной сетью, оцифровыванием и интеллектом.

Исходя из того, что общегосударственная система информационного противодействия терроризму является частью общегосударственной системы противодействия терроризму в Российской Федерации, обоснован авторский подход к содержанию организационных основ информационного противодействия терроризму, которые должны найти свое закрепление в предлагаемой стратегии.

Так, субъектами общегосударственной системы информационного противодействия терроризму могут являться уполномоченные органы государственной власти и органы местного самоуправления, в компетенцию которых входит проведение мероприятий по противодействию терроризму, негосударственные организации и объединения, а также граждане, оказывающие содействие органам государственной власти и органам местного самоуправления в осуществлении анти-террористических мероприятий в информационной сфере.

Деятельность указанных субъектов основывается на следующих принципах: адекватности реализуемой системы мер обеспечения защищенности морально-психологического состояния населения Российской Федерации террористическим угрозам в информационной сфере; целенаправленности, наступательности и нацеленности на опережение при подготовке и проведении мероприятий в области информационного противодействия терроризму; законности, соблюдения прав и свобод гражданина независимо от его национальности или вероисповедания.

Предложенная национальная стратегия информационного противодействия терроризму является основой для формирования и реализации государственной политики Российской Федерации в области

информационного противодействия терроризму. При этом принципы государственной политики Российской Федерации, являющейся системообразующим элементом общегосударственной системы информационного противодействия терроризму, цель и задачи субъектов ее реализации могут быть закреплены в утверждаемых Президентом Российской Федерации Основах государственной политики в рассматриваемой области [Сидненко 2015, с. 106–113].

Модельное законодательство как методологическая основа политики информационного противодействия терроризму

В качестве методологической основы для разработки Основ государственной политики информационного противодействия терроризму автор полагает возможным использовать Модельный закон Организации Договора о коллективной безопасности «Об информационном противоборстве терроризму и экстремизму» (далее – Модельный закон)¹. Указанный Модельный закон определяет следующие основные направления информационного противоборства терроризму и экстремизму: разведка террористической и экстремистской деятельности в информационной сфере и разработка вариантов противодействия террористическому и экстремистскому воздействию на легитимную информационную среду; воздействие на террористическую и экстремистскую информационную среду с целью искоренения терроризма и экстремизма; защита легитимной информационной среды от террористического и экстремистского воздействия; развитие технологической и производственной базы в области информационных технологий; повышение безопасности информационных и телекоммуникационных систем, систем и средств информатизации различных сфер деятельности; совершенствование структуры обеспечения информационной безопасности; подготовка специалистов в области информационного противоборства и обеспечения информационной безопасности; взаимодействие с другими государствами и международными организациями по вопросам информационного противоборства терроризму и экстремизму.

¹ Принят на одиннадцатом пленарном заседании Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности 30 октября 2018 г. (Постановление 11-3.3)

В интересах реализации на практике указанных направлений информационного противоборства терроризму и экстремизму разработчиками Модельного закона предложена система мер, включающая: информационные и информационно-аналитические меры; меры воздействия на террористическую и экстремистскую информационную среду; меры защиты легитимной информационной среды; организационно-управленческие меры [Титлов, Смеян 2019, с. 38–44].

Заключение

Таким образом, в результате проведенного анализа закономерностей развития современного информационного общества сформирован научный закон, отражающий сущность устойчивых, необходимых и повторяющихся связей процессов глобальной информатизации с трансформацией террористической деятельности в информационной сфере и формированием новых вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации. В качестве ответа на указанные вызовы и угрозы предложено формирование национальной стратегии информационного противодействия терроризму и ее реализация общегосударственной системой в рамках государственной политики информационного противодействия терроризму. Результаты дальнейшего научного обоснования предложенных механизмов и разработки проектов концептуальных документов автор планирует отразить в следующих публикациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бочарников И. В. Информационное противодействие терроризму в современных условиях // Проблемы безопасности. 2013. № 3 (21). С. 1–12.
- Буданов С. А. Правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006. 220 с.
- Мун Д., Попета В., Смолков П. Террор и мы: почему существует терроризм и зачем идут в террористы. М. : Директ-медиа, 2018. 390 с.
- Николайчук И. А. [и др.]. Крылья хаоса : Масс-медиа, мировая политика и безопасность государства / И. А. Николайчук, М. М. Янглева, Т. С. Якова. М. : Икар, 2018. 352 с.
- Официальный сайт Президента Российской Федерации. Администрация Президента РФ. М., 2018. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/56977 (дата обращения : 07.08.2019).
- Полякова Т. А. Цифровизация и синергия правового обеспечения информационной безопасности // Информационное право. 2019. № 2 (60). С. 4–7.

- Рэймонд К.* Эволюция разума. М. : Эксмо, 2018. 352 с.
- Сидненко Г. Ф.* Государственная политика Российской Федерации в области информационного противодействия терроризму // Современное право. 2015. № 4. С. 106–113.
- Сидненко Г. Ф.* Информационное противодействие терроризму: политологический аспект : монография. М. : Триумф : Лучшие книги, 2019. 220 с.
- Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях : монография / ред. В. Ю. Бельский, А. И. Сацут. М. : ЮНИТИ, 2019. 479 с.
- Титлов Д. В., Смеян А. А.* Об опыте разработки и перспективах имплементации Модельного закона ОДКБ «Об информационном противоборстве терроризму и экстремизму» // Модельное законодательство государств – членов ОДКБ и государств – членов СНГ как инструмент обеспечения безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам : материалы Межведомственной науч.-практ. конф., г. Москва, 16 ноября 2018 г. М. : ИНГ, 2019. С. 38–44.
- Тоффлер Э.* Третья волна. М. : АСТ, 2004. 261 с.
- Филимонов Г. Ю., Даниук Н. С.* Информационный терроризм. Тактика и стратегия информационной войны. М. : Книжный мир. 2016. 256 с.
- Холодная Е. В.* О законодательном обеспечении информационной безопасности детей в Российской Федерации // Информационное право. 2019. № 2 (60). С. 8–11.
- Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016. 209 с.

REFERENCES

- Bocharnikov I. V.* Informacionnoe protivodejstvie terrorizmu v sovremennyh usloviyah // Problemy bezopasnosti. 2013. № 3 (21). S. 1–12.
- Budanov S. A.* Pravovoe obespechenie informacionnoj bezopasnosti nesovershennoletnih : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Voronezh, 2006. 220 s.
- Mun D., Popeta V., Smolkov P.* Terror i my: pochemu sushhestvuet terrorizm i zachem idut v terroristy. M. : Direkt-media, 2018. 390 s.
- Nikolajchuk I. A.* [i dr.]. Kryl'ja haosa : Mass-media, mirovaja politika i bezopasnost' gosudarstva / I. A. Nikolajchuk, M. M. Jangljaeva, T. S. Jakova. M. : Ikar, 2018. 352 s.
- Oficial'nyj sajt Prezidenta Rossijskoj Federacii. Administracija Prezidenta RF. M., 2018. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/56977 (data obrashhenija : 07.08.2019).
- Poljakova T. A.* Cifrovizacija i sinergija pravovogo obespechenija informacionnoj bezopasnosti // Informacionnoe pravo. 2019. № 2 (60). S. 4–7.
- Rjejmond K.* Jevoljucija razuma. M. : Jeksmo, 2018. 352 s.

- Sidnenko G.F.* Gosudarstvennaja politika Rossijskoj Federacii v oblasti informacionnogo protivodejstvija terrorizmu // *Sovremennoe pravo*. 2015. № 4. S. 106–113.
- Sidnenko G.F.* Informacionnoe protivodejstvie terrorizmu: politologicheskij aspekt : monografija. M. : Triumf : Luchshie knigi, 2019. 220 s.
- Terrorizm v istoricheskoy retrospektive i sovremennyh uslovijah : monografija / red. V. Ju. Bel'skij, A. I. Sacut. M. : JuNITI, 2019. 479 s.
- Titlov D.V., Smejtan A.A.* Ob opyte razrabotki i perspektivah implementacii Model'nogo zakona ODKB «Ob informacionnom protivoborstve terrorizmu i jekstremizmu» // Model'noe zakonodatel'stvo gosudarstv – chlenov ODKB i gosudarstv – chlenov SNG kak instrument obespechenija bezopasnosti i protivodejstvija novym vyzovam i ugrozam : materialy Mezhdvedomstvennoj nauch.-prakt. konf., g. Moskva, 16 nojabrja 2018 g. M. : ING, 2019. S. 38–44.
- Toffler Je.* Tret'ja volna. M. : AST, 2004. 261 s.
- Filimonov G.Ju., Danjuk N.S.* Informacionnyj terrorizm. Taktika i strategija informacionnoj vojny. M. : Knizhnyj mir. 2016. 256 s.
- Holodnaja E.V.* O zakonodatel'nom obespechenii informacionnoj bezopasnosti detej v Rossijskoj Federacii // *Informacionnoe pravo*. 2019. № 2 (60). S. 8–11.
- Shvab K.* Chetvertaja promyshlennaja revoljucija. M. : Jeksmo, 2016. 209 s.

Л. А. Печищева

кандидат исторических наук; доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института РГГУ; научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока (ЦИОПСВ) Института востоковедения РАН; e-mail: lusya-85@inbox.ru

**германо-индийские «водные проекты»
начала XXI века**

В статье предпринята попытка рассмотреть ряд важных германо-индийских проектов по улучшению водных ресурсов Индии. Из-за бурного экономического и промышленного роста Индия столкнулась с нехваткой водных ресурсов. Кроме того, чтобы обеспечить водой более чем миллиардное население Индии, необходимо увеличить темпы сельскохозяйственного производства, что приведет к еще большей опасности деградации земельных и водных ресурсов страны. Поэтому «Меморандум о взаимопонимании с Германией по очистке Ганга» (2016) и германо-индийское сотрудничество в области управления водными ресурсами и отходами стали значимыми совместными проектами, направленными на улучшение водных ресурсов Индии.

Ключевые слова: Германия; Индия; Южная Азия; экологические проекты; водные ресурсы.

L. A. Pechishcheva

PhD (History), Associate Professor at the Department of Regional Studies and Foreign Policy, Faculty of International Relations and Regional Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities (RSUH); Research Fellow of the Centre for the Study of Common Problems of the Contemporary East, the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; e-mail: lusya-85@inbox.ru

**GERMAN-INDIAN “WATER PROJECTS”
AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY**

The article is devoted to consider a number of important German-Indian projects on improvement of water resources in India. So, due to rapid economic and industrial growth India faced the shortage of water resources. By the way, to provide more than billion Indian population, it is necessary to increase rates of agricultural production that will mostly lead to the danger of degradation of India's land and water resources. Therefore, «Memorandum of understanding (MoU) with Germany to clean Ganga» (2016) and the German-Indian cooperation in water resources management and waste became extremely significant joint projects aimed at improving India's water resources.

Key words: Germany; India; South Asia; environmental projects; water resources.

Введение

По прогнозам ООН, «к 2040 году население Земли достигнет девять миллиардов человек, при этом запасы пресной воды смогут покрыть лишь 70 % потребностей человечества» [Добров 2018]. С возрастанием численности населения в мире, увеличится и спрос на водные ресурсы не только для сельского хозяйства, промышленности, но и для бытовых нужд. Сокращение водных ресурсов приведет к масштабным неконтролируемым миграционным потокам, конфликтам и битвам за водные ресурсы, так называемое голубое золото. Такая негативная ситуация с водными ресурсами характерна не только для Африки и Ближнего Востока, не стала исключением и Южная Азия.

Основная часть

Индия как экономический «локомотив» южноазиатского региона испытывает сегодня проблемы с водой, причем это касается как засухи и нехватки питьевой воды, загрязнения рек, так и числа возросших наводнений в ряде штатов страны. Жители юго-востока Индии сталкиваются с нехваткой водных ресурсов. Однако Северо-Восточный регион страны постоянно оказывается затопленным. Наводнения в последние годы стали частым явлением. К тому же, в ряде индийских штатов к дефициту чистой питьевой воды может привести как загрязнение речных, так и подземных вод. К примеру, как отмечают эксперты, 70% поверхностных вод индийских штатов подвержены сильному загрязнению. Более того, 80% жителей в Индии сталкиваются с перебоями поступления чистой питьевой воды [Кузык, Шаумян 2009, с. 157]. На сегодняшний день загрязнение водных артерий и подземных источников обсуждается на самом высоком государственном уровне страны. Как заявил индийский защитник природы, получивший титул «Человек воды Индии», Раджендра Сингх: Индия испытывает серьезные проблемы с загрязнением водных ресурсов, поэтому если государство не примет во внимание данный кризис и не выработает пути его решения, то к 2030 г. 40 % населения Индии может остаться без питьевой воды». «Грунтовые воды истощаться, мелкие водные артерии высохнут до 90%, а полновесность рек сократиться на 60–65%» [Свыше 40% населения Индии 2016].

Так, одним из ярких предвыборных девизов Нарендры Модии стала программа по очищению Ганга. Когда в 2014 г. Нарендра Мо

стал премьер-министром Индии, индийскому правительству было поручено притворить предвыборные обещания, очистить до 2018 г. Ганг от мусора и канализационных стоков. К тому же в 2014 г. была запущена программа «Чистая Индия» («Swachh Bharat»), взятая под личный контроль премьер-министра Индии Н. Моды. Согласно этому проекту, «к 2019 г. по всей Индии улицы должны стать чистыми, а каждый индеец – обзавестись доступом к питьевой воде и личным туалетом». «Бюджет проекта составляет два триллиона рупий (около 33 млрд долл.)» [Правительство Индии 2015].

Из-за нехватки водных ресурсов одним из трендов в изменении института брака стало многоженство среди немусульманского населения Индии, поэтому в индийских семьях в крайне засушливых районах страны появились так называемые «водные жены». Так, мужчины сегодня стали брать себе еще 2–3 женщины, которые, преодолевая многокилометровые расстояния, находят источники воды и снабжают семью водой. Кроме того, «водные жены» стоят в огромных очередях за водой, когда привозят «голубое золото» для местных жителей засушливых районов страны. Одним из таких примеров появления в индийских семьях «водных жен» стал Денганмал, индийская деревня на западе страны, штат Махараштра [Shivani Yadav 2018].

Неправительственные акторы (экологические активисты и экологические неправительственные организации) сегодня делают большую работу по сохранению окружающей среды. К примеру, Джадав Пайенг (Jadav Payeng), «лесной человек Индии», известный индийский экологический активист из Джорхата, высаживавший в течение десятилетий в одиночку деревья на берегу реки Брахмапутра, превратил свыше 500 гектаров пустынных земель в лес, воссоздав естественный баланс экосистемы штата Ассам [Chidirim Ndeche 2017]. Либо феномен шведской школьницы Греты Тунберг, которая вызвала во всем мире волну протестов в защиту окружающей среды и сокращения вредных выбросов в атмосферу и обратила внимания политиков на глобальные экологические вызовы. Такие примеры заставляют правительства принимать более активное участие в решении экологических проблем. Германия и Индия стремятся сообща справляться с экологическими катастрофами. Среди основных направлений совместной германо-индийской работы по сохранению окружающей среды являются социальные проекты (акции и волонтерские

программы, социальная реклама на ТВ и в соцсетях), экспертизы независимых ученых, мониторинги уровня загрязнения окружающей среды и претворение в жизнь законов, защищающих окружающую среду.

Германия оказывает поддержку Индии в улучшении водных ресурсов страны. Так, можно рассмотреть несколько совместных германо-индийских проектов по борьбе с загрязнениями водных ресурсов. 13 апреля 2016 г. был подписан «Меморандум о взаимопонимании с Германией по очистке Ганга» между Министерством водных ресурсов, речного развития и омоложения Ганга и Германским агентством по международному сотрудничеству (GIZ) в присутствии министра водных ресурсов Индии Шаши Шейхара и посла ФРГ в Индии Мартина Нея. Инициатива продвижения германо-индийского проекта очистки Ганга была выдвинута еще в ноябре 2015 г. в ходе Индийско-европейского форума по водным ресурсам, организованного Национальной миссией по водным ресурсам в партнерстве с Генеральным директором по окружающей среде Европейской комиссии. Германо-индийский проект по очистке Ганга рассчитан на три года, начнется в Уттаракханде, а затем работа продолжится и в других штатах вниз по течению Ганга. Вклад Германии в трехлетний проект составит свыше 3 млн долл. США. Благодаря совместному проекту государства смогут быстро обмениваться опытом и специалистами, решать вопросы стратегического управления речными бассейнами, эффективной системы управления данными и участия индийского гражданского общества.

В одном из интервью министр водных ресурсов Индии Шаши Шейхар заявил, что техническое ноу-хау Германии будет необычайно плодотворным в борьбе с загрязнением окружающей среды Ганга. Индия планирует принять успешные стратегии управления речными бассейнами для очистки Ганга, взяв за образец проекты по очищению Рейна и Дуная. В 1960-е гг. из-за внутренних и промышленных выбросов деградировали две самые длинные реки Европейского союза – Дунай и Рейн. После осуществления мер по управлению речными бассейнами в 1970 г. химическое загрязнение и органическая нагрузка Рейна сократились более чем на 80 %, что позволило улучшить качество воды Дуная. Для предотвращения загрязнения сточные воды из прилегающих районов были подключены к очистным сооружениям, что способствовало сокращению прямого сброса неочищенных

сточных вод в реки. Таким образом, очистка бытовых и промышленных сточных вод и эффективное принятие законов за последние 20 лет привели к улучшению качества воды в этих реках [Rashmi Verma 2016].

Заключение

Таким образом, Индия и Германия присоединились к сотрудничеству в области управления водными ресурсами и отходами. В ходе встречи Третьей индийско-германской рабочей группы по сотрудничеству в области управления водными ресурсами и отходами в феврале 2019 г., состоявшейся в Дели, обе стороны обсудили потенциальное сотрудничество в этой сфере. Немецкую делегацию возглавила доктор Регина Дюбе, генеральный директор по управлению водными ресурсами и охране ресурсов, а индийскую делегацию представлял Анил Кумар Джайн, дополнительный секретарь Министерства окружающей среды Индии [India and Germany join hands on water and waste management 2019]. Согласно официальным заявлениям, Германия и Индия решили разработать документы для текстильной промышленности, управления водными ресурсами, морского мусора, отходов от свалок энергоносителей, а также модернизировать механизмы управления качеством воды, подготовки кадров и местных органов управления. Таким образом, германо-индийские проекты по улучшению водных ресурсов Индии направлены на создание механизмов рационального использования индийскими сельско-хозяйственными и промышленными объектами водных ресурсов, создание проектов по переброске вод в те районы страны, где происходит либо истощение водных ресурсов, либо их тотальная нехватка, а также проектирование и строительство современных очистных сооружений, дамб и заграждений в тех районах, где случаются постоянные наводнения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Добров Д.* Борьба за водные ресурсы обостряется // ИноСми. 03.05.2018. URL: inosmi.ru/social/20180503/242127536.html (дата обращения : 15.02.2019).
- Кузык Б. Н., Шаумян Т. Л.* Индия – Россия: стратегия партнерства в XXI в. М. : Институт экономических стратегий. 2009. 1224 с.
- Правительство Индии пообещало очистить Ганг от мусора к 2018 г. // Lenta.ru. 15.01.2015. URL: lenta.ru/news/2015/01/15/india/ (дата обращения : 15.03.2019).

- Свыше 40 % населения Индии в 2030 г. могут остаться без питьевой воды // ТАСС. 24.03.2016. URL: tass.ru/obschestvo/2978974 (дата обращения : 12.03.2019).
- Chidirim Ndeche*. Molai Forest: From a barren land to a tropical forest reserve // The Guardian. 19.08.2017. URL: guardian.ng/life/travel-and-places/molai-forest-from-a-barren-land-to-a-tropical-forest-reserve/ (дата обращения : 10.03.2019).
- India and Germany join hands on water and waste management // News Services Division. All India Radio. 06.02.2019. URL: www.newsonair.com/News?title=India-and-Germany-join-hands-on-water-and-waste-management&id=359335 (дата обращения : 15.03.2019).
- Rashmi Verma*. India and Germany sign agreement for cleaning Gang // DownToEarth. 26.04.2016. URL: www.downtoearth.org.in/blog/water/india-and-germany-sign-agreement-for-cleaning-ganga-53714 (дата обращения : 13.03.2019).
- Shivani Yadav*. Water Wives of India: Denganmal in Maharashtra, Where Men Have Multiple Wives to Fetch Water // STSTW Media. 16.11.2018. URL: www.ststworld.com/water-wives-of-india-denganmal-in-maharashtra-where-men-have-multiple-wives-to-fetch-water/ (дата обращения : 05.03.2019).

REFERENCES

- Dobrov D.* Bor'ba za vodnye resursy obostrjaetsja // InoSmi. 03.05.2018. URL: inosmi.ru/social/20180503/242127536.html (дата обращения : 15.02.2019).
- Kuzyk B. N., Shaumjan T. L.* Indija – Rossija: strategija partnerstva v XXI v. M. : Institut jekonomicheskikh strategij. 2009. 1224 s.
- Pravitel'stvo Indii poobeshhalo ochistit' Gang ot musora k 2018 g. // Lenta.ru. 15.01.2015. URL: lenta.ru/news/2015/01/15/india/ (дата обращения : 15.03.2019).
- Svyshe 40 % naselenija Indii v 2030 g. mogut ostat'sja bez pit'evoj vody // TASS. 24.03.2016. URL: tass.ru/obschestvo/2978974 (дата обращения : 12.03.2019).
- Chidirim Ndeche*. Molai Forest: From a barren land to a tropical forest reserve // The Guardian. 19.08.2017. URL: guardian.ng/life/travel-and-places/molai-forest-from-a-barren-land-to-a-tropical-forest-reserve/ (дата обращения : 10.03.2019).
- India and Germany join hands on water and waste management // News Services Division. All India Radio. 06.02.2019. URL: www.newsonair.com/News?title=India-and-Germany-join-hands-on-water-and-waste-management&id=359335 (дата обращения : 15.03.2019).

Rashmi Verma. India and Germany sign agreement for cleaning Gang // DownToEarth. 26.04.2016. URL: www.downtoearth.org.in/blog/water/india-and-germany-sign-agreement-for-cleaning-ganga-53714 (data obrashhenija : 13.03.2019).

Shivani Yadav. Water Wives of India: Danganmal in Maharashtra, Where Men Have Multiple Wives to Fetch Water // STSTW Media. 16.11.2018. URL: www.ststworld.com/water-wives-of-india-danganmal-in-maharashtra-where-men-have-multiple-wives-to-fetch-water/ (data obrashhenija : 05.03.2019).

Г. Н. Валихметова, К. Ш. Кашаф

Валихметова Г.Н., доктор исторических наук, доцент; заведующая кафедрой востоковедения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; e-mail: vgulnara@mail.ru

Кашаф К.Ш., магистрант Московского государственного лингвистического университета, лаборант-исследователь Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН; e-mail: kkashaf@mail.ru

РАДИКАЛЬНО-ЭКСТРЕМИСТСКАЯ УГРОЗА В ЦИФРОВОМ ИЗМЕРЕНИИ: В ПОИСКАХ ПУТЕЙ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

В статье рассматривается совокупность угроз, исходящих от радикально-экстремистских группировок исламистского толка в условиях стремительного развития цифровых технологий. Представлены структура и основные направления деятельности киберподразделений транснациональных террористических организаций, дана оценка их киберпотенциала. На примере национальной политики Республики Киргизия в сфере обеспечения информационной безопасности продемонстрированы эффективные методы противодействия экстремизму в интернет-пространстве.

Ключевые слова: информационная безопасность; киберугрозы; кибертерроризм; «киберджихад»; радикально-исламистская угроза; международное сотрудничество; противодействие терроризму; Киргизия.

G. N. Valiakhmetov, K. Sh. Kashaf

Valiakhmetova G. N., Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor, Head of the Department of Oriental Studies of the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; e-mail: vgulnara@mail.ru

Kashaf K. Sh., Studies Junior Researcher of the Department of Central Asian, Caucasus and Ural-Volga Region of the Institute of Oriental Studies of the RAS; master degree student of the Moscow State Linguistic University; e-mail: kkashaf@mail.ru

THE DIGITAL DIMENSION: RADICAL ISLAMIC EXTREMIST THREAT WAYS OF COUNTERACTION

The article deals with a complex of threats in the area of digital technologies, which originate from radical Islamist groups. The authors explain the structure and activities of the cyber divisions of the transnational terrorist organisations and assess their potential in this sphere. They also draw an example of a case study with regard to the national policy in the sphere of information security in the Republic of Kyrgyzstan and list effective measures of counteracting the Internet extremism.

Key words: Information security; Internet; cyber threats; cyber terrorism; cyber jihad; cooperation, international; Kyrgyzstan.

Введение

Цифровая революция рубежа XX–XXI вв. создала новое, кибернетическое, пространство жизни современного общества. Наряду с атмосферой, мировым океаном, окружающей средой, открытым космосом и т.д. стремительно развивающаяся информационная сфера вошла в число активов, формирующих так называемое всеобщее достояние, необходимое для выживания человечества [Жизнь в «осыпающемся» мире 2018]. Вместе с тем повсеместное распространение Интернета с 1990-х гг. запустило целый ряд противоречивых процессов. В глобальном цифровом пространстве образовался новый театр геополитического противостояния ведущих акторов мировой и региональной политики, развернулась преступная и экстремистская деятельность. Активное использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) стало в современных условиях одним из новых и активно набирающих силу трендов террористической деятельности, что актуализирует необходимость научного осмысления роли цифровых технологий в усилении деструктивного потенциала радикально-экстремистских группировок. Данная статья является попыткой внести определенный вклад в научные дискуссии по вопросу о путях противодействия радикализму и терроризму, в частности прикрываемому религиозной мотивацией, в цифровом пространстве.

Глобальные киберугрозы: тренды опасного развития цифровой инфраструктуры

Радикальные и террористические группировки исламистского толка довольно широко представлены в Всемирной сети, где ими в различных формах ведется так называемый электронный джихад против «неверных». Первые киберджихадистские группы позиционировали себя как приверженцы «Аль-Каиды»¹ и заявили о себе в 2006–2007 гг. серией атак на сайты Ватикана и датской ежедневной газеты «Jyllands-Posten», спровоцировавшей межкультурный конфликт публикацией

¹ Международная организация «База» («Аль-Каида») решением Верховного суда РФ от 14.02.2003 г. № ГКПИ 03-116 внесена в Единый федеральный список организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. В этом же списке находится организация «Аль-Каида в странах исламского Магриба», в деятельности которой Верховный суд РФ усмотрел признаки деятельности террористической организации и вынес решение от 13.11.2008 г. № ГКПИ 08-1956.

30 сентября 2005 г. карикатур на пророка Мухаммада. Серию изображений, особенно представлявших арабского проповедника единобожия, основателя и центральной фигуры ислама с тюрбаном в виде бомбы, к тому же впоследствии перепечатанных в ряде европейских газет (и, к сожалению, в некоторых российских изданиях¹), мусульмане всего мира, включая Россию, сочли оскорбительными.

Эксперты предполагают, что сегодня в число киберподразделений «Аль-Каиды» входят такие хакерские группировки, как «Al Qaeda Electronic», действующая в тесном сотрудничестве с «Al Qaeda Electronic in Egypt» и «Tunisian Cyber Army»; «Al-Qaeda Alliance Online», являющейся подразделением пакистанской хакерской группы «GForce»; «Youni Tsoulis»; «Islamic Electronic Army» и ряд других. Несмотря на призывы «Аль-Каиды» к кибернападениям на объекты критической инфраструктуры США и европейских стран, «послужной список» ее электронных групп ограничивается пропагандистской деятельностью и дефейсментом² сайтов общественных и коммерческих организаций США, России, Тайваня, Вьетнама [Liu 2015].

Наиболее многочисленной, организованной, активной и полной решимости проводить цифровые атаки является террористическая группировка «Исламское государство»³. Ее выход в глобальное киберпространство в качестве одного из влиятельных антисистемных игроков связано с именем британского активиста

¹ В связи с «карикатурным скандалом», вызвавшим волну возмущения во многих мусульманских странах, были закрыты вологодская газета «Наш регион» и волгоградская газета «Городские вести». Интернет-издание «Газета.Ru», проиллюстрировавшее шестью датскими рисунками на пророка Мухаммада статью «Карикатурная война», было обвинено Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия (Росохранкультура) в разжигании межнациональной розни и получило предупреждение.

² В результате этого вида кибератаки веб-сайтам может наноситься урон в виде их порчи, DDoS-атак, отказа в обслуживании, шпионажа и уничтожение данных

³ «Исламское государство» (ИГ, другие названия: «Исламское Государство Ирака и Сирии», «Исламское Государство Ирака и Леванта», «Исламское Государство Ирака и Шама») – международная террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации решением Верховного суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ 14-1424С, вступившим в силу 13 февраля 2015 г.

Джунаида Хуссейна. Он приобрел свою сомнительную известность после шумевших взломов личной страницы М. Цукербергера на «Facebook» и почтового аккаунта бывшего премьер-министра Великобритании Энтони Блэра. Увлечение идеями радикального исламизма привело Дж. Хуссейна в Сирию в 2013 г., где он, уже под именем Абу Хуссейн аль-Британи, сформировал первые кибергруппы ИГ – «Cyber Caliphate» (с августа 2015 г. – «Cyber Caliphate Army», CCA) и «Islamic State Hacking Division» (ISHD). Именно на них возлагается ответственность за атаки 2015 г. на сайт французского телеканала «TV5 Monde», твиттер-аккаунты Центрального командования Вооруженных сил США и влиятельных медиаресурсов «Newsweek» и «International Business Times» [Evan at el. 2017, с. 18].

Вопреки ожиданиям Вашингтона и Лондона, физическое уничтожение Дж. Хуссейна 24 августа 2015 г. (в ходе спецоперации США и Великобритании с использованием беспилотника) не прервало процесс наращивания киберпотенциала ИГ. Созданные Хуссейном киберподразделения стали ядром «Объединенного киберхалифата» («United Cyber Caliphate», UCC), состоящего на сегодняшний день из разрозненных хакерских групп, присягнувших на верность террористической организации. В их числе «Islamic Cyber Army», которая сосредоточена на сборе информации по системам автоматического управления на объектах энергетической инфраструктуры стран Запада, предположительно, с целью проведения кибердиверсий. Готовность к проведению глобальной кибератаки декларируют «Electronic Ghosts of the Caliphate» и «Caliphate Cyber Army», созданные в рамках взаимодействия так называемой киберармии ИГ и пропалестинской хакерской группировки AnonGhost. На взломе аккаунтов социальных сетей, преимущественно «Facebook» и «Twitter», фокусирует свою деятельность «Sons Caliphate Army». В странах Северной Африки наращивают активность радикально-исламистские киберкоманды «Kalachnikov E-security Team», «Team System Dz» и др. [Evan at el. 2017, с. 18, 24; European Union Terrorism... 2016, с. 15].

Киберпотенциал радикально-экстремистских акторов

Анализ деятельности «киберджихадистов» позволяет выявить ряд тенденций, характеризующих особенности эволюции стратегии и тактики подобных групп. Прежде всего, это постепенная смена внимания с организации относительно несложных с технической точки зрения

нападений на сайты своих политических и идеологических оппонентов, которые осуществляются преимущественно в пропагандистских целях, на объекты критической инфраструктуры ключевых игроков мировой и региональной политики. Не менее тревожным трендом становится стремление радикалов к проведению масштабных коллективных акций и их возрастающие технические возможности.

Однако, несмотря на активную деятельность в интернет-пространстве и многочисленные, казалось бы, успешно проведенные кибероперации, хакерам-исламистам всё еще не удастся нанести существенный материальный ущерб своим оппонентам. Впрочем, это не снижает вероятности дальнейшего (и более эффективно организованного) использования новейших ИКТ в террористических целях. Насколько обоснованы опасения мировой общественности по поводу возможного приобретения экстремистами кибервооружения и его последующего разрушительного применения? Способен ли «цифровой джихад» со временем трансформироваться в серьезную угрозу международной безопасности? В поисках ответа эксперты Центра исследования рисков Кембриджского университета разработали критерии определения киберпотенциала террористических организаций и оценки исходящих с их стороны киберугроз [Evan et al. 2017, с. 13–17].

Первый уровень угроз формирует так называемый активированный киберпотенциал, позволяющий использовать ИКТ и интернет-пространство для доступа к широкой аудитории и проведения активной информационно-пропагандистской работы, вербовки своих сторонников и иностранных боевиков, оперативного общения внутри своих сообществ и их финансовой «подпитки», к данной группе угроз также относятся способности применять технологии шифрования во избежание доступа к радикально-исламистскому контенту посторонних акторов, прежде всего правоохранительных и разведывательных служб. Необходимые для подобного рода деятельности навыки демонстрируют практически все современные террористические и радикально-экстремистские организации.

Второй уровень угроз соотносится с подрывным киберпотенциалом – способностями и возможностями нарушать работу веб-сайтов (дефейсмент) идеологических оппонентов, совершать DoS/DDoS-атаки (отказ в обслуживании), распространять вредоносное программное обеспечение, искажать или похищать цифровую информацию; совершать финансовые кражи и мошенничество, например

для финансирования террористической деятельности. Очевидно, что данная группа угроз предусматривает наличие у киберджихадистов более квалифицированных технических навыков для преодоления высоких уровней безопасности, которыми, как правило, обеспечены компьютерные системы предполагаемых объектов кибератаки, финансовых служб и систем денежных транзакций, а также для «отмыкания» средств и ухода от систем отслеживания и обнаружения источника кибератаки.

Третий, самый высокий, уровень цифровых угроз способны сформировать террористические группы, располагающие деструктивным киберпотенциалом, который позволяет осуществлять масштабные многоцелевые нападения на объекты критической инфраструктуры с использованием ИКТ класса кибервооружений и наносить оппоненту реальный материальный ущерб.

Согласно выводам британских аналитиков, еще ни одна террористическая группировка не смогла продемонстрировать продвинутый уровень «подрывных» навыков, необходимый для проведения масштабных терактов [Evan et al. 2017, с. 17–19]. Специалисты «Лаборатории Касперского» – международной компании, работающей в сфере информационной безопасности с 1997 г., и эксперты Европола, базируясь на собственных методиках оценки киберугроз со стороны радикально-экстремистских организаций, приходят к аналогичным выводам [Kaspersky 2017; European Union Terrorism Situation and Trend Report 2018 URL; European Union Terrorism Situation and Trend Report 2019 URL].

Вместе с тем исследователи придерживаются мнения, что угрозы, исходящие от «киберджихадистов», уже не являются гипотетическими, и приход физической кибертеррористической атаки является лишь вопросом времени. Цифровые технологии, как и целый ряд наукоемких отраслей современной экономики (ядерная и фармацевтическая, биоинженерия и т. д.), априори имеют двойное назначение (мирное и военное), и при определенных условиях они могут быть трансформированы в оружие массового поражения. Так, деструктивным киберпотенциалом – в виде сложных вредоносных компьютерных программ – по своей разрушительной мощи соотносимым со стратегическими наступательными вооружениями, располагает лишь ограниченное количество государств из числа ключевых игроков мировой и региональной политики. Однако стремительное развитие

коммуникационной сферы приводит к «размыванию» традиционных границ между различными типами киберугроз и видами вредоносной деятельности в киберпространстве, предоставляя возможности для «горизонтального» распространения кибервооружений. Это, в свою очередь, уже сегодня позволяет мелким злоумышленникам получать доступ к отдельным высокотехнологичным инструментам, которые относятся к классу кибероружия, предположительно разработанным Агентством Национальной безопасности США [Kaspersky 2017].

Результаты рассмотренных выше исследований, проведенных экспертами Европы и России, свидетельствуют о том, что к настоящему моменту радикально-экстремистские группировки способны генерировать цифровые угрозы первого и частично второго уровней. Соответственно, именно данные группы угроз требуют первоочередного внимания со стороны международных и национальных специализированных структур, разрабатывающих меры противодействия радикализму и терроризму в интернет-пространстве.

Киберпространство – территория халифата ИГ?

Антисистемные участники цифровых войн демонстрируют устойчивую тенденцию к росту своих технических возможностей. Повсеместное внедрение новых электронных платежных продуктов и услуг, увеличение числа пользователей социальных сетей и краудфандинговых платформ, свободный и анонимный доступ к «мировой паутине» – всё это существенно расширяет пути финансирования терроризма и позволяет радикалам вербовать в свои ряды высококлассных IT-специалистов [Emerging terrorist Financing Risk, Financial Action Force 2015]. «Джихадисты, как и хакеры, зачастую оказываются на шаг впереди властей и очень внимательно следят за последними технологическими новинками», – отмечает эксперт Российского совета по международным делам А. В. Мамаев [Мамаев 2017 URL].

В этой игре на опережение экстремистам проигрывают также социальные медиа. «Кривая обучения сейчас очень быстрая, когда-то им [джихадистам] потребовались годы, чтобы адаптироваться к новой платформе или медиа. Теперь они делают это в течение нескольких месяцев», – замечает Г. Вейманн, ведущий израильский исследователь процессов радикализации цифрового пространства [Robins-Early 2017 URL]. Созвучные тезисы выдвигают итальянские эксперты, подчеркивая, что террористические группы становятся всё

опытнее в изменении собственных коммуникационных стратегий [Twitter and Jihad: The Communication Strategy of ISIS 2015].

Обоснованность данных оценок иллюстрирует пример террористической группировки ИГИЛ¹, ключевым инструментом пропаганды которой являются принадлежащие ей медиаресурсы, ориентированные как на арабоязычную, так и иноязычную аудиторию. В их числе медиацентр «Al-Itisam Establishment for Media Production», ежедневник «al-Naba'» и региональные каналы «A'maq News Agency», «al-Hayat Media Centre», «al-Furqan Media Production Company», «al-Ajnad Media Production Company», «al-Himma Library», «al-Bayan Radio». Действующее с 2016 г. ежемесячное издание «Rumiyah» выходит на английском, французском, немецком, боснийском, индонезийском, курдском, пушту, русском, турецком, урду и уйгурском языках [European Union Terrorism... 2016 URL; Экер 2015].

Серьезные потери подконтрольных территорий в Сирии и Ираке, а также людских и материальных ресурсов в первой половине 2017 г. значительно ограничили медийный потенциал ИГ, особенно возможности выхода на неарабоязычную аудиторию. Рост военного давления на ИГИЛ привел к заметному снижению качества и количества производимой игиловскими кибергруппами медиапродукции, однако с декабря 2017 г. подконтрольные ему средства массовой информации демонстрируют признаки восстановления [European Union Terrorism... 2016 URL].

Высказанные в конце 2017 г. опасения представителей американской разведки и сенаторов Соединенных Штатов Америки, что с поражением ИГ в Сирии разрушительные способности террористов активно трансформируются в идеологические диверсии в Интернете, уже не вызывают возражений. Так, оценивая возможности террористических групп обрести в социальных сетях и мессенджерах сторонников, симпатизирующих халифатистским идеям, для использования в террористических, сепаратистских и экстремистских целях, директор разведки в Национальном контртеррористическом центре США Лора Шайо находит их «беспрецедентными» (*Reuters*, 07.12.17). Надежные каналы онлайн-вербовки потенциальных насильственных экстремистов, дающие ИГ реальный шанс увеличивать их численность внутри разных стран, превращают виртуальный мир в мир «нового халифата

¹ ИГИЛ – террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

в киберпространстве», если использовать метафору Рона Джонсона, республиканского председателя Комитета Сената по национальной безопасности и правительственным делам.

Вместе с тем ограничение доступа к широкой неарабоязычной аудитории вынудило ИГ менять формы и методы работы на легальных интернет-платформах и уходить в DarkNet. Кроме того, радикалы стали возвращаться на аккаунты социальных сетей, которые в предшествующие годы подверглись серьезной «чистке» благодаря согласованным действиям правительств и владельцев социальных сетей. Так, например, во второй половине 2014 г. в «Твиттере» было заблокировано 45 тыс., а в 2016 г. – 250 тыс. учетных записей, принадлежащих членам радикально-исламистских группировок [Emerging Terrorist Financing... 2015 URL; European Union Terrorism... 2015 URL; European Union Terrorism... 2016 URL]. Однако, несмотря на очевидную эффективность, практика подобного совместного противодействия распространению радикального контента в соцсетях не получила повсеместного распространения. На Западе развернулись острые дискуссии в общественных, политических и деловых кругах по вопросу о целесообразности ограничения свободы слова в целях обеспечения информационно-психологической безопасности общества и индивида [Демидов 2013, с. 85–86; Emerging Terrorist Financing... 2015 URL; European Union Terrorism... 2016 URL]. В результате уже в 2017 г. только в Европе была зафиксирована активизация пропагандистской деятельности экстремистов на платформах более 150 социальных сетей [European Union Terrorism... 2016 URL; Internet Organised Crime Threat Assessment 2017 URL].

ШОС на пути к безопасной цифровой среде: киргизский кейс

Россия и страны Азии (прежде всего Китай, Индонезия, Сингапур, страны Центральной Азии), а также ряд стран Персидского залива отстаивают на международной арене право суверенного государства на защиту своих граждан от деструктивного контента. В том числе путем блокировки поисковых запросов экстремистского характера или временного ограничения доступа к сомнительным с точки зрения национальной безопасности интернет-платформам [Зиновьева 2013, с. 220–221; Международная информационная безопасность... 2013, с. 204; Knake 2010].

Отметим, что в вопросе обеспечения информационной безопасности и успешного противостояния современным террористическим угрозам позиция Москвы, допускающая контроль со стороны компетентных органов за киберпространством, озвучена представителями государств, входящих в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). В частности, о том, что «киберпространство должно находиться под контролем компетентных органов», заявил первый заместитель директора ФСБ России генерал армии С. М. Смирнов по итогам 33-го заседания Совета Региональной антитеррористической структуры ШОС в киргизской столице Бишкеке [ФСБ РФ: киберпространство должно быть под контролем спецслужб для борьбы с терроризмом 2018 URL].

Наглядный пример высокой результативности подхода в борьбе с экстремизмом и терроризмом в условиях цифровой эпохи демонстрирует и Киргизия. Первым шагом к созданию комплексной системы национальной информационной безопасности стал сформированный в 2009 г. МВД Республики Киргизии спецотдел по противодействию распространению в Интернете контента, разжигающего межнациональную и межконфессиональную рознь. В течение последующих 10 лет в стране была разработана нормативно-правовая база мероприятий по противодействию радикально-экстремистской угрозе в национальном сегменте Глобальной сети: Закон «Об органах национальной безопасности», поправки в Уголовный кодекс, содержащие статьи об ответственности за распространение вредоносных компьютерных программ или материалов радикального толка, и т. д. Законодательство республики предусматривает упрощенный порядок рассмотрения в судах дел, связанных с киберпреступлениями, в частности суд полномочен в срок до трех дней вынести решение о блокировке интернет-ресурса, содержащего экстремистский контент. Следует особо подчеркнуть тот факт, что судебные решения выносятся на основе экспертных заключений лингвистов, теологов и специалистов Госкомиссии по делам религии Киргизии. Так, в 2017 г. в интернет-пространстве республики было заблокировано 57 сайтов, размещавших информационные материалы террористического характера, в том числе 27 платформ, предоставлявших свои веб-ресурсы для заприщанных в стране террористических движений «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», «Талибан», ИГИЛ (*Российская газета*, 5.04.18).

Важной вехой на пути к безопасной цифровой среде стал принятый парламентом страны в конце 2017 г. Закон «О ратификации соглашения по сотрудничеству со странами СНГ в области регулирования информационной безопасности», который открыл для Бишкека новый формат противодействия цифровому радикализму в рамках международного сотрудничества (*Sputnik Кыргызстан*, 05.08.19). Через год киргизскими властями были утверждены Стратегия кибербезопасности на 2019–2023 гг. и план мероприятий по ее реализации – документы, которые, по заявлению представителей Кабинета министров, направлены на защиту жизненно важных интересов и обеспечение безопасности граждан, бизнеса и государства¹.

Пример Киргизии свидетельствует о том, что противодействие использованию ИКТ в радикальных целях в первую очередь требует политической воли со стороны властей и объединения усилий всего мирового сообщества. Определенный прогресс на этом пути уже достигнут. Многосторонний формат сотрудничества в сфере обеспечения международной кибербезопасности осуществляется в рамках работы специализированной Рабочей группы ООН, Группы по разработке финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ), группы «Эгмонт», Интерпола, Европола и др. Налаживается взаимодействие государств в вопросах обмена информацией между национальными разведывательными службами. Однако на пути к созданию действенных механизмов международно-правового регулирования глобального цифрового пространства стоят доктринальные разногласия ведущих игроков мировой политики, прежде всего в лице США и Европы, с одной стороны, России и стран Азии – с другой. Пока же между ключевыми игроками мировой политики отсутствует единство мнений как по вопросам выработки единой терминологии применительно к киберугрозам, киберпреступлениям, кибертерроризму, так и в определении содержания радикально-исламистской угрозы и терроризма в целом [Иванов 2018; МакКоннелл, Шариков, Смекалова 2017, с. 12].

Заключение

В свое время появление террористической организации ДАИШ, как отмечают В.Г.Барановский и В.В.Наумкин, «проспали» все

¹ В Кыргызстане утверждена стратегия кибербезопасности // *Sputnik Кыргызстан*. 5 августа 2019.

правительства и разведки мира, и в 2014 г. ему удалось «овладеть значительной частью Ирака, а затем и Сирии» [Барановский, Наумкин 2019, с. 99]. Было бы еще большей ошибкой «прозевать» укрепление позиций террористического квазигосударства в мировом Интернете.

Очевидно, что предотвращение конвергенции угроз, исходящих от ИКТ и терроризма, требует от мирового сообщества разработки комплексных мер. В их числе восполнение юридических лагун, образовавшихся в международном праве и национальных законодательствах в связи с цифровой революцией и глобализацией терроризма; создание системы международного контроля над кибервооружениями; развитие информационно-аналитических технологий, создающих качественно новые возможности для борьбы с терроризмом, в том числе ужесточение контроля за контентом; урегулирование региональных и межгосударственных конфликтов в исламском мире, в том числе военно-политическими методами; продвижение идей партнерства цивилизаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барановский В. Г., Наумкин В. В. «Мир веры» versus «мир неверия»: мифы и реальные тренды // Ближний Восток в поисках политического будущего : коллективная монография / науч. ред. В. Г. Барановский и В. В. Наумкин ; отв. ред. А. В. Сарабьев. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2019. С. 69–100.
- Демидов О. Социальные сетевые сервисы в контексте международной и национальной безопасности // Индекс безопасности. 2013. № 1 (104). С. 65–86.
- Жизнь в «осыпающемся» мире : доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», отябрь 2018. URL: ru.valdaiclub.com/files/22596/ (дата обращения : 20.10.2019).
- Зиновьева Е. Цифровая дипломатия США: возможности и угрозы для международной безопасности // Индекс безопасности. 2013. № 1 (104). С. 213–229.
- Иванов И. С. «Мутная вода» киберпространства // РСМД. 29 января 2018. URL: russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mutnaya-voda-kiberprostranstva (дата обращения : 19.10.2019).
- МакКоннелл Б., Шариков П., Смекалова М. Предложения по российско-американскому сотрудничеству в сфере кибербезопасности. Аналитическая записка // Российский совет по международным делам. 2017. № 11. URL: russiancouncil.ru/papers/RIAC-EWI-Russia-US-Cybersecurity-Policy-brief11-ru.pdf (дата обращения : 19.10.2019).

- Мамаев А. В. Киберхалифат: какие приложения использует ИГ // РСМД. 21 мая 2017. URL: russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kiberkhalifat-kakie-prilozheniya-ispolzuet-ig (дата обращения : 19.10.2019).
- Международная информационная безопасность и глобальное управление Интернетом: взгляд из Женевы глазами российских и международных экспертов : материалы круглого стола // Индекс безопасности. 2013. № 1 (104). С. 185–206.
- ФСБ РФ: киберпространство должно быть под контролем служб для борьбы с терроризмом // ТАСС. 18 октября 2018. URL: tass.ru/politika/5690058 (дата обращения : 16.10.2019).
- Экер М. Интернет для джихадистов [от органа пропаганды к центру оперативного управления] // Россия в глобальной политике, 13 октября 2015. URL: www.globalaffairs.ru/number/Internet-dlya-dzhikhadistov-17741 (дата обращения : 19.10.2019).
- Emerging Terrorist Financing Risks. Financial Action Task Force (FATF) Report. Paris, 2015. URL: www.fatf-gafi.org/publications/methodsandtrends/documents/emerging-terrorist-financing-risks.html (дата обращения : 19.10.2019).
- European Union Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2015. European Police Office, 2015. Hague, 2015. URL: www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-2015 (дата обращения : 19.10.2019). DOI: 10.2813/648066.
- European Union Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2016. European Police Office, 2016. Hague, 2016. URL: www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-te-sat-2016 (дата обращения : 19.10.2019). DOI: 10.2813/525171.
- European Union Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2018. European Police Office, 2018. Hague, 2018. URL: www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-2018-tesat-2018 (дата обращения : 19.10.2019). DOI: 10.2813/00041.
- European Union Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2019. European Police Office, 2019. Hague, 2019. URL: www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/terrorism-situation-and-trend-report-2019-te-sat (дата обращения : 19.10.2019). DOI: 10.2813/788404.
- Evan T. [at et.]. Cyber Terrorism: Assessment of the Threat to Insurance. Centre for Risk Studies / T. Evan, E. Leverett, S. J. Ruffle, A. W Coburn., J. Bourdeau, R. Gunaratna, D. Ralph. University of Cambridge. 2017. URL: www.jbs.cam.ac.uk/fileadmin/user_upload/research/centres/risk/downloads/pool-re-cyber-terrorism.pdf (дата обращения : 19.10.2019).
- Internet Organised Crime Threat Assessment (IOCTA) 2017. European Police Office, 2017. URL: www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/

- internet-organised-crime-threat-assessment-ioc2017 (дата обращения : 19.10.2019). DOI: 10.2813/55735.
- Kaspersky Security Bulletin*: 2017. Развитие угроз. URL: media.kasperskycontenthub.com/wp-content/uploads/sites/58/2018/03/09043350/KSB_Review-of-2017_final_RU.pdf (дата обращения : 19.10.2019).
- Knake R.* Internet Governance in an Age of Cyber Insecurity. N. Y. : Council on Foreign Relations, 2010.
- Liu E.* Al Qaeda Electronic: A Sleeping Dog? A Report by the Critical Threats Project of the American Enterprise Institute. December 2015. URL: www.criticalthreats.org/wp-content/uploads/2016/07/Al_Qaeda_Electronic-1.pdf (дата обращения : 19.10.2019).
- Robins-Early N.* How Telegram became the app of Choice for ISIS // World News. 24.05.2017. URL: www.huffpost.com/entry/isis-telegram-app_n_59259254e4b0ec129d3136d5 (дата обращения : 19.10.2019).
- Twitter and Jihad: The Communication Strategy of ISIS / ed. by Monica Maggioni and Paolo Magri. Milano, 2015. URL: www.ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/twitter_and_jihad_en.pdf (дата обращения : 19.10.2019).

REFERENCES

- Baranovskij V. G., Naumkin V. V.* «Mir very» versus «mir neverija»: mify i real'nye trendy // *Blizhnij Vostok v poiskah politicheskogo budushhego : kollektivnaja monografija / nauch. red. V. G. Baranovskij i V. V. Naumkin ; otv. red. A. V. Sarab'ev. M. : In-t vostokovedenija RAN, 2019. S. 69–100.*
- Demidov O.* Social'nye setevye servisy v kontekste mezhdunarodnoj i nacional'noj bezopasnosti // *Indeks bezopasnosti. 2013. № 1 (104). S. 65–86.*
- Zhizn' v «osypajushhemsja» mire : doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj», otjabr' 2018. URL: ru.valdaiclub.com/files/22596/ (data obrashhenija : 20.10.2019).*
- Zinov'eva E.* Cifrovaja diplomatija SShA: vozmozhnosti i ugrozy dlja mezhdunarodnoj bezopasnosti // *Indeks bezopasnosti. 2013. № 1 (104). S. 213–229.*
- Ivanov I. S.* «Mutnaja voda» kiberprostranstva // *RSMD. 29 janvarja 2018. URL: russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mutnaya-voda-kiberprostranstva (data obrashhenija : 19.10.2019).*
- MakKonnell B., Sharikov P., Smekalova M.* Predlozhenija po rossijsko-amerikan-skomu sotrudnichestvu v sfere kiberbezopasnosti. Analiticheskaja zapiska // *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. 2017. № 11. URL: russiancouncil.ru/papers/RIAC-EWI-Russia-US-Cybersecurity-Policy_brief11-ru.pdf (data obrashhenija : 19.10.2019).*
- Mamaev A. V.* Kiberhalifat: kakie prilozhenija ispol'zuet IG // *RSMD. 21 maja 2017. URL: russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kiberkhalifat-kakie-prilozhenija-ispolzuet-ig (data obrashhenija : 19.10.2019).*

- Mezhdunarodnaja informacionnaja bezopasnost' i global'noe upravlenie Internetom: vzgljad iz Zhenevy glazami rossijskih i mezhdunarodnyh jekspertov : materialy kruglogo stola // Indeks bezopasnosti. 2013. № 1 (104). S. 185–206.
- FSB RF: kiberprostranstvo dolzhno byt' pod kontrolem sluzhb dlja bor'by s terrorizmom // TASS. 18 oktjabrja 2018. URL: tass.ru/politika/5690058 (data obrashhenija : 16.10.2019).
- Jeker M.* Internet dlja dzhihadistov [ot organa propagandy k centru operativnogo upravlenija] // Rossiya v global'noj politike, 13 oktjabrja 2015. URL: www.globalaffairs.ru/number/Internet-dlya-dzhikhadistov-17741 (data obrashhenija : 19.10.2019).
- Emerging Terrorist Financing Risks. Financial Action Task Force (FATF) Report. Paris, 2015. URL: www.fatf-gafi.org/publications/methodsandtrends/documents/emerging-terrorist-financing-risks.html (data obrashhenija : 19.10.2019).
- European Union Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2015. European Police Office, 2015. Hague, 2015. URL: www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-2015 (data obrashhenija : 19.10.2019). DOI: 10.2813/648066.
- European Union Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2016. European Police Office, 2016. Hague, 2016. URL: www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-te-sat-2016 (data obrashhenija : 19.10.2019). DOI: 10.2813/525171.
- European Union Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2018. European Police Office, 2018. Hague, 2018. URL: www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-2018-tesat-2018 (data obrashhenija : 19.10.2019). DOI: 10.2813/00041.
- European Union Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2019. European Police Office, 2019. Hague, 2019. URL: www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/terrorism-situation-and-trend-report-2019-te-sat (data obrashhenija : 19.10.2019). DOI: 10.2813/788404.
- Evan T. [et al.].* Cyber Terrorism: Assessment of the Threat to Insurance. Centre for Risk Studies / T. Evan, E. Leverett, S. J. Ruffle, A. W Coburn., J. Bourdeau, R. Gunaratna, D. Ralph. University of Cambridge. 2017. URL: www.jbs.cam.ac.uk/fileadmin/user_upload/research/centres/risk/downloads/pool-re-cyber-terrorism.pdf (data obrashhenija : 19.10.2019).
- Internet Organised Crime Threat Assessment (IOCTA) 2017. European Police Office, 2017. URL: www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/internet-organised-crime-threat-assessment-iocta-2017 (data obrashhenija : 19.10.2019). DOI: 10.2813/55735.

- Kaspersky Security Bulletin*: 2017. Razvitie ugroz. URL: media.kasperskycontenthub.com/wp-content/uploads/sites/58/2018/03/09043350/KSB_Review-of-2017_final_RU.pdf (data obrashhenija : 19.10.2019).
- Knake R.* Internet Governance in an Age of Cyber Insecurity. N. Y. : Council on Foreign Relations, 2010.
- Liu E.* Al Qaeda Electronic: A Sleeping Dog? A Report by the Critical Threats Project of the American Enterprise Institute. December 2015. URL: www.criticalthreats.org/wp-content/uploads/2016/07/Al_Qaeda_Electronic-1.pdf (data obrashhenija : 19.10.2019).
- Robins-Early N.* How Telegram became the app of Choice for ISIS // World News. 24.05.2017. URL: www.huffpost.com/entry/isis-telegram-app_n_59259254e4b0ec129d3136d5 (data obrashhenija : 19.10.2019).
- Twitter and Jihad: The Communication Strategy of ISIS / ed. by Monica Maggioni and Paolo Magri. Milano, 2015. URL: www.ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/twitter_and_jihad_en.pdf (data obrashhenija : 19.10.2019).

УДК 94 (5)

Н. А. Жерлицына

кандидат исторических наук; старший научный сотрудник Института Африки РАН, доцент Российского университета дружбы народов; e-mail: ns_inafr@mail.ru

ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ ОСЛАБЛЕНИЯ АЛЖИРА В ПЕРИОД, ПРЕДШЕСТВОВАВШИЙ ФРАНЦУЗСКОМУ ЗАВОЕВАНИЮ В 1830 ГОДУ

В статье рассматриваются основные причины, приведшие к ослаблению Алжира перед лицом европейского колониализма в конце XVIII – начале XIX вв. Франция выдвинула в качестве предлога для вторжения в страну обвинение в пособничестве пиратству на Средиземном море, угрожавшему торговле европейских стран. В статье приводятся аргументы, опровергающие это утверждение французской колониальной историографии. Легкой мишенью для Франции Алжир стал вследствие некоторых особенностей экономического и политического развития, а также неблагоприятной внешней конъюнктуры.

Ключевые слова: Алжир; Франция; Османская империя; средиземноморская торговля; пиратство; колониализм.

N. A. Zherlitsina

PhD (History), Senior research fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, People's Friendship University of Russia (RUDN University);
e-mail: ns_inafr@mail.ru

INTERNAL AND EXTERNAL FACTORS OF ALGERIA'S WEAKENING IN THE PERIOD PRECEDING THE FRENCH CONQUEST IN 1830

The article discusses the main reasons that led to the weakening of Algeria in the face of European colonialism in the late XVIII – early XIX centuries. France put forward as a pretext for invading the country the accusation of aiding piracy in the Mediterranean sea, threatening the trade of European countries. The article presents arguments refuting this statement of French colonial historiography. Algeria has become an easy target for France due to some features of economic and political development, as well as unfavorable external conditions.

Key words: Algeria; France; Ottoman Empire; Mediterranean trade; piracy; colonialism.

Введение

Вопрос захвата Алжира Францией в 1830 г., его причины и цели – до сих пор является обсуждаемым и вызывающим споры. Поводом к захвату и пропагандистским его оформлением послужил инцидент 29 апреля 1827 г., когда дей Алжира Хусейн ударил веером французского консула П. Деваля. Этот инцидент произошел в контексте того, что принято называть «делом Бакри». Речь идет об алжирских поставках во Францию пшеницы в крупных объемах в годы Французской революции. Большая часть этих поставок осуществлялась в кредит, позднее было заключено соглашение о погашении долгов при посредстве алжирских коммерсантов еврейского происхождения Бакри и Буснаха. Это соглашение не устраивало дея, он считал, что Алжир недополучает несколько миллионов франков. Спор тянулся несколько лет. Провокационную роль в деле о долгах играл французский консул Деваль [Луцкий 1965, с. 148].

Обострение этого дела привело к знаменитому «удару веером», блокаде алжирских берегов французским флотом и высадке французских экспедиционных войск в Алжире в июне 1830 г.

Закат эпохи варварийского пиратства

Такова внешняя канва событий, а французская историография колониальной эпохи постаралась оправдать данный захват, рисуя мрачные картины османской эпохи Алжира, чтобы узаконить свое присутствие в этой стране. Был распространен ряд, мягко говоря, спорных идей, в том числе и следующую: Алжир был всего лишь логовом корсаров, живущих и обогащающихся прежде всего разграблением Европы. Однако если в XVI–XVII вв. алжирская корсарская деятельность процветала, то в XVIII в. она пришла в упадок. В XVI в. алжирские корсары были солдатами Османской империи в войне между турками и империей Габсбургов. Постепенно османская провинция Алжир приобрела фактическую автономию, а алжирский флот развил корсарскую деятельность, направленную уже не просто против Испании и ее союзников, а против всех европейских держав. Своего апогея развитие пиратства в Алжире достигает с 1580 по 1640 гг. Это эпоха обогащения Алжира, который из большого поселка на 20 тыс. жителей в начале XVI в. становится важным городом с населением до 80 тыс. человек [Spencer 1976, с. 116].

Примерно с 1640 по 1695 гг. деятельность алжирских корсаров постепенно ослабевает по довольно простой причине: Европа в состоянии нанести ответный удар, поскольку она вышла из периода религиозных войн и Тридцатилетней войны, которая длилась с 1618 по 1648 г. Этот период упадка пиратства ознаменовался бомбардировками Алжира флотом Людовика XIV в 1682, 1683 и 1688 гг. [Carette 1842, с. 82]. Дей Алжира Шаабан, правивший с 1689 по 1695 гг., понимает, что эпоха пиратства близка к закату и Алжир не может противостоять всем европейским державам, поэтому он укрепляет мир, подписав договоры с Англией в 1682 г. и Францией в 1689 г., т. е. с двумя крупнейшими державами того времени [Шеремет 1996, с. 145].

Примерно с 1695 и до 1725 г. Алжир переживает переходный этап, характеризующийся большой политической нестабильностью: десять деев сменяют друг друга в течение этого короткого периода, а шесть беев Константины сменяют друг друга в течение 6 лет, с 1707 по 1713 гг., из которых три только в 1710 г. Этот переход характеризуется также войнами против тунисских и марокканских соседей в 1694–1695, 1700–1701 и в 1705 гг. [Brockelmann 1952, с. 391]. Эти войны велись в значительной степени с хищнической целью найти новые источники дохода, чтобы компенсировать отсутствие прибыли от пиратства.

Земледелие и торговля – новый путь развития

Новый этап в истории страны наступает после 1725 г., когда Алжиру удалось найти новые пути развития и, соответственно, получения доходов, не связанных с пиратской деятельностью. Прибыль от экспорта пшеницы позволяет стране выйти на новый уровень развития. Беи Константины и Маскары при поддержке центральной власти стимулировали производство пшеницы на экспорт [Valensi 1969, с. 42]. К сожалению, до наших времен не дошло сведений об объемах производства пшеницы в Алжире в данный период.

В течение большей части XVIII в. корсарская деятельность, напротив, находится на самом низком уровне и служит лишь средством давления на малые европейские державы, чтобы получить от них дань за сохранность имущества и людей [Жерлицына 2006, с. 24]. Таким образом, она уже не является очень важным источником доходов и прибыли. Алжир заключил прочный мир с Францией и Англией в XVII в., договор с голландцами был подписан в 1726 г.

и со шведами в 1728 г. [Abun-Nasr 1975, с. 112]. Договоры с прочими странами будут подписаны в последующие десятилетия.

В атмосфере относительного мира, поскольку на море всегда могли возникать небольшие конфликты, алжирский хлебный экспорт быстро рос. Хотя в XVI–XVII вв. уже существовали экспортные компании, торгующие алжирской пшеницей, атмосфера враждебности, царившая между Алжиром и европейскими державами того времени, в частности Францией, значительно затрудняла торговлю.

В XVIII в. Франция через порт Марсель становится основным импортером алжирской пшеницы, а французские торговцы, проживающие в Алжире, получают роль основных посредников в международной торговле алжирской пшеницей. Между Алжиром и Францией возникла своего рода взаимозависимость. Франция была главным заказчиком Алжира, а Алжир стал главным поставщиком североафриканской пшеницы во Францию. Если в последних десятилетиях XVII в. и в первых десятилетиях XVIII в. Тунис был основным поставщиком во Францию североафриканской пшеницы, то Алжир занял первое место среди экспортеров в 1720-х гг. [Poncet 1961, с. 231]. В 1741 г., в результате закрытия французской компании на мысе Негрэ в Тунисе, Алжир становится почти эксклюзивным поставщиком Франции североафриканской пшеницы. С 1740-х по 1790-е гг. североафриканская пшеница, импортируемая в Марсель, поступает только из Алжира.

Начиная с 1720-х гг., благодаря государственной политике стимулирования производства пшеницы беями Константины и Маскары, предложение растет, как и спрос, подогреваемый демографическим ростом Европы. В этом отношении Франция была самой густонаселенной страной Европы с населением около 20 млн человек. Этот рост спроса на протяжении всего столетия вызвал рост цен, что было очень выгодно для поставщика.

Эти два фактора – увеличение спроса и предложения – приведут к тому, что экспорт алжирской пшеницы в Марсель достигнет своего пика в последней трети XVIII в., во время правления дэя Мухаммада ибн Утмана (1766–1791). Беём Константины в это время был Салах-бей (1771–1792), а бейликом Маскара управлял Мухаммад эль-Кебир (1779–1797).

С 1710 по 1830 г., т. е. за 120 лет, Алжир вывез в Марсель более 2 193 000 т пшеницы [Valensi 1969, с. 268]. Такому расцвету торговли

способствовал ряд факторов: рост спроса и предложения; обстановка относительного мира, царившая между Алжиром и большинством стран Европы со времени упадка алжирского пиратства; ослабление английского присутствия в Средиземноморье в соответствии с итогами Семилетней войны (1756–1768); русско-турецкая война 1768–1774, приостановившая поставки хлеба из южных регионов России. Кроме того, совершенствовалось и управление французской торговой компанией, осуществляющей экспорт пшеницы из Алжира – Королевской компанией Африки. Реформы 1767 г. позволили этой компании избежать неудач, характерных для деятельности подобных организаций в более ранние периоды. Этой коммерческой организации удалось наладить хорошие отношения с шейхом племени Улад Дхиб Абд Аллахом, игравшем важную посредническую роль в торговле французов с населением восточных областей Алжира.

Последняя треть XVIII в. в истории Алжира характеризуется высокой политической стабильностью, экономическим развитием, которое затронуло широкие слои населения, но принесло пользу главным образом правящему меньшинству, феодалам, таким как шейх Абд Аллах, и французским посредникам в этой международной торговле. Среди посредников на рынке доминировали монопольные компании, владеющие концессиями в Восточном Алжире. Особенно это касалось Королевской Африканской компании, действовавшей с 1741 по 1793 г. и имевшей непревзойденный успех в истории французских монопольных компаний [Monlau 1973, с. 169].

Этот успех был основан главным образом на перепродаже в Южную Европу пшеницы, купленной на концессиях в Восточном Алжире.

Соперничество во власти – начало дестабилизации

Парадоксальным образом именно этот торговый подъем Алжира в последней трети XVIII в. привел к ослаблению страны. Это ослабление сделало беззащитным Алжир перед аппетитами европейского империализма. В плане внутреннего развития рост экспорта пшеницы повлек обогащение ряда привилегированных алжирцев, что в конечном итоге дестабилизировало ситуацию из-за соперничества внутри власти. Одной из главных особенностей алжирского хлебного экспорта было участие высшего правящего класса в торговле, и эта деятельность привела к их значительному обогащению. Первоначально обогащение за счет экспорта пшеницы приносило большую

пользу восточным и западным бейликам, которые контролировали производственные площади и порты, из которых вывозилась пшеница. Особенно преуспел в этом бей Константины, возглавлявший богатейшую пшеницей провинцию Алжира. Дей Алжира ощущал угрозу в том, что провинциальные власти разбогатеют, в то время как центральная власть Алжира будет беднеть из-за упадка пиратства, деятельности, которая была первоначальной причиной его богатства. В этих условиях дей либо допускал развитие экспорта пшеницы с риском развития центробежных сил, либо пытался ограничить это развитие, рискуя на этот раз уменьшить взносы из провинций. До 1792 г. дей предпочитали поощрять развитие экспорта, чтобы обеспечить получение налогов, взимать пошлины на пшеницу, а также получать от бейликов довольно значительные суммы в обмен на их благосклонность. Но начиная с 1792 г. алжирские дей попытались перенаправить движение экспорта пшеницы через столицу, поставив деятельность восточных и западных бейликов под свой контроль. Резкий рост цен на экспортную пшеницу, вызванный, с одной стороны, началом войн Французской революции, а с другой – нормализацией алжирско-испанских отношений, начиная с 1786 г., был одной из главных причин изменения политики страны. Испания дорого платила за алжирскую пшеницу пиастрами, которые были самой востребованной валютой того времени. Другой не менее важной причиной было опасное усиление центробежной власти беев провинций, бея Константины, в частности, за счет доходов от экспорта пшеницы. Бей покупал свою пшеницу у производителя по относительно низкой цене и перепродавал ее подороже европейским посредникам, когда не посылал собственных посредников продавать пшеницу напрямую в Европу. Салах, бей Константины, олицетворял собой центробежную опасность для центральной власти, и это, скорее всего, стало главной причиной, по которой она была устранена деом Сиди Хасаном. Убийство бея Салаха в 1792 г. можно считать поворотным моментом в истории страны [Julien 1978, с. 389].

После убийства Салах-бея дей Сиди Хасан установил жесткий контроль за экспортом пшеницы как для собственной прибыли, так и в интересах торговцев, которых он защищал. Во время предыдущих царствований беи всегда умудрялись уклоняться от контроля дея, регулярно «даря» крупные подарки дею и высокопоставленным сановникам Алжира, но, учитывая степень обогащения Салах-Бея, такой способ действий уже не действовал со времен правления

Сиди Хасана. Мустафа-паша, преемник Сиди-Хасана, столь же твердо контролировал торговлю, и этот контроль всё сильнее ощущался восточными и западными бейликами, которые вскоре восстали. Действительно, захват торговли деями через посредство алжирских еврейских купцов возмутил беев, которые были разочарованы утратой существенной части своей прежней прибыли. Последние отреагировали еще большим давлением своих правителей, вызвав тем самым серьезные восстания, ответственность за которые они возложили на дею и евреев, которых последний защищал, а сами перешли на сторону восставших против правителя страны. В результате возник продовольственный кризис, а уровень экспорта пшеницы рухнул, к началу XIX в. так и не восстановив прежнего значения. Кроме того за последние тридцать лет существования на оттоманский Алжир обрушился целый ряд стихийных бедствий – эпидемии, засухи, нашествия саранчи [Leroy-Beaulieu 1887, с. 92].

Тем не менее очевидно, что именно восстания, потрясшие страну с начала XIX в., в значительной степени способствовали тому, что страна окончательно утратила стабильность. В частности, восстание племен Бел Харш, вспыхнувшее в Восточном Алжире в 1804 г. и распространившееся по всей территории [Laurie 2005, с. 148].

Таким образом, гонка за прибылью, которая способствовала успеху алжирской торговли пшеницей, в конечном итоге привела к краху этой же торговли и, что еще более важно, к ослаблению османской власти в Алжире, что стало прелюдией к краху этой же власти в 1830–1837 гг.

Внешние причины ослабления Алжира

Наряду с этими внутренними факторами, которые сыграли решающую роль, были и внешние причины краха торговли и ослабления страны. Самым важным был ожесточенный конфликт, который завязался между революционной Францией и Англией с 1792 г. Этот конфликт имел серьезные последствия для алжирской торговли, хотя в первую очередь он способствовал увеличению прибыли, получаемой за счет экспорта пшеницы при посредстве алжирских еврейских торговых домов. Развязывание войн Французской революцией вызвало глубокое потрясение системы торговли в Средиземноморье. Действительно, в отличие от предыдущих европейских войн, последствия войны, развязанной в 1792 г., были серьезны для морской

торговли Франции. Английское военно-морское превосходство и взятие Тулона привели к исчезновению французского военного флота из Средиземного моря летом 1793 г. В результате французская торговля сильно пострадала. В последствии алжирские евреи смогли заполнить пустоту, оставшуюся после ухода французской торговли, и сделать себя незаменимыми в качестве почти эксклюзивных поставщиков алжирской пшеницы в Европу, вытеснив всех своих потенциальных конкурентов. Уже упоминавшиеся купцы Бакри и Буснаха происходили из семей, обосновавшихся в Алжире в XVIII в., они были одними из тех сефардов, которые после изгнания обосновались в Ливорно в Италии, где их хорошо приняли [Jews and ... 2013, с. 21]. В отличие от андалузцев, поселившихся в Алжире с XV в., они были хорошо знакомы с современной деловой практикой, используемой в Европе и имели прочную сеть по всему европейскому континенту. Что касается мусульманских купцов, то они отдавали предпочтение торговым отношениям с Востоком. Но самое главное, правящее алжирское меньшинство никоим образом не намеревалось допустить развития мусульманской купеческой буржуазии, которая могла представлять собой политическую опасность, угрозу господству ополчения турецких янычар над страной. Евреи, религиозное меньшинство, по своему статусу зимми никак не представляло политической угрозы. Поскольку революционная Франция столкнулась с огромной потребностью в зерне, алжирские еврейские коммерсанты, хозяева рынка, воспользовались этим фактом, чтобы установить непомерно высокие цены. Это ускорило и усилило процесс обогащения привилегированных членов алжирского режима.

Острота конфликта между Францией и Англией привела к тому, что две великие державы того времени захватывали в заложники малые страны, включая Алжир. Чтобы удержать еврейских коммерсантов от торговли с врагами Франции, революционное правительство отложило возмещение крупных долгов, имеющих у алжирских еврейских купцов перед деєм Алжира за покупку алжирской пшеницы. Именно это и послужило причиной дела Бакри. Кроме того, английские корсары нападали на суда, перевозившие алжирские грузы, и можно сказать, что расширение континентальной блокады Наполеона и английской блокады отрезало Алжир от его традиционных торговых партнеров – Марселя, Ливорно и испанских портов после перемирия 1786 г. Английское господство в Средиземном море с 1805 г. после

Трафальгарской битвы привело к ужесточению французского отношения к Алжиру и обострению дела Багри. Расширение экспорта алжирской пшеницы в Испанию в целях компенсации почти исчезнувшего французского спроса оказалось недостаточным и во всех отношениях было серьезно подорвано внутренним кризисом, потрясшим Алжир с начала XIX в.

Заключение

Полное потрясение политического и торгового баланса в Средиземноморье с 1792 г. даже вызвало возрождение алжирского пиратства в 1793–1815 гг. Этот возврат был относительным и прибыль, полученная Алжиром в то время от пиратства, была несравнима с прибылью, получаемой в период расцвета. Новая попытка возродить пиратство в отсутствие экспорта пшеницы была пресечена бомбардировкой Алжира англо-голландским флотом Лорда Эксмута в 1816 г. Начиная с того же 1816 г. экспорт российского хлеба замещает алжирский, из-за того что Алжир оказался не в состоянии восстановить свой экспорт в результате серьезных внутренних трудностей [Гулишамбаров 1898, с. 271]. Правящее в Алжире османское меньшинство, не имеющее ресурсов и не имеющее сильной легитимности, в результате этого оказывается под серьезной угрозой в связи с внутренним противостоянием и империалистическим соперничеством Франции и Англии в Средиземноморье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гулишамбаров С. О. Всемирная торговля в XIX веке и участие в ней России. СПб., 1898. 230 с.
- Жерлицына Н. А., Сологубовский Н. А., Филатов С. В. Диалог цивилизаций. Очерки из истории российско-тунисских отношений в XVIII–XX веках. М. : ИСАА МГУ : Академия гуманитарных исследований, 2006. 93 с.
- Луцкий В. Б. Новая история арабских стран. М. : Наука, 1965. 372 с.
- Шеремет В. И. Война и бизнес. Власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в новое время. М. : Технологическая школа бизнеса, 1996. 712 с.
- Abun-Nasr J. M. A History of the Maghrib. Cambridge, 1975. 455 p.
- Brockelmann C. History of the Islamic Peoples. London, 1952. 582 p.
- Carette E. Etudes de l'Algérie et de la régence de Tunis. Paris, 1842. 367 p.
- Jews and French Colonialism in Algeria. L. : Taylor&Francis, 2013. 192 p.
- Julien Ch.-A. Histoire de l'Afrique du Nord. V. 2. Paris, 1978. 446 p.
- Laurie G. B. French conquest of Algeria. L. : Naval & Military Press Ltd, 2005. 217 p.

- Leroy-Beaulieu P.* L'Algérie et la Tunisie. Paris, 1887. 472 p.
Monlau J. Les étates barbaresques. Paris, 1973. 443 p.
Poncet J. La colonisation et l'agriculture européennes en Tunisie depuis 1881. Paris, 1961. 367 p.
Spencer W. Algiers in the Age of the Corsairs. Oklahoma, 1976. 200 p.
Valensi L. Le Maghreb avant la prise d'Alger. Paris, 1969. 140 p.

REFERENCES

- Gulishambarov S. O.* Vsemirnaja trgovlja v XIX veke i uchastie v nej Rossii. SPb., 1898. 230 s.
Zherlicyna N. A., Sologubovskij N. A., Filatov S. V. Dialog civilizacij. Oчерki iz istorii rossijsko-tunisskih otnoshenij v XVIII–XX vekah. M. : ISAA MGU : Akademija gumanitarnyh issledovanij, 2006. 93 s.
Luckij V. B. Novaja istorija arabskih stran. M. : Nauka, 1965. 372 c.
Sheremet V. I. Vojna i biznes. Vlast', den'gi i oruzhie. Evropa i Blizhnij Vostok v novoe vremja. M. : Tehnologicheskaja shkola biznesa, 1996. 712 s.
Abun-Nasr J. M. A History of the Maghrib. Cambridge, 1975. 455 p.
Brockelmann C. History of the Islamic Peoples. London, 1952. 582 p.
Carette E. Etudes de l'Algérie et de la régence de Tunis. Paris, 1842. 367 p.
Jews and French Colonialism in Algeria. L. : Taylor&Francis, 2013. 192 p.
Julien Ch.-A. Histoire de l'Afrique du Nord. V. 2. Paris, 1978. 446 p.
Laurie G. B. French conquest of Algeria. L. : Naval & Military Press Ltd, 2005. 217 p.
Leroy-Beaulieu P. L'Algérie et la Tunisie. Paris, 1887. 472 p.
Monlau J. Les étates barbaresques. Paris, 1973. 443 p.
Poncet J. La colonisation et l'agriculture européennes en Tunisie depuis 1881. Paris, 1961. 367 p.
Spencer W. Algiers in the Age of the Corsairs. Oklahoma, 1976. 200 p.
Valensi L. Le Maghreb avant la prise d'Alger. Paris, 1969. 140 p.

УДК 94

А. Я. Касюк

доктор исторических наук; профессор, директор Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: imoispn225@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ОПЕРАЦИИ СОЮЗНИКОВ СССР В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена вопросам организации и ведения информационных операций союзниками СССР во Второй мировой войне – Великобританией и Соединенными Штатами Америки как на Европейском, так и на Тихоокеанском театрах войны. В статье раскрывается вклад, который внесли англо-американские специалисты психологической войны в развитие теории информационного воздействия на личный состав войск и население противника.

Ключевые слова: информационные операции; информационное воздействие; психологическое воздействие; черная пропаганда; радиопропаганда; печатная пропаганда; листовки; военнопленные.

A. Y. Kasyuk

PhD, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of International Relations and Social-political Studies, Moscow State Linguistic University;
e-mail: imoispn225@mail.ru

INFORMATIONAL OPERATIONS OF THE USSR ALLIES IN WORLD WAR II

The article analyzes the issue of organizing and conducting informational operations by the USSR allies in World War II, namely, the United Kingdom and the USA in the European as well as in the Pacific war space. The author pays special attention to the contribution that British and American specialists in the sphere of psychological war brought in the development of theory of informational influence on the army personnel and the population of an enemy state.

Key words: informational operations; informational influence; psychological influence; obscene propaganda; radio propaganda; printed media propaganda; leaflets; military prisoners.

Введение

Вторая мировая война потребовала от участвующих в ней государств не только максимального напряжения всех имеющихся физических и материальных ресурсов, но одновременно явилась самым

серьезным испытанием духовных сил воюющих сторон. Период в два десятилетия, отделивший две мировые войны, дал невиданный скачок в формировании теории и практики оказания информационного воздействия на личный состав вооруженных сил и население противника. Технический прогресс и на его базе переоснащение средств массовой коммуникации позволило, используя печать, радио, устное вещание, оказывать существенное воздействие на моральный дух группировки войск противоборствующих сторон и значительной части населения, вовлекая таким образом в глобальное противостояние практически все элементы государственного механизма. Бомбардировщики, наряду с бомбами, часто на сотни километров за линию фронта доставляли тысячи листовок. Ставшее действительно средством массового воздействия радио посредством передач, преодолевая расстояния, проникало в самые отдаленные уголки вражеской территории; усиленный во сто крат звуковещательной станцией голос, обращенный к конкретному слушателю, вызвал к совести, угрожал карами, настойчиво советовал поступать так, а не иначе. Вся эта мощная лавина форм, методов, способов воздействия на ум и сознание, морально-политическое и психологическое состояние человека ежедневно обрушивалась на головы как непосредственно участвующих в боевых действиях солдат и офицеров, так и гражданского населения далеко за линией фронта.

Информационные операции Великобритании

Великобритания первая из западноевропейских стран принялась за восстановление ликвидированного после окончания Первой мировой войны аппарата пропаганды на войска и население противника. В соответствии с решениями правительства в конце 1937 г. эти обязанности были возложены на министерство информации, которому в эти целях вменялось тесное сотрудничество с целым рядом соответствующих секретных отделов и служб. В июле 1940 г. в соответствии с указаниями премьер-министра У. Черчила все эти секретные отделы и службы были объединены в единый отдел «Специальных операций». В конце 1941 г. подразделения министерства информации, ведавшие вопросами информационного воздействия на противника объединяются с отделом «Секретных операций» в единую структуру под названием «Исполнительный комитет политической войны» [Kirchner 1978].

Основными формами информационного воздействия на войска и население противника со стороны Великобритании в годы Второй мировой войны являлись радиопропаганда, а также печатная пропаганда, главным образом распространение листовок.

Особенно эффективными являлись передачи лондонского радио на зарубежную аудиторию. Уже в 1939 г. радиостанция Би-би-си имела достаточно обширную аудиторию слушателей в Германии. Именно поэтому имперская служба безопасности самым жестоким образом наказывала за прием передач лондонского радио. Кроме того, что предпринималось глушение передач на территориях, оккупированных немецкими войсками, радиоприемники у населения изымались [Bölcke 1977]. 7 сентября 1939 г. был опубликован указ, запрещающий под угрозой тюремного заключения «прослушивание радиопередач из-за границы» и предусматривающий «смертную казнь за распространение услышанных сообщений» (Reichsgesetzblatt 1, 1939, 7. Sept., с. 1689). За период с сентября 1939 г. до конца 1941 г. только в прессе было опубликовано 119 сообщений о процессах над нарушителями закона о прослушивании зарубежного радио (Völkischer Beobachter 1940, 4. Okt.). В действительности число осужденных было значительно больше. С сентября по декабрь 1939 г. за слушание иностранного радио было осуждено 1 100 человек и с января по июнь 1940 г. – 2 197 человек [Wittek 1962.]

В своих материалах немецкая служба Би-би-си уделяла основное внимание попыткам оказать непосредственное психологическое воздействие на поведение как населения, так и личного состава войск противника. Так, например, в целях оказания влияния на снижение боевой мощи немецких военно-воздушных сил радиостанция Би-би-си сообщала о якобы имевших место случаях дезертирства немецких летчиков со своими самолетами в Англию. В этих сообщениях фигурировали фамилии летчиков, сбитых во время воздушным налетом на Лондон. При этом расчет делался на то, что данная информация привлечет внимания гитлеровского командования и в первую очередь гестапо, спровоцирует организацию проверок и проведение чисток среди личного состава боевых частей и подразделений, посеет подозрительность и вызовет недоверие боевых летчиков друг к другу, и тем самым в конечном счете будет способствовать снижению морально-боевого духа и боеспособности авиационных частей и соединений [Schröder 1968, с. 36].

Великобритания приступила к распространению листовок над территорией Германии, начиная с первого дня войны. Аппарат информационных операций Великобритании ставил перед собой цель – дать каждой немецкой семье одну листовку в две недели. Но эта цель достигнута не была. За период с сентября 1939 г. по декабрь 1941 г. было издано и распространено 163 листовки общим тиражом 114 млн экземпляров (требовалось 896 млн экземпляров). По данным английской разведки, от 4 до 10 % листовок находили своим читателей. Кроме того, устно с содержанием каждой листовки знакомились еще примерно 200 человек [Kirchner 1978, с. VIII].

С точки зрения содержания английские листовки опирались в первую очередь на деловую информацию, избегая нападок на личность Гитлера, так как знали, что он пользуется поддержкой большинства населения Германии. По данным исследования, проведенного офицером цензуры Вермахта в конце 1939 г., Гитлера поддерживало 99,5 % населения, идею Великой Германии – 85 % и только 15–20 % – нацистскую партию [Bölcke 1966, с. 124]. Именно поэтому критике подвергалась нацистская партия.

Наряду с открытой пропагандой англичане широко использовали маскировочную (черную) пропаганду. Одним из наиболее успешных английских пропагандистов периода Второй мировой войны С. Дельмер следующим образом обосновал необходимость ведения черной пропаганды: «...для введения в заблуждение необходимо было новое оружие психологической войны <...>. По аналогии с терминами черная магия, черная месса или черный рынок мои друзья и я назвали новый метод ведения психологической войны черной пропагандой»¹ [Delmer 1963, с. 445]. В соответствии с этим и листовки, в зависимости от степени скрытия издателя, официально стали подразделяться на черные, серые и белые. К черной пропаганде относилось, например, распространение фальшивых денег, продовольственных карточек, талонов на одежду и т. п. Печатные материалы черной пропаганды распространялась как правило не при помощи самолетов, а через подпольные организации или воздушными шарами.

Проведение информационных операций на войска и население противника рассматривалось со стороны ее организаторов в качестве государственной тайны. Они проводились специальным аппаратом,

¹ Зд. и далее перевод наш. – А. К.

не занимающимся вопросами индоктринации населения собственной страны. Поэтому предназначенные для распространения над территорией Германии листовки в Великобритании имели гриф «секретно» [Nicolson 1969, с. 348]. Для распространения листовок Великобритания использовала воздушные шары и самолеты. В зависимости от модификации самолет мог транспортировать от 648 тыс. до 1728 тыс. листовок [Kirchner 1978].

Особенности информационных операций США на различных театрах Второй мировой войны

Соединенные Штаты Америки приступили к воссозданию аппарата информационного воздействия на войска и население противника в январе 1941 г., когда президент Рузвельт сформировал орган под внешне невинным названием «Бюро по координации коммерческих и культурных связей между американскими республиками». Летом 1941 г. этот орган был реорганизован в «Бюро военной информации», где работали опытные журналисты, психологи и специалисты по рекламе [Hawkins, Petee 1943]. В задачу этого бюро входила координация всей стратегической информации и ведение пропаганды на другие страны. По словам автора книги, неписанный договор Дж. Варбурга, бюро разделялось на две службы: 1) исследовательско-аналитическую и 2) заграничной информации.

В 1942 г. США разворачивают отделения психологической войны для ведения оперативной пропаганды на противника на всех театрах войны. Эти отделения входили в систему Бюро военной информации, получали от него директивы при непосредственном руководстве соответствующего штаба фронта или армии. Обычно эти отделения располагали собственной радиостанцией и типографской базой. В распоряжении отделений имелись подвижные «боевые группы» численностью до 10 человек. Распространение листовок осуществлялось главным образом средствами авиации и частично артиллерией.

На первом этапе войны, как показала практика, американская пропаганда была не в состоянии оказать ощутимого влияния как на сам ход боевых действий, так и на моральное состояние войск противника [Elmer 1946]. Среди многих причин неуспеха американских военно-пропагандистских органов в этот период является неверие значительного количества командиров в возможности информационно-пропагандистского воздействия. Это неверие нашло свое выражение

как в прямых отказах летчиков распространять листовки, так и в высокомерных заявлениях командующих, мнение которых однозначно выразил фельдмаршал Монтгомери: «Я не потерплю пропагандистских фургонов у себя на поле боя» [Painton 1943, с. 99].

Второй причиной явился низкий уровень ведения пропаганды в целом: бледные, неинтересные и непривлекательные листовки, психологически неверные и практически бесполезные призывы к действию, которые выходили за пределы физических возможностей солдата, что в значительной степени обуславливалось отсутствием квалифицированных, опытных кадров в области оказания информационного воздействия на противника.

Определенные изменения в отношениях командования к организации и ведению информационных операций произошли в мае 1943 г. в период кампании по взятию Туниса. К этому времени экспедиционный корпус союзников в Северной Африке имел в своем составе подразделения информационных операций, насчитывающие 4 600 человек. Этими подразделениями было подготовлено и распространено 9,5 млн экземпляров листовок, что в значительной мере способствовало деморализации группировки войск под командованием генерала фон Арнима [Pollard 1943]. Непосредственно перед сдачей Туниса за листовку-пропуск, распространяемую пропагандистскими подразделениями союзников, итальянские солдаты были готовы платить 600 франков. Весной 1945 г., как утверждают американские историки пропаганды, котировка черного рынка на листовки-пропуска у немецких солдат в Европе дошла до 100 марок за штуку (*Public Opinion Quartely 1945, Nr. 3, с. 290*).

Ко времени высадки в Сицилии военно-пропагандистские органы союзников, базируясь на свои типографии в Алжире (а позже в Неаполе) довольно оперативно могли реагировать на все изменения обстановки на фронте и помогать своим войскам выполнять боевые задачи. Об успехе применения листовок во время кампании в Сицилии свидетельствует Фредерик Пейнтон, который также отмечает рост тиражей и качественное улучшение листовок (*Readers Digest 1943, Nr. 260, с. 99*). В последние месяцы Итальянской кампании тиражи листовок, распространявшихся среди немецких войск, возросли до 200 млн экземпляров ежемесячно (*Readers Digest 1943, Nr. 260, с. 291*).

Но и после столь очевидных успехов, на практике доказавших возможности информационного воздействия на войска противника,

ведущего несправедливую войну, отдельные рецидивы скептицизма со стороны англо-американского военного руководства по-прежнему мешали в развертывании активной работы по разложению немецкой армии. Основания для этого давали сами пропагандисты, в деятельности которых были и очень серьезные провалы. В январе 1944 г. по отделам и управлениям штаба войск союзников в Европе, третий год размышлявшего над планами вторжения на континент, был пущен совершенно беспрецедентный «антипропагандистский» документ, задачей которого было подорвать доверие штаба к своим собственным пропагандистам и лишить их ранее ассигнованных средств. В документе утверждалось:

На заключение. По принципиально важному вопросу касающемуся методов ведения войны. Командование армии считает, что необходимо убивать солдат противника, а не спорить с ними и не уговаривать выйти из войны. Любые мероприятия, направленные на поощрение наших войск служить делу пропагандистского воздействия на противника вредны, так как косвенно подрывают их боевой дух. Командованию следует издать приказ, вполне определенно запрещающий предпринимать любые попытки или даже обсуждать предложения по этому вопросу. Я вполне согласен с этим выводом и присоединяюсь к нему. Бумагой немцев не убить. Надеюсь, что сама идея будет прикончена. Однако, учитывая ее живучесть, существующая организация может быть сохранена с тем, чтобы после войны превратить ее в рекламное агентство [Lerner 1949].

Хотя этот документ и не смог «разложить» свое собственное командование настолько, что оно запретило бы совсем ведение пропаганды на противника, его циркуляция по служебным инстанциям штаба привела к положению, при котором стали возможны резко отрицательные высказывания высокопоставленных военных руководителей по поводу целесообразности дальнейшего оказания информационного воздействия на личный состав войск противника.

Опыт американских пропагандистов на Дальнем Востоке оказался на первых порах еще более неудачным, чем в Европе. Деятельность пропагандистских органов США против Вооруженных Сил Японии может быть разделена на два качественно различных этапа, разделенных взятием острова Окинава. До Окинавы, сыгравшей роль своеобразного полигона для оружия пропагандистов, все их усилия в значительной степени были бесплодными. К числу причин, объясняющих это положение, американские исследователи относят, прежде

всего, успехи японской армии и флота на Тихом океане, незнание пропагандистами местных диалектов и почти поголовную неграмотность населения островов Океании, занятых японскими гарнизонами. Часть усилий пропагандистов разбивалась, как и на Европейском театре войны, о скептицизм своего собственного командования. По признанию Э.Л.Джоунза, от Гвадалканала до Иводжима военно-пропагандистские органы ничем не смогли быть полезными своим войскам [Jones 1945].

Во время взятия Окинавы был проведен эксперимент по применению накопленного в Европе опыта в иных условиях. Прежде всего было осуществлено резкое увеличение тиражей листовок, пересмотрена аргументация и улучшены тексты. За короткий период, предшествовавший высадке и в ходе боев, американские пропагандисты издали и распространили около 6 млн экземпляров листовок 25 различных наименований к личному составу войск и местному населению. В результате эксперимента было опровергнуто распространенное в американской армии мнение о том, что японские солдаты не сдаются в плен и не реагируют на призывы к сдаче (на Окинаве 40 % пленных сдались с листовками-пропусками). Солдат императорской армии не представлял особого отличия от немецкого или итальянского солдата. Он реагировал примерно так же на все апробированные практикой темы листовок, кроме двух: сексуальной и темы обогащения других «в то время как он, солдат, рискует жизнью и делает черную работу войны». Довольно затасканный пропагандистский сюжет неверности жены или возлюбленной, ее измена с героями тыла полностью разбивался о твердую уверенность японского солдата в преданности его жены и незыблемости семейных устоев. Вторая тема оказалась неэффективной, так как ей сильно противодействовала созданная идеологической обработкой вера японского солдата в непогрешимое провидение императора, знающего, где кому быть на войне.

Заслуживает внимания и такой пропагандистский прием американцев в их стремлении склонить японцев к переходу в плен. В листовках не упоминается сам термин «военнопленный» и «плен». Военнопленные, находящиеся в лагерях, именуются людьми, «которые в силу определенных обстоятельств не в состоянии в настоящее время оказать какие-либо услуги своей стране». Решение этих людей сдаться в плен квалифицируется как решение жить и трудиться на благо своей родины после войны, указывается, что эти люди

«перешли к нам, чтобы избежать бесцельной смерти», и что они укрепляют свой дух и тело для будущих трудов на благо Японии. Эта аргументация умело учитывала психологию японцев, которым с детских лет внушалась мысль о позоре плена, о невозможности для военнопленного вернуться на родину, в семью, о вечном проклятии ему со стороны народа и близких. Японскому солдату подсказывался аргумент в оправдание его попадания в плен; аргумент, придающий сдаче в плен патриотический смысл. Эту аргументацию усиливало приводимое в начале одной из листовок приветствие военнопленным от имени членов палаты пэров Арита и Маруяма. Солдатам внушалась мысль, что раз пленных приветствуют такие почтенные люди, значит, плен не позор, и пленные не потерянные и презируемые люди.

Следует отметить, что в период войны с Японией в американском пропагандистском аппарате было довольно хорошо поставлено изучение быта, фольклора, национальной культуры, истории и современного положения Японии. Кроме того, американцы широко использовали в своей информационно-пропагандистской работе японцев, постоянно проживающих в США и имеющих американское гражданство.

С неменьшими трудностями американцам пришлось столкнуться при ведении пропаганды на население Германии и личный состав Вермахта. Геббельсовская пропаганда, а также террор по отношению к инакомыслящим привели к тому, что у большинства населения Германии сформировалось резко отрицательное не только рациональное, но и эмоциональное отношение как к Советскому Союзу, так и к Великобритании, Франции и США. И поэтому задача состояла в том, чтобы разрушить эту эмоционально окрашенную отрицательную позицию. На это во многом и направлял свои усилия военно-пропагандистский аппарат союзников. Так, например, Великобритания и США при помощи листовок иногда предупреждали население некоторых немецких городов о планируемых налетах союзной авиации, заявлял при этом: «С немецким народом мы не воюем» [Schröder 1968, с. 21–22]. Основная цель предпринимаемых подобных акций заключалась в демонстрации военного превосходства союзников над Германией, но одновременно, как считали специалисты по информационным операциям, решались вопросы завоевания доверия к англо-американской пропаганде, а также одновременно «закладывался камень» в «фундамент» будущих послевоенных отношений.

В целом, союзники уделяли значительное внимание оказанию влияния на население Германии, ведению среди него консолидирующей пропаганды. Этому вопросу была посвящена оперативная Директива № 8 Верховного Главнокомандования союзных экспедиционных войск от 11 марта 1944 г. [Lerner 1949]. В Директиве содержалось требование тесно координировать использование сухопутных войск с информационно-психологическим воздействием на противника. Директива возлагала ответственность за организацию, контроль, координацию действий и выбор методов ведения информационных операций на командование соединений союзного экспедиционного корпуса. В штабе Верховного Главнокомандования союзных войск для руководства этой деятельностью был создан специальный отдел – отдел психологической войны. Ему подчинялись четыре радиороты, действующие в полосе 6-й и 12-й американских армейских групп 7-й полевой армии. Директива № 8 определяла, что ведение тактической психологической войны и консолидирующей пропаганды находится в ведении отдела психологической войны, в то время как проблемами стратегической пропаганды ведают национальные органы психологической войны.

Оценивая противника, в качестве сильных сторон морально-политического состояния немецких войск и факторов, затрудняющих ведение информационных операций, в директиве указывалась:

- укрепившаяся в ходе ведения оборонительных боев привычка повиновения младших старшим;
- усилившееся ввиду создания сильного унтер-офицерского корпуса чувство войскового товарищества между рядовым составом и младшими командирами;
- гордость успехами вермахта, достойным положением солдата в обществе, верность военным традициям;
- страх перед возмездием;
- убежденность, что спасение Германии путем заключения компромисса о мире возможно только путем достижения победы на Западе.

В Директиве излагались основные принципы информационного воздействия на личный состав войск и население противника. На первом этапе после высадки не рекомендовалось призывать немецкие части к капитуляции, а немецких солдат – к дезертирству. Перед подразделениями психологической войны ставилась главная задача усилить

чувство неуверенности у военнослужащих Вермахта путем убеждения в нерушимости союза западных держав с СССР, укрепления веры в хорошее обращение в плену, показа растущего превосходства союзных армий и всё большей изоляции Германии. Прямые призывы к сдаче в плен рекомендовалось предъявлять войскам только в том случае, если они попадали в безысходное с военной точки зрения положение, при этом следовало признавать мужество и отвагу личного состава противника в предыдущих боях. В Директиве подчеркивалась, что действия аппарата психологической войны не смогут быть эффективными, если они:

- по своей форме и содержанию не будут позитивнее и авторитетнее приказов немецкого командования;
- будут опираться только на индивидуальную психологию солдата, без учета того факта, что дезертир своим поступком предаёт своих товарищей по подразделению.

Развитие теории информационных операций англо-американскими союзниками СССР в годы Второй мировой войны

Вторая мировая война обогатила теорию информационных операций новыми положениями. По мнению англо-американских специалистов, одной из самых сложных задач информационного воздействия на противника является пропаганда плена, поскольку призыв к индивидуальному выходу из войны не может найти одинакового отклика в столь разнородном человеческом коллективе, каким является не только армия противника, но и любое, даже самое мелкое подразделение. Однако, как показал опыт Второй мировой войны, есть некоторые общие закономерности восприятия информационно-пропагандистских материалов, посвященных этому вопросу. Одна из них сводится к тому, что прямой призыв к сдаче в плен в большинстве случаев вызывает протест у солдат по ассоциации акта сдачи с предательством, нарушением присяги. Указание же на возможность быть захваченным в плен (а не сдаться добровольно) в обстановке, когда нет другого выхода, как правило, протеста не вызывает.

Главным побудительным мотивом к тому, чтобы дать захватить себя в плен для солдата немецкой армии, по единодушному мнению англо-американских пропагандистов, было убеждение в том, что его (солдата) положение совершенно безнадежно. Поэтому наилучшим решением вопроса был информационно-пропагандистский документ,

обрисовывающий создавшееся положение как безнадежное, т. е. обстановку, единственным выходом из которой был плен.

Другими, не менее важными, для немецкого солдата побудительными мотивами, для «пассивной сдачи в плен были уверенность в хорошем обращении и возможность вернуться домой после войны» [Hers 1958].

Так, в годы Второй мировой войны родилась весьма действенная линия пропаганды на так называемую пассивную сдачу в плен, которая на практике стала наиболее эффективным способом разрушения военной организации противника небоевыми средствами и приводила к ощутимым сокращениям его возможностей продолжать войну.

Направление англо-американской пропаганды на пассивную сдачу в плен становится более понятным из классификации типов пропаганды по сопутствующим обстоятельствам и психическому состоянию солдата в период времени, непосредственно предшествовавший пленению. По классификации, предложенной Э.Шилвом и М. Яновицом на основе анализа обстоятельств пленения немецких солдат западными союзниками, разрушения военной организации противника через пленение может происходить следующим образом [Shils, Janowitz 1948]:

1) преднамеренный переход на сторону противника, при котором могут различаться случаи:

- а) индивидуального перехода: после обсуждения с товарищами по подразделению; без всякого обсуждения с кем-либо;
- б) группового перехода;

2) активная сдача в плен на основе принятого решения, но осуществляемая только по мере подхода противника (активность проявляется в виде действий, облегчающих противнику пленение, т. е. высылкой парламентариев, привлечением внимания противника, подачей сигналов и т. д.). При осуществлении этого процесса могут различаться более частные случаи:

- а) индивидуальной сдачи в плен;
- б) групповой сдачи в плен, осуществляемой: по соглашению, достигнутому участниками; по приказу или с одобрения командира;
- в) групповой, но неорганизованной сдачи.

3) пассивная сдача в плен, при осуществлении которой могут различаться более частные, но весьма характерные случаи:

- а) индивидуальной сдачи в плен: при полном отсутствии сопротивления со стороны солдата, который пассивностью создает возможность для пленения, но без каких-либо шагов с целью облегчить или затруднить противнику пленение; при показном сопротивлении со стороны солдата, который позволяет взять себя в плен, предприняв, шаги, якобы затрудняющие противнику пленение с целью сохранить чувство выполненного до конца долга;
- б) групповой, но неорганизованной сдачи;
- 4) невольное пленение при добросовестном выполнении солдатом своих боевых обязанностей и всех приказов; командиров, но в обстоятельствах, когда дальнейшее сопротивление противнику становится невозможным в силу его численного или материального превосходства.

Преднамеренный переход на сторону противника включает в себя, по определению авторов данной классификации, сознательные действия солдат, направленные на то, чтобы покинуть, нарушить присягу, свою часть и отдаться в руки противника, совершив деяние сурово наказуемое по законам его страны. Сознательное отставание от части при отходе, «нечаянное» попадание в район, занятый противником, «потеря» группы своих солдат на разведке – всё это может быть включено в понятие «преднамеренный переход», если в них наличествует элемент сознательного действия.

Активная сдача в плен (в особенности групповая) по данной классификации отличается от преднамеренного перехода на сторону противника тем, что в ней отсутствует признак пересечения линии фронта сдающимися как самостоятельное, предпринятое ими действие, но наличествует общий признак самостоятельных действий, направленных на то, чтобы избежать дальнейшего участия в войне на стороне своих войск. При пассивной сдаче в плен намерение солдата прекратить дальнейшее участие в боевых действиях не всегда осознается им самим до конца. Солдат, пассивно сдавшийся в плен, мог быть в момент пленения напуган, оказаться изолированным от своего подразделения, быть в состоянии апатии, он мог и не думать о возможности пленения до тех пор, пока не появились реальные возможности быть плененным. Пассивная сдача в плен наиболее частым явлением была в тех случаях, когда отдельные солдаты (или мелкие группы солдат), напуганные боем с численно и материально превосходящим

противником оказывались изолированными в стрелковых ячейках, подвалах зданий или в сельских строениях и не предпринимали никаких действий, чтобы избежать пленения и присоединиться к своему подразделению.

Пропаганду такой пассивной сдачи в плен в виде инструкций к практическому действию в случае возникновения безнадёжной обстановки англо-американские органы психологической войны сделали основой своей деятельности в деле воинского разложения немецко-фашистской и японской армий. Кроме того, в несколько меньших масштабах, велась пропаганда преднамеренного перехода на сторону противника в индивидуальном порядке.

Как показали итоги обобщения допросов солдат немецко-фашистской армии, случаи преднамеренного перехода на сторону противника, участвовавшие к концу войны, совершались часто после предварительного обсуждения этого акта с весьма ограниченным числом наиболее доверенных товарищей по отделению или взводу и получения с их стороны моральной поддержки и признания разумности подобного шага. А внешний импульс для такого обсуждения давали листовки с изложением данных о продовольствии, получаемом военнопленным, с описанием его прав и юридических гарантий по сохранению этих прав и т. д. [Lerner 1949, с. 186–187].

Определенный успех имели информационно-пропагандистские материалы, приводившие доводы рациональности перехода на сторону противника во имя сохранения жизни для семьи, для продолжения рода, которые в кратком виде можно было сформулировать в виде лозунга: «Лучше быть свободным, чем пленным, но лучше пленным, чем мертвым». Обсуждение материалов подобного типа, особенно близко принимавшихся к сердцу солдатами пожилого возраста, приводила к тому, что эта категория солдат, получив моральную поддержку от товарищей в своем устремлении сохранить себя для выполнения семейных обязанностей, составила весьма многочисленную группу добровольно перешедших на сторону противника.

Практика пропаганды плена, осуществлявшаяся органами психологической войны союзников, показала, что могут быть случаи, когда наиболее целесообразным является распространение одной и той же листовки, ставшей хорошо знакомой большому числу солдат противника. Именно так произошло с листовкой, известной в специальной литературе под названием «SAFE CONDUCT» [Kirchner 1978, Bd. 7,

с. 60, 148, 152, 168]. Первое издание этой листовки-пропуска, выпущенное в начальный период высадки войск союзников в Нормандии, сохранило свои основные текстовые и графические особенности во всех последующих многочисленных переизданиях. Незначительные композиционные и оформительские изменения, вносившиеся на протяжении 10 месяцев по мере накопления данных о реакции немецких солдат на эту листовку, не исказили ее настолько, чтобы она воспринималась как совершенно новый и незнакомый документ. Именно документ, ибо на листовке указывалась фамилия и должность главнокомандующего союзников и ее текст скреплялся факсимиле генерала Эйзенхауэра [Margolin 1946].

Таблица

**Показатели запоминаемости тем
англо-американской пропаганды на немецкие войска¹ (в %)**

№ п/п	Период времени	15–31. 12.1944	1–15.1. 1945	15–31.1. 1945	1–15.2. 1945
	Число опрошенных военнопленных	60	83	90	185
1.	Обещание хорошего обращения с пленными и призыв сохранить жизнь через сдачу в плен	63	65	59	76
2.	Информация о положении на фронтах	15	17	19	30
3.	Безнадежность стратегического положения Германии	13	12	25	26
4.	Безнадежность положения части или подразделения, сложившегося в результате тактической обстановки	3	1	7	7
5.	Политическая дискредитация руководителей государства и нацистской партии	7	5	4	8
6.	Бомбардировка немецких городов	2	8	6	—
7.	Информация о военной администрации союзников	7	3	—	—
8.	Обращение к гражданскому населению	5	4	2	—

¹ ГАРФ, Ф. 7021, Оп. 148, Д. 72, Л. 26.

К концу войны уверенность солдат немецкой армии в том, что «SAFE CONDUCT» дает гарантию безопасного и более или менее сносного пребывания в плену, укрепилась настолько, что 77% сдавшихся западным союзникам имели при себе листовки-пропуска [Lerner 1949, с. 213].

Эта листовка, выдержавшая наибольшее число изданий и печатавшаяся рекордными тиражами, распространялась постоянно на всем протяжении боевых действий, вне зависимости от конкретной обстановки, складывающейся на фронте. В этом факте отразилось теоретическое положение, усвоенное американскими пропагандистами в ходе Второй мировой войны и заключавшееся в том, что листовки-пропуска необходимо распространять даже в тех случаях, когда известно, что солдаты противника не собираются сдаваться, а условия для пропаганды плена не вполне благоприятны [Doob 1948].

За годы Второй мировой войны англо-американскими союзниками СССР был разработан целый ряд новых теоретических положений оказания информационного воздействия на противника.

Движущей силой информационного воздействия является доверие. Без создания доверия у аудитории информационное воздействие не может быть эффективным. Совершенно бесполезно распространять материалы, которые не дойдут до сознания личного состава войск и населения противника. Чем скромнее утверждение, тем больше шансов, что оно вызовет доверие к себе. Доля правды, в которую поверил противник, лучше всей правды, в которую он не верит.

Применение угроз в пропаганде на противника может оказаться действенным только на личный состав, подготовленный к их восприятию предыдущим информационным и психологическим воздействием и только в том случае, когда они подкрепляются боевым воздействием.

Угрозы без их осуществления так же, как и обещания без их выполнения не только бесполезны, но и в большинстве своем вредны.

Добровольная сдача в плен это шаг, требующий от солдата большой решимости. Главными побудительными мотивами к сдаче в плен является убеждение военнослужащего в том, что его положение безнадежное, твердая уверенность в хорошем обращении в плену, а также возможность вернуться домой сразу после войны.

Пропаганда сохранения жизни ради чувственных наслаждений не может найти отклика в солдатской массе. Во внутренней борьбе

между сексуальными чувствами, возбуждаемыми листовками, и принесенным воспитанием чувствами воинского долга, войскового товарищества и патриотизма последние, как правило, берут верх.

Заключение

Информационное воздействие на личный состав войск и население противника является самым дешевым средством оказания влияния на него. Так, за период Второй мировой войны с территории Великобритании над странами Западной Европой было распространено 6,5 млрд листовок на 29 языках [Kirchner 1974]. Общая численность населения стран Западной Европы составляла в то время около 200 млн человек, т. е. в среднем по 32,5 листовки на человека. Стоимость издания одной листовки в пересчете на германские рейхсмарки составляла в среднем 0,0025 RM. Если же учесть расходы на управленческий аппарат, подготовку макетов листовок творческим составом, распространение листовок, то они составили примерно одну рейхсмарку за 5 лет войны в пересчете на одного жителя, что не идет ни в какое сравнение с общими военными затратами на войну [Kirchner 1978, Bd. 7, с. 209].

За годы Второй мировой резко увеличились масштабы информационного воздействия на противника. Если в годы Первой мировой войны к весне 1918 г. число экземпляров листовок, распространенных британскими пропагандистскими органами на территории Германии и среди немецких войск достигло общей цифры в 1 млн экземпляров в месяц, то в 1944 г. средняя цифра ежемесячно сбрасываемых листовок составила 73,5 млн экземпляров [Стюарт 1928; Peel 1944]. Только по приказу генерала Эйзенхауэра на Европейском театре войны было распространено 8 млрд листовок [Schröder 1968, с. 150]. Таким образом, информационные операции, проводимые англо-американским командованием, стали составной частью стратегии Верховного командования союзников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Стюарт К. Тайны дома Крю. М. ; Л., 1928. С. 57.
Bölcke W. Die Macht des Radios. Weltpolitik und Auslandsrundfunk 1924–1976. Frankfurt, 1977. S. 124.
Bölcke W. Kriegspropaganda 1939–1941. Geheime Ministerkonferenzen im Reichspropagandaministerium. Stuttgart, 1966. S. 219.

- Delmer S.* Die Deutschen und ich. Hamburg, 1963. S. 445.
- Doob L. W.* Public Opinion and Propaganda. New York, 1948. P. 339.
- Elmer D.* OWI. Have a Job! // Public Opinion Quarterly. 1946. Nr. 1. P. 116–123.
- Hawkins L. C., Petee G. S.* OWI-Organisation and Problems // Public Opinion Quarterly. 1943. Nr. 1. P. 34–47.
- Hers M.* Mechanics of Surrender, Capture and Desertion // W. Daugherty, M. Janowitz. A Psychological Warfare. Baltimore, 1958. P. 394.
- Jones E. I.* Fighting with Words Psychological Warfare in the Pacific // Atlantic Monthly. 1945. Nr. 2. P. 48.
- Keine Milde für Rundfunkverbrecher. Wer ausländische Sender ahort, ist reif für das Zuchthaus // Völkischer Beobachter. 1940. 4. Okt.
- Kirchner K.* Flugblätter. Psychologische Kriegsführung im Zweiten Weltkrieg in Europa. München, 1974. S. 208.
- Kirchner K.* Flugblattpropaganda im 2. Weltkrieg. Flugblätter aus England. 1939/40/41. Erlangen, 1978. Bd. 1. S. XVI–XVII.
- Lerner D.* Psychwar: Psychological Warfare against Germany. New York, 1949. P. XVI.
- Margolin L.* Paper Bullets. New York, 1946. P. 50.
- Nicolson H.* Tagebuch und Briefe. Frankfurt, 1969. S. 348.
- Painton F. C.* Fighting with “confetti” // Readers Digest. 1943. Nr. 260. P. 99.
- Peel G.* The Science of Propaganda // Contemporary Review. November. 1944. Nr. 947. P. 271.
- Pollard J. A.* Words are Cheaper than Blood // Public Opinion Quarterly. 1943. Nr. 3. P. 288.
- Schröder K. O.* Die Propaganda der UdSSR, Grossbritanniens und der USA während des Zweiten Weltkrieges in Deutschland und an den deutschen Fronten. Halle, 1968. S. 36.
- Shils E., Janowitz M.* Censorship and Disintegration in Wehrmacht in World War II // Public Opinion Quarterly. 1948. Nr. 2. P. 282.
- Standig Directive for Psychological Warfare against Members of the German Armed Forces // Lerner O. Psychwar: Psychological Warfare against Germany. New York. 1949. P. 403–412.
- Wittek B.* Die britische Aetherkrieg gegen Dritte Reich. Die deutschsprachigen Kriegssendungen der British Broadcasting Corporation. Münster. 1962. S. 441.

REFERENCES

- Stjuart K.* Tajny doma Krju. M. ; L., 1928. S. 57.
- Bölcke W.* Die Macht des Radios. Weltpolitik und Auslandsrundfunk 1924–1976. Frankfurt, 1977. S. 124.

- Bölcke W.* Kriegspropaganda 1939–1941. Geheime Ministerkonferenzen im Reichspropagandaministerium. Stuttgart, 1966. S. 219.
- Delmer S.* Die Deutschen und ich. Hamburg, 1963. S. 445.
- Doob L. W.* Public Opinion and Propaganda. New York, 1948. P. 339.
- Elmer D.* OWI. Have a Job! // Public Opinion Quarterly. 1946. Nr. 1. P. 116–123.
- Hawkins L. C., Petee G. S.* OWI-Organisation and Problems // Public Opinion Quarterly. 1943. Nr. 1. P. 34–47.
- Hers M.* Mechanics of Surrender, Capture and Desertion // W. Daugherty, M. Janowitz. A Psychological Warfare. Baltimore, 1958. P. 394.
- Jones E. I.* Fighting with Words Psychological Warfare in the Pacific // Atlantic Monthly. 1945. Nr. 2. P. 48.
- Keine Milde für Rundfunkverbrecher. Wer ausländische Sender ahort, ist reif für das Zuchthaus // Völkischer Beobachter. 1940. 4. Okt.
- Kirchner K.* Flugblätter. Psychologische Kriegführung im Zweiten Weltkrieg in Europa. München, 1974. S. 208.
- Kirchner K.* Flugblattpropaganda im 2. Weltkrieg. Flugblätter aus England. 1939/40/41. Erlangen, 1978. Bd. 1. S. XVI–XVII.
- Lerner D.* Psychwar: Psychological Warfare against Germany. New York, 1949. P. XVI.
- Margolin L.* Paper Bullets. New York, 1946. P. 50.
- Nicolson H.* Tagebuch und Briefe. Frankfurt, 1969. S. 348.
- Painton F. C.* Fighting with “confetti” // Readers Digest. 1943. Nr. 260. P. 99.
- Peel G.* The Science of Propaganda // Contemporary Review. November. 1944. Nr. 947. P. 271.
- Pollard J. A.* Words are Cheaper than Blood // Public Opinion Quarterly. 1943. Nr. 3. P. 288.
- Schröder K. O.* Die Propaganda der UdSSR, Grossbritanniens und der USA während des Zweiten Weltkrieges in Deutschland und an den deutschen Fronten. Halle, 1968. S. 36.
- Shils E., Janowitz M.* Coexistence and Disintegration in Wehrmacht in World War II // Public Opinion Quarterly. 1948. Nr. 2. P. 282.
- Standig Directive for Psychological Warfare against Members of the German Armed Forces // Lerner O. Psychwar: Psychological Warfare against Germany. New York, 1949. P. 403–412.
- Wittek B.* Die britische Atomkrieg gegen Dritte Reich. Die deutschsprachigen Kriegssendungen der British Broadcasting Corporation. Münster. 1962. S. 441.

УДК 94(94).05

А. Н. Сивов

аспирант кафедры Новейшей отечественной истории института истории и политики
Московского педагогического государственного университета;
e-mail: sivov.tolya@mail.ru

ОЦЕНКА ЛИДЕРОВ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА И МЕЖДУНАРОДНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РАБОТАХ СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС А. Н. ЯКОВЛЕВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГОДОВ

В работе рассматриваются особенности взглядов А.Н.Яковлева в отношении лидеров Октябрьской революции и Международного коммунистического движения в период «перестройки». Предпринята попытка отследить специфику трансформации взглядов А.Н.Яковлева во второй половине 1980-х гг. и их влияние на советскую политическую систему. Отображены связи влияния реабилитационных процессов 1980х гг. и осуждения культа личности Сталина со сменой идейно-политических и социально-идеологических формаций.

Ключевые слова: СССР; В. И. Ленин; И. В. Сталин; «перестройка»; «гласность»; А. Н. Яковлев.

A. N. Sivov

Graduate Student, the Department of Contemporary Russian History, Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University;
e-mail: sivov.tolya@mail.ru

AN ASSESSMENT OF THE LEADERS OF THE OCTOBER REVOLUTION OF 1917 AND THE INTERNATIONAL COMMUNIST MOVEMENT IN THE WORKS OF THE SECRETARY OF THE CENTRAL COMMITTEE OF THE CPSU A. N. YAKOVLEVA IN THE SECOND HALF OF THE 1980S

The article deals with the features of A. N. Yakovlev's views on international communist movement and leaders of October revolution at the time of "Perestroika". This article seeks to track the specificity of a transformation of Yakovlev's views in the second half of 1980s and it's influence on political system of the USSR. The lines of influence of the rehabilitation processes of 1980s and de-Stalinization with changes of ideological and political and social-ideological formation are displayed here.

Key words: October Revolution; USSR; V.I.Lenin; I.V.Stalin; perestroika; glasnost; A. N. Yakovlev.

Введение

Положительный взгляд на Октябрьскую революцию на протяжении большей части истории Советского Союза являлся одним из

основных аспектов официальной идеологии. Деятельность созданного в 1919 г. Коминтерна хоть и закончилась формально в 1943 г., но преемственность в отношении оценок в единстве действий коммунистов всего мира сохранялась. Различия существовали в оценках лидеров революции. При том, что огромная роль В. И. Ленина в ней не подвергалась сомнению, многие другие руководители, такие как Лев Троцкий, Григорий Зиновьев, Николай Бухарин, Лев Каменев и другие долгие годы расценивались как «враги советской власти» и о их роли в октябрьских событиях умалчивалось. Их деятельность стала активно изучаться уже в годы перестройки, когда во время проведения политики «гласности», инициированной А. Н. Яковлевым при поддержке М. С. Горбачева пересматривались и переоценивались деятельность многих известных исторических личностей. Эти процессы нанесли серьезный удар по формам и методам традиционной идейно-политической работы и по отношению населения к советской власти.

Показательна в этой связи оценка А. Н. Яковлевым лидеров Октябрьской революции и Международного коммунистического движения. Будучи одним из активных деятелей советского руководства, членом Политбюро ЦК КПСС, контролировавшего вопросы идеологии на поздних этапах советского государства, Яковлев имел немалый опыт работы в идеологической сфере. Еще при Л. И. Брежневеве Александр Николаевич состоял в Отделе пропаганды ЦК. За это время он сменил ряд должностей от и. о. отдела до главы дипломатической миссии в Канаде. Примечателен и тот факт, что сам «архитектор перестройки» после распада СССР неоднократно в своих работах, личных интервью, а также в известной вступительной статье к «Черной книге коммунизма» заявлял о целенаправленных шагах в деле разрушения советской системы. Осуществляться это должно было через постепенное обличение прошлых лидеров, делая акцент сначала на И. В. Сталине, а затем уже и на В. И. Ленине, а впоследствии на самой советской системе вместе с коммунистическим движением в целом [Черная книга коммунизма URL].

**Работа А. Н. Яковлева «Политэкономия социализма»
как первый шаг к смене социально-экономических формаций в СССР**

Несмотря на поздние, уже после распада Советского Союза, вполне откровенные признания «архитектора перестройки», тем не менее уместно помнить о возможной тенденциозности Яковлева

в излагаемых позициях уже после краха советской системы и попытки «завуалировать», постепенную смену взглядов от верного сторонника В. И. Ленина до активного антикоммуниста. Сам он, выступая за начало проведения политики «гласности», в одной из записок, настаивая на ее важности, прикрывался ленинскими идеями: «Государство сильно только тогда, когда массы всё знают, обо всем могут судить и идут на всё сознательно <...>. Гласность, исчерпывающая и оперативная информация – неперемнное условие дальнейшей демократизации общественной жизни» (www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1023329)¹. Интересно, что еще в январе 1986 г. он написал работу «Политэкономия социализма», где подверг резкой критике советскую экономическую систему и осуждал И. В. Сталина в отходе от принципов В. И. Ленина и К. Маркса, что, по его мнению, крайне негативно отразилось на стране: «Поскольку везде и во всем мешал живой Маркс, его политэкономии сделали мертвой, сказали, что она – только для капитализма, а для социализма нужна “новая”, сталинская. Маркса и Ленина изучать велели исключительно по Сталину»². Также он отмечает: «План или рынок? – искусственно придуманная дилемма: в жизни ее нет. Есть противоречие: план и рынок. Мы же решаем его так, что вместо “симфонии”, получается “какофония” (ленинское сравнение). Какофония от того, что за пульт хозяйственного оркестра встал неуч: назначение сделало Сталина свободным в выборе пути. Так называемый основной закон социализма – закон планомерного пропорционального развития в жизни оказался основным законом бесхозяйственности, невиданной в хозяйственной практике цивилизованных стран»³.

НЭП, в отличие от Ленина, трактовавшего переход к ней как вынужденному временному отступлению большевиков перед капитализмом [Ленин 1970, с. 289–338], Яковлев прямо связывал с развитием кооперации, как самый верный и полезный процесс эволюции советской власти: «Это верный и самый прямой путь к социализму,

¹ Международный фонд «Демократия» (Фонд А. Н. Яковлева).

² Работа А. Н. Яковлева «Политэкономия социализма» (Об отсутствии, по существу, собственной политэкономии социализма), о перестройке как демократизации всей общественной жизни. Начало 1964 г. // ГА РФ. Фонд А. Н. Яковлева (ф. 10063), л. 3.

³ Там же, л. 10.

с которого мы, к сожалению, сошли, зарулили влево и в итоге получили рефеодализм»¹. И добавляет: «И тем не менее именно в той частичности выполнения ленинского плана кооперирования (было бы абсурдно это отрицать), корни большинства наших успехов, а в извращении ленинизма – истоки и причины наших трудностей и провалов. И до сих пор мы не можем сделать сельское хозяйство, всю экономику адекватными социализму»². На основании данной работы одного из главных идеологов перестройки можно сделать вывод о том, что еще в 1986 г. А. Н. Яковлев стоял на позициях перехода СССР от плановой экономики к рыночной, обосновывая это политической «позднего Ленина», авторитет которого в тот период не оспаривался. М. С. Горбачев же высказывался, что свой отход от советской системы начал только в 1988 г., когда убедился в неэффективности преобразований перестройки без изменения политической системы [Горбачев 1995]. Однако известен факт, что курс на демократизацию общества как важнейшую составляющую перестройки был объявлен еще январе 1987 г. По мнению некоторых исследователей, это были заранее спланированные шаги: «Одновременно разворачивается информационное наступление на социалистическую идеологию и советский общественный строй. В 575 подчиненных А.Н.Яковлеву средства массовой информации, в наиболее популярных газетах и журналах под лозунгом устранения белых пятен в истории и гласности проводится массированная антисталинская, переросшая затем в антисоветскую, кампания» [Курс отечественной истории IX – начала XXI вв. Основные этапы и особенности развития российского общества в мировом историческом процессе 2012, с. 575–576].

Гласность как инструмент эволюции советского общества в исследованиях Яковлева

Представляется вполне логичным, что если Яковлев и был инициатором перехода к другой экономической модели, то в его интересах могло быть формирование комиссии по делам сталинской эпохи в будущем, которая не только занималась бы восстановлением в глазах

¹ Работа А. Н. Яковлева «Политэкономия социализма» (Об отсутствии, по существу, собственной политэкономии социализма), о перестройке как демократизации всей общественной жизни. Начало 1964 г. // ГА РФ. Фонд А. Н. Яковлева (ф.10063)

² Там же, л. 18.

общества исторической справедливости, но и выявила бы ошибочный экономический вектор, заданный Сталиным. Весьма показательным этапом в оценке революционных событий, их преемственности в 1980-х гг. стало публичное выступление А. Н. Яковлева на торжественном собрании в Кремле, посвященном 70-летней годовщине Великого Октября (последней годовщине Октябрьской социалистической революции, отмечавшейся в СССР). 3 ноября 1987 г. на пресс-конференции, состоявшейся через полтора часа после программного доклада М. С. Горбачева, А. Н. Яковлев выступил с содокладом, в котором отметил прямую связь между революционными переменами 1917 г. и идущими в стране процессами «перестройки». А. Н. Яковлев подчеркивал «особое значение Октября», «для нас это и повод поразмыслить, подумать, посоветоваться с историей, четко понять, что от нас требует сама судьба социализма, а что отвергается принципиально и отвергается навсегда» [Яковлев 1990, с. 265]. Докладчик отметил, что условия, в которых оказалась Россия накануне революции, действительно требовали серьезных перемен, и, преодолевая эти трудности, советский народ смог добиться решающих успехов: «Отсталая страна, в которой более трех четвертей населения были неграмотными, а голод масс был нормой, стала современным государством, из нищеты и забитости вырвалась к культуре, образованию, создала равные возможности для каждого человека...» [там же, с. 265]. Яковлев выделил три главные причины, из-за которых построение социалистического общества в России было особенно затруднено: низкий уровень развития экономики, отсутствие должного объема ресурсов и активное противодействие со стороны иностранных государств (иностранная военная интервенция в годы Гражданской войны, экономическая блокада). Несмотря на то, что ссылки на историческое прошлое не занимали большей части доклада члена ЦК, именно «исторический опыт» строительства социализма признавался А. Н. Яковлевым в качестве основы для последующей эволюции социализма. При этом важно отметить стремление А. Н. Яковлева не уклоняться от осмысления «неудобных фактов». По его мнению, предстояло переосмысление проблем строительства социализма, непредвзятое отношение к «причинам и последствиям событий и действий тех или иных групп и личностей». Здесь очевидно было обращено внимание на проблемы периода культа личности.

Преодоление экономических и, что принципиально более важно, внешнеполитических трудностей сделало возможным, как считал А. Н. Яковлев, совершенно новый этап развития социализма, в котором фактор геополитики стал играть решающую роль: «наступила совершенно иная эпоха, в которой движение к безъядерному, ненасильственному миру – вполне реальная альтернатива...». Именно это становилось своего рода *credo* А. Н. Яковлева, открыто выступавшего за переход от конфронтации в холодной войне СССР и западных стран во главе с США к политике миролюбивого взаимодействия и видевшего в этом путь к формированию новой идентичности у советского народа [Яковлев 1990, с. 266]. И еще один не менее важный аспект революционного наследия, обозначенный А. Н. Яковлевым как «новизна общественных проблем». «Революции всегда вызывают небывалый подъем духа, – заявлял он, – романтику социального обновления, нравственный бунт против старого общества <...>. Неизведанный первопроходческий путь всегда таит в себе неожиданности, трудности и противоречия – творчество и консерватизм, ошибки и озарения, инициативы и равнодушие, самопожертвование и мелкобуржуазные выбросы, взлеты духа и человеческие трагедии – всё это живая жизнь, особенно ярко и бурно проявляющая себя в эпохи крутых перемен...» [там же]. Тем самым А. Н. Яковлев подчеркивал возможность отхода от сложившихся оценок и ценностей прошлого, призывал «не бояться» перемен. Делая акценты на положительные аспекты революционного прошлого и одновременно апеллируя к важности установления устойчивых, благоприятных отношений со странами капиталистического лагеря во имя формирования человека нового типа, он объединял две разные идейные сущности в массовом сознании. Всё это отражалось и на сфере внешней политики СССР. Не случайно отдельные авторы отмечали интересные особенности отношений СССР и США во времена перестройки: «В отличие от хрущёвской “оттепели”, в горбачевской “перестройке” ведущим фактором в ходе развития событий стала прямая и более тесная информационная связь между Кремлем и Вашингтоном. Некоторые исследователи “холодной войны” отмечают, что помимо прямой телефонной связи, установленной Хрущёвым и Кеннеди в ходе Карибского кризиса, при Андропове существовала еще связь по “каналу Гаврилова”, а при Горбачёве – третий канал по линии МИДа для Шеварднадзе. Крючков, будучи председателем КГБ, лично встречался

с руководителем ЦРУ, а Шеварднадзе – с госсекретарем США с глазу на глаз. И тот, и другой участвовали в переговорах Горбачёва с Рейганом и Бушем, знали о многих договоренностях и согласовывали их реализацию» [Советское общество. История строительства социализма в России 2016, с. 366]. Еще одним шагом на пути сближения с западными странами стала отмена глушения радиостанций, которые ранее считались в СССР враждебным информационным элементом, нередко тенденциозно освещающими политику прошлого и настоящего советской власти, в первую очередь «Голос Америки», «Радио свобода» и «Радио свободная Европа». Вряд ли А. Н. Яковлев, как и другие лидеры «перестроечного» процесса, не понимал значения этого решения, как еще одного фактора информационного «переформатирования» советского общества. Но его идеологические позиции, в начале «перестройки», изложенные в той же упомянутой нами ранее работе «Политэкономия социализма»¹, дают возможность предположить о том, что его деятельность носила не адаптирующийся к новым реалиям характер, а, скорее, наоборот, – отвечала взглядам самого Яковлева.

На заседании Политбюро 27 декабря 1988 г. он использовал следующие тезисы:

«Новое политическое мышление стряхивает с нас внутренние путы этой духовной автаркии. И тем самым возвращает социализм миру. Социализм подлинно творческий, обновляющийся, стремящийся вперед, отвечающий общечеловеческим интересам, а не окарикатуренный собственными деформациями, перекосами, недостатками, многократно приумноженными во враждебный социализму и нашей стране пропаганде... Надо тщательно проанализировать, что стоит за тем энтузиазмом с которым мир, в том числе и Запад, – в отличие от некоторых наших друзей, – принял перестройку и новое политическое мышление. Усталость от конфронтации – да, безусловно. Привлекательность нынешнего советского руководства – несомненно. Симпатии наших подлинных друзей – разумеется. Искренний отклик всех честных, порядочных, прогрессивных сил и людей – тоже. Всё это так. Но всё это, в хорошем смысле слова, конъюнктура. А реакция, положительный отзвук слишком силен

¹ Работа А. Н. Яковлева «Политэкономия социализма» (Об отсутствии, по существу, собственной политэкономии социализма), о перестройке как демократизации всей общественной жизни. Начало 1964 г. // ГА РФ. Фонд А. Н. Яковлева (ф. 10063).

и продолжителен, устойчив, чтобы объясняться только конъюнктурными моментами. Поэтому правомерен вывод: есть и причины более глубокие, скрытые от первого взгляда. Какие же? Пусть ответят политологи. Я бы выделил одну: потребность и человечества, и каждого человека в прогрессивном идеале, в реалистическом призыве к лучшему будущему, в моральном импульсе к чистоте и возвышенности. Всё это было у социализма в период его рождения, как учения и политического движения. Всё это было у нашей социалистической революции. Но стало во многом утрачиваться под влиянием двух важнейших процессов с конца 1960-х и особенно в 1970-е и начале 1980-х гг. Эти процессы: реакция внешнего мира на начатую, но не доведенную до конца работу по разоблачению, анализу, преодолению сталинизма» (www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1023913)¹.

В другом своем выступлении на заседании ЦК КПСС, посвященном 70-летию революции, опубликованном также в журнале «Коммунист», он высказывается о том, что не все лидеры партии и до, и после революции разделяли ленинские взгляды на строительство социализма. Здесь возможно стоит отметить одну из первых завуалированных попыток дезавуировать Ленина, так как вряд ли советский человек мог представить, чтобы с мнением вождя мирового пролетариата другие лидеры партии существенно расходились (www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1023913). Переходя к значению и наследию Октябрьской революции, он делал вывод о том, что Сталин смог отстоять ленинское учение в борьбе с Троцким, отстаивавшим свое мнение о невозможности построения социализма в условиях капиталистического окружения, не забывая и о том, что трудовые подвиги советского народа в период индустриализации сопровождались рамками жесткой государственной системы, бившей не только по людям, но и по идеалам революции. Но сам Сталин хоть и являлся меньшим злом, но виновен во многих кровавых перегибах, о которых ему докладывали (www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1023913).

Начавшийся процесс реабилитации (в том числе прежних лидеров партии Зиновьева, Каменева и других в связи с пересмотром их дел специальной комиссией Политбюро) одновременно привел и к процессу поиска «виноватых». Например, в Политбюро рассматривали письма члена ЦК КПСС Д. Д. Покровского о недопустимости захоронения урны с прахом прокурора Вышинского у Кремлевской стены

¹ Международный фонд «Демократия» (Фонд А. Н. Яковлева).

вместе с прославленными именами Валериана Владимировича Куйбышева, Григория Константиновича Орджоникидзе, Сергея Мироновича Кирова, а также о привлечении к ответственности виновных в репрессиях (www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1023329)¹. На заседании Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, было принято решение о необходимости опубликовать материалы в журнале «Известия ЦК КПСС» по партийной реабилитации коммунистов, исключенных из партии по необоснованным политическим обвинениям в 1930–1940-х и начале 1950-х гг. (www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/66080)².

Заключение

Таким образом, сделаем вывод, предусматривающий следующие варианты:

1) если исходить из точки зрения уже постсоветского Яковлева, об умышленных шагах по разрушению советской системы, то широкое освещение несправедливости политических обвинений в адрес бывших руководителей партии и Коминтерна вместе осуждением сталинской политики действительно могло стать эффективным способом подорвать доверие населения к коммунистической системе. Косвенным подтверждением данной позиции, как возникшей еще задолго до перестройки, могут являться предложения первого заместителя Отдела пропаганды ЦК КПСС А. Н. Яковлева о решительном осуждении Сталина еще в 1969 г. в связи с приближающейся датой 90-летия со дня его рождения³;

2) Яковлев, как и Горбачев, в процессе перестройки», возможно находясь под влиянием идей еврокоммунизма, официально проводя курс на демократизацию страны вместе с реабилитацией лидеров революции и международного коммунистического движения, рассматривая исторические преобразования в СССР, могли бы обратить внимание на взгляды некоторых ленинских соратников, например,

¹ Международный фонд «Демократия» (Фонд А. Н. Яковлева).

² Там же.

³ Предложения А. Н. Яковлева о выработке принципиальной позиции в связи с 90-летием со дня рождения И. В. Сталина и поляризацией общественного мнения о его личности. Октябрь 1969 г. // ГА РФ. Фонд А. Н. Яковлева (ф.10063), Оп.1. Д. 72. Л-1-7.

Каменева, который после Октябрьской революции, вразрез с мнением Ленина, выступал за плюрализм среди социалистических партий. С учетом возможности эволюции взглядов Яковлева, личное изучение им альтернативных вариантов развития Советской России лидерами Октября имело шансы стать предпосылкой для смены его идейной парадигмы. К тому же это проходило на фоне превращения многих коммунистических европейских партий в социал-демократические. Таким образом, следует отметить, что в настоящее время анализ идеологической деятельности Яковлева еще недостаточно исследован и требует дополнительного изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горбачев М. С.* Жизнь и реформы: в 2 кн. М. : Новости, 1995. Кн. 2. 1312 с.
- Жуков Ю. Н.* Сталин. Тайны власти. М. : Концептуал, 2019. 512 с.
- Курс отечественной истории IX – начала XXI веков : основные этапы и особенности развития российского общества в мировом историческом процессе : учебник для вузов : для студентов высших учебных заведений, обучающихся по негуманитарным специальностям / Л. И. Олыштынский [и др.] ; под ред. Л. И. Олыштынского. 3-е изд., испр. и доп. М. : ИТРК, 2012. 655 с.
- Ленин В. И.* Отчет ВЦИК и СНК г. IX съезду Советов 23 декабря 1921 г. // Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1970–1983. 1970. Т. 44.
- Советское общество. История строительства социализма в России: в 3 Кн. Развитие советского общества в условиях НТР и противостояния двух мировых систем (1945–1991). М. : Изд-во ИТРК, 2016. 432 с.
- Черная книга коммунизма / вступ. А. Н. Яковлев «Большевизм – социальная болезнь XX века». URL: agitclub.ru/gorby/ussr/blackbook1.htm (дата обращения : 29.10.2019).
- Яковлев А. Н.* Путь Октября, путь обновления: сборник «Реализм – земля перестройки». М. : Политиздат. 1990. 544 с.

REFERENCES

- Gorbachev M. S.* Zhizn' i reformy: v 2 kn. M. : Novosti, 1995. Kn. 2. 1312 s.
- Zhukov Ju. N.* Stalin. Tajny vlasti. M. : Konceptual, 2019. 512 s.
- Kurs otechestvennoj istorii IX – nachala XXI vekov : osnovnye jetapy i osobennosti razvitija rossijskogo obshhestva v mirovom istoricheskom processe : uchebnik

- dlja vuzov : dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij, obuchajushhihsja po negumanitarnym special'nostjam / L. I. Ol'shtynskij [i dr.] ; pod red. L. I. Ol'shtynskogo. 3-e izd., ispr. i dop. M. : ITRK, 2012. 655 s.
- Lenin V.I.* Otchet VCIK i SNK g. IX s#ezdu Sovetov 23 dekabnja 1921 g. // Polnoe sobranie sochinenij : v 55 t. 5-e izd. M. : Izd-vo polit. lit-ry, 1970–1983. 1970. T. 44.
- Sovetskoe obshhestvo. Istorija stroitel'stva socializma v Rossii: v 3 Kn. Razvitie sovetskogo obshhestva v uslovijah NTR i protivostojanija dvuh mirovyh sistem (1945–1991). M. : Izd-vo ITRK, 2016. 432 s.
- Chernaja kniga kommunizma / vstup. A.N.Jakovlev «Bol'shevizm – social'naja bolezni' XX veka». URL: agitclub.ru/gorby/ussr/blackbook1.htm (data obrashhenija : 29.10.2019).
- Jakovlev A.N.* Put' Oktjabnja, put' obnovlenija: sbornik «Realizm – zemlja perestrojki». M. : Politizdat. 1990. 544 s.

ГУМАНИТАРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВСЕКИТАЙСКОГО КОМИТЕТА ПОМОЩИ ГОЛОДАЮЩИМ РОССИИ В 1921–1923 ГОДАХ

В статье, на основе документов российских государственных и региональных архивов, а также свидетельств непосредственных участников событий, освещаются все основные аспекты деятельности Всекитайского комитета помощи голодающим России на территории Поволжья в 1921–1923 гг. Помощь Китая советским гражданам в этот период является малоизученной, сведения о ней в научной литературе носят либо отрывочный, либо ошибочный характер. В некоторых исследованиях помощь Китая либо отождествляется, либо путается с гуманитарной помощью, оказанной Харбинским общественным комитетом помощи голодающим. Сведения о помощи китайских граждан и общественных организаций голодающим Поволжья тем более ценны, что сама Китайская Республика переживала очень непростые времена, испытывала колоссальные экономические трудности и представляла собой фактически раздробленное государство без единого политического центра. В работе обобщены и выстроены в хронологическом порядке сведения из различных российских архивных источников об организации, доставке и распределении китайской гуманитарной помощи, представлен состав Всекитайского комитета помощи голодающим России. Большинство из представленных сведений впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: голод 1921–1923 гг.; гуманитарная помощь; Всекитайский комитет помощи голодающим России; Харбинский общественный комитет помощи голодающим; Самарская губерния; Пекинский университет.

G. Tsidenkov

PhD (Sociologi), Associate Prof. at the Chair of Russian History and Archeology, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation;
e-mail: gcidenkov@yandex.ru

HUMANITARIAN ACTIVITIES OF THE ALL-CHINA COMMITTEE OF ASSISTANCE TO STARVING RUSSIANS IN 1921–1923S

Based on the documents of the Russian state and regional archives, as well as evidence of direct participants in the events, the article highlights all the main aspects of the activities of the All-China Committee of Assistance to starving Russians in the Volga Region during the famine of 1921–1923. The Chinese aid to Soviet citizens during this period is poorly understood, information about it in the academic literature

is either fragmentary or erroneous. In some studies, China's assistance is either identified or confused with humanitarian assistance provided by the Harbin Public Committee of assistance to starving Russian population. The information about the aid from Chinese citizens and public organizations to starving Volga region is all the more valuable because the Republic of China itself experienced extremely difficult times, experienced enormous economic difficulties and was actually a fragmented state without a single political center. This article summarizes and arranged in chronological order the information from various Russian archival sources about the organization, delivery and distribution of Chinese humanitarian aid, and presents the composition of the All-China Committee of Assistance to starving Russians. The most part of presented information is first introduced for scientific use. All Chinese names that could not be identified are quoted as they quoted in Soviet documents of those years.

Key words: the famine of 1921–1923; foreign aid; All-China Committee of Assistance to starving Russians; Samara province; Harbin Public Committee of assistance to starving Russian population; Peking University.

千里送鹅毛 礼轻情意重

Гусиное перышко, присланное за тысячу верст,
дорог не подарок, а внимание
(китайская поговорка)

Введение

В 1921 г., когда в РСФСР и Украинской ССР разразился масштабный и катастрофический голод, Китайская республика переживала весьма сложный период своей истории, называемой в историографии как «Эра милитаристов». Страна была фактически расколота на несколько регионов, которые контролировались непрерывно враждующими и заключающими друг против друга союзы политическими силами. Отдельные регионы Китая также постигали голодные катастрофы, как, например, голод в провинции Хунань в 1919 г. В июле 1921 г., благодаря публикациям в международной прессе воззвания Максима Горького «Ко всем честным людям», в Китае узнали о постигшем Советскую Россию бедствии. Первые обрывочные сведения поступали в страну через Харбин и служащих Китайско-Восточной железной дороги. В условиях политического и экономического кризиса китайская общественность смогла организовать и централизовать сбор гуманитарной помощи для голодающих в России, заключить

соглашение с различными политическими силами и правлением Китайско-Восточной железной дороги, отправить и доставить по назначению так необходимые продовольственные грузы в пострадавшие районы Поволжья.

Основная часть

Первые шаги по сбору пожертвований в пользу голодающих в России были предприняты пекинскими студентами. 29 октября 1921 г. в 14 часов Ассоциация пекинских студентов провела в пекинском педагогическом училище общее собрание, которое постановило:

«Собирать путем показа спектаклей мужским любительским артистическим кружком и женской любительской артистической группой традиционных спектаклей и пьес на английском языке средства в пользу голодающих Советской России. Организовать силами студентов концерты и передвижные выставки в провинции» [Пын Мин 1959, с. 101].

Идейными вдохновителями данной акции, судя по всему, были известный китайский коммунист, профессор Пекинского университета профессор Ли Дачжао и ректор университета Цай Юаньпэй, которые являлись участниками общественно-политической организации «Движение за новую культуру», а впоследствии входили в организацию «Движение 4 мая». На эти движения значительное влияние оказала Октябрьская революция 1917 г. в России [История Китая с древнейших времен до начала XXI века 2013, т. 8, с. 81–87].

Осенью 1921 г. в Пекине был образован Всекитайский комитет помощи голодающим России (ВКПГ). Председателем был избран Сюн Сюлин (Hsiung Hsi-ling (Xiong Xiling) 熊希齡)¹ (ГАРФ Ф. Р-1064. Он. 6, д. 11, л. 230)², который уже имел опыт руководства организацией помощи голодающим в китайской провинции Хунань в 1919 г., а также являлся основателем и директором двух сиротских приютов Пекине [The China Story URL]. В состав правления ВКПГ вошли: ректор пекинского университета Цай Юаньпэй, профессор Ли Дачжао, журналист газеты «Морнинг пост» Чэн Бошенг, президент сельскохозяйственного института «Шанг Хинг-Юан», члены парламента

¹ Донесение Сибирского компомгола (Новониколаевск) в ЦК Помгол при ВЦИК от 13.12.1921. В донесении он назван как «Хенунг Хен-линг».

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

«Цао Кунь», «Ио Хин», «Чанг Хенген»¹ (ГАРФ Ф. Р-1065. Оп. 3, д. 74, л. 31).

Для сбора частных пожертвований и агитации в пользу голодающих России члены ВКПГ использовали документы, фотографии и образцы суррогатов питания из голодающих областей, предоставленные Харбинском общественным комитетом помощи голодающим (ХОКПГ). Контакты между ВКПГ и ХОКПГ носили регулярный характер, и отношения между двумя комитетами выстраивались на конструктивной основе, так как единственным путем, по которому ВКПГ мог доставить гуманитарные грузы в Россию, была Китайско-Восточная железная дорога. От ВКПГ был назначен специальный уполномоченный г-н Пын Чжаосян, который отвечал за контакты с ХОПГ и проводку продовольственных маршрутов в Россию. Основной задачей миссии Пын Чжаосяна, на начальном этапе было заключение соглашения о беспошлинном и бесплатном провозе грузов в Россию, так как плата в 12 541 рубль 45 коп. золотом за перевозку грузов через Харбин и Маньчжурию была совершенно непосильна для ВКПГ. В итоге было принято решение, что будущие китайские гуманитарные грузы будут присоединяться к эшелонам ХОКПГ, которые имели специальные тарифные льготы – 50% от стоимости. Добиться от правления железной дороги полного снятия пошлины и большего снижения стоимости проезда не удалось² (ЦГАСО Ф. Р-79. Оп. 1, д. 51, лл. 31–55)³. В то же время маршал Чжан Цзолинь, контролировавший территории Маньчжурии и северного Китая, предоставил гарантии беспрепятственного пропуска продовольственных маршрутов ВКПГ, а также пообещал организовать сбор пожертвований в пользу голодающих среди населения Маньчжурии (ГАРФ Ф. Р-1064. Оп. 6, д. 11, л. 226).

Сбор пожертвований первоначально осуществлялся путем проведения благотворительных вечеров и театральных представлений. Впоследствии ВКПГ стал прибегать к информационным публикациям в газетах, а также печатать плакаты с призывом о помощи Советской

¹ Китайские имена, которые не удалось идентифицировать, указываются по советским документам тех лет в кавычках.

² Информационный отчет о деятельности Харбинского общественно-го комитета помощи голодающим России за период с 22 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г.

³ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО).

России. Одна из шанхайских газет писала: «Мы должны помочь охваченной голодом России, ибо нынешнее русское правительство вернуло Китаю права и привилегии, насильственно взятые у Китая русским царизмом» [Хейфец 1959, с. 93]. Плакаты содержали следующий призыв: «Помогите тому народу, который отдал нам Китайско-Восточную железную дорогу, он теперь голодает» [Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг. 1922, с. 384]. К концу декабря 1921 г. ВКПГ собрал частных пожертвований на сумму 2 379 долл. 13 центов США [там же].

Необходимые суммы для отправки полноценных продовольственных маршрутов в Советскую Россию были собраны только конце лета 1922 г., когда комитет смог объединить сразу несколько благотворительных организаций, таких как Китайское благотворительное общество, Аньдунский комитет помощи голодающим, Благотворительное общество Цуцыкарской провинции и др. 2 сентября в составе 25-го продовольственного маршрута ХОКПГ в Читу прибыли первые 2 эшелона ВКПГ в составе 61 вагона (*ГАРФ Ф. Р-1058. Оп. 1, д. 384, л. 4*). Из-за нехватки паровозов в Чите, китайский эшелон был разбит на два продовольственных маршрута. Первый китайский продовольственный маршрут в 50 вагонов, в том числе один классный и одна теплушка для вооруженной охраны маршрута, отбыл из Читы в Самару 5 сентября. Маршрут сопровождали уполномоченные ВКПГ Пын Чжаосян, «Пын Цзесян» и «Ван Шихуа». Второй продовольственный маршрут выехал следом за первым сразу в Москву (*ГАРФ Ф. Р-1065. Оп. 3, д. 74, л. 3*).

27 сентября первый продовольственный маршрут прибыл в Самару, где груз 27 вагонов был распределен Самарским губернским комитетом помощи голодающим среди населения наиболее пострадавшего от бедствия Пугачевского уезда (*ЦГАСО Ф. Р-79. Оп. 1, д. 91, л. 189*). Голодающие уезда получили следующие продукты:

- чумиза – 12 038 пудов 15 фунтов;
- посо необрушенное – 9 994 п. 16 ф.;
- гаолян – 3021 п. 15 ф.;
- посо обрушенное – 2 006 п.;
- мука пшеничная – 1 500 п.;
- мука гречневая – 500 п.;
- масло бобовое – 41 п.;
- сахарный песок – 30 п.;

чай – 13 п. 15 ф.;
сахар рафинад – 5 п. 15 ф.;
шоколад – 2 п. 05 ф.;
всего 20.152 п. 03 ф.

Еще один вагон с грузом 400 пудов пшеничной муки и несколько ящиков бобового масла, был предоставлен в распоряжение самарского детского коллектора¹ (*ГАРФ Ф. Р-1065. Оп. 3, д. 74, л. 3*). Всего продовольственную помощь получили 27 тыс. «самых крайне нуждающихся» человек в Самарской губернии (*ЦГАСО Ф. Р-79. Оп. 1, д. 201, л. 32*).

После обследования голодающих уездов Самарской губернии членами ВКПГ эшелон проследовал в Москву, где два вагона были переданы для нужд Китайского рабочего союза², а остальные – в Центральный комитет помощи голодающим при ВЦИК.

Первые китайские эшелоны прибыли как нельзя вовремя: к августу 1922 г. большинство иностранных гуманитарных организаций помощи голодающим либо свернули, либо значительно сократили свою работу из-за хороших видов на урожай в стране. Однако, как известно, урожай 1922 г. также погиб из-за продолжительной засухи и огромного нашествия саранчи. Так, на одно только Поволжье прилетела из Персии стая саранчи суммарным весом в 44 млн т, которые уничтожили взошедшие посевы [Валиева 1965, с. 17]. Населению снова угрожал голод, а гуманитарным и благотворительным организациям требовалось время, чтобы возобновить свою работу в прежнем объеме. Советское правительство высоко оценило как сам факт, так и время поступления гуманитарной помощи, доставленной непосредственно из Китайской Республики и собранной китайскими гражданами. Председатель Всероссийского ЦИК М. И. Калинин 26 октября направил в Пекин в адрес ВКПГ благодарственное письмо от имени Советского правительства, с выражением искренней благодарности за доставленные грузы: «Выражая искреннюю благодарность русского народа за усилия Комитета по сбору, выразившемуся в присылке двух

¹ Детский коллектор (детколлектор) – это специализированное социально-медицинское учреждение, где беспризорные или осиротевшие дети находились на карантине и дожидались своей очереди на место в детских домах.

² Организация китайских трудовых мигрантов, завезенных в страну во время Первой мировой войны, созданная по инициативе Советского правительства в 1918 г.

маршрутов с продовольствием и в посылке третьего маршрута, чем спасены были жизни многих детей и взрослых в голодающих районах, – я надеюсь, что энергичная деятельность Вашего комитета не ослабит и в дальнейшем работу по сбору пожертвований и оказанию помощи пораженным районам <...>. Я хочу надеяться, что ту энергию, которую Вы выявили до сих пор, Вы сможете проявить и в будущем, и сможете широко оповестить Китайский народ о действительной нужде русского народа, и окажете посильную помощь для того, чтобы дать возможность рабочим и крестьянам России твердо вступить на путь работы и труда» (ГАРФ Ф. Р-1065. Оп. 3, д. 74, л. 17).

На обратном пути из Москвы с уполномоченным ВКПГ Пын Чжаосяном произошел любопытный и характерный для того времени казус. В городе Челябинске он получил уведомление из Пекина о том, что из тридцати его писем-докладов в Комитет, которые он отправлял из всех крупных советских городов, дошли только два. Пын Чжаосян обратился с жалобой в адрес Полномочного представителя Правительства РСФСР при всех иностранных организациях помощи Карла Ландера, в которой просил разобраться с проблемой и найти пропавшие донесения. После запроса в Наромпочтель выяснилось, что Пын Чжаосян, несмотря на свой статус, не пользовался дипломатической курьерской почтой, а просто опускал письма в почтовые ящики. В местных отделениях почты никто не знал, что делать с «непонятными» письмами и их просто оставляли до востребования. После разъяснения инцидента, Карл Ландер предложил китайским уполномоченным адресовать все письма лично ему для отправки их в Пекин дипломатической почтой (ГАРФ Ф. 1058, оп. 1, д. 165, л. 189).

25 марта 1923 г. в Пекине состоялось заседание ВКПГ, на которое были приглашены советники советской миссии Я.Х. Давтян и профессор Иванов. На заседании было принято решение преобразовать ВКПГ в Организацию облегчения последствий голода в России. Советские представители также были уведомлены о том, что третий продовольственный маршрут ВКПГ уже находится в пути (ГАРФ Ф. Р-1065. Оп. 3, д. 74, л. 31).

Третий китайский продовольственный маршрут в 32 вагона с грузом проса прибыл в Самару 3 февраля 1923 г. Эшелон сопровождали шесть представителей ВКПГ во главе с «Цюн Цьяном»¹ и представителями Аньдинского и Цуцикарского благотворительных комитетов

¹ Возможно имеется в виду Чжан Цюнь.

(ЦГАСО Ф. Р-79. Оп. 1, д. 170, лл. 1-3). На этот раз вагоны были распределены следующим образом: 20 вагонов были выделены на помощь голодающим Самарской губернии, 5 вагонов были отправлены в Саратовскую губернию и 5 вагонов в Пензенскую губернию (ГАРФ Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 367, л. 179). В Самаре прибывший груз был направлен на содержание Самарского детколлектора, в котором к тому времени находилось 1 тыс. детей, часть была выделена для питания населения и часть на закупку сельскохозяйственного инвентаря (ЦГАСО Ф. Р-79. Оп. 1, д. 201, л. 38). Распределение гуманитарной помощи осуществлялось под контролем членов китайской делегации, которые были удовлетворены работой советских органов на местах. В адрес уполномоченного представителя Правительства РСФСР при всех иностранных организациях помощи по Самарской губернии тов. Карклина 7 февраля поступила официальная благодарность от ВКПГ:

«От имени уполномоченных 3-го Всекитайского продмаршрута дарственных грузов Китая приношу сердечную благодарность Вам и всем Вашим сотрудникам, оказавшим нам радушный прием и полное содействие при выполнении наших заданий и поручений. С совершенным почтением, уполномоченный Ян Шоу-Юн» (ЦГАСО Ф. Р-79. Оп. 1, д. 201, л. 32).

24 февраля китайская делегация прибыла в Москву. По пути делегаты обследовали ряд сел и деревень. На встречах с представителями Советского правительства китайские делегаты заявили, что ВКПГ планирует заняться производственной помощью голодающим посредством закупки лошадей и семян. Кроме того, они заверили, что в Читу вскоре прибудет четвертый китайский продовольственный маршрут с грузом медикаментов (ГАРФ Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 367, л. 179). Однако из-за вновь начавшейся гражданской войны четвертый продовольственных маршрут из Пекина так и не прибыл. Согласно сведениям, поступившим 3 марта 1923 г. в Центральную комиссию по борьбе с последствиями голода из Дальневосточной Республики, работы по отправке эшелона были прерваны действиями отрядов Чжан Цзолина, которые контролировали железнодорожные пути на севере Китая (ГАРФ Ф. Р-1058. Оп. 1, д. 409, л. 5).

Заключение

Хотя оказанная Китаем гуманитарная помощь, по понятным причинам, значительно уступала в размерах и масштабах крупным иностранным общественным и государственным организациям, таким как

АРА, Международный комитет Нансена, «Межрабпом» и другие, была не менее ценна. То, что Китай, который переживал один из самых сложных и трагических периодов своей истории и сам стоял на пороге голода, также смог организовать и наладить сбор и доставку гуманитарных грузов для голодающих Советской России, вызывало и сейчас вызывает чувство удивления и благодарности. Доставка грузов представляла для сотрудников и членов ВКПГ неимоверные трудности – их самоотверженная работа заслуживает более пристального внимания и изучения, особенно в условиях добрососедских отношений между нашими странами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Валиева Д. В.* Советско-иранские культурные связи (1921–1960). Ташкент : Акад. наук УзССР : Ин-т востоковедения им. Абу Райхана Бируни, 1965. 172 с.
- История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. VII Китайская Республика (1912–1949). М. : Наука : Восточная литература, 2013. 863 с.
- Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг. : сб. статей и очерков. М. : Изд-во ЦК Помгол, 1922. 475 с.
- Пын Мин.* История китайско-советской дружбы. М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1959. 360 с.
- Хейфец А. Н.* Великий Октябрь и угнетенные народы Востока. М. : АН СССР : Ин-т востоковедения, 1959. 195 с.
- The China Story. Сайт Australian Centre on China in the World. URL: www.thechinastory.org/ritp/hsiung-hsi-ling-xiong-xiling-%E7%86%8A%E5%B8%8C%E9%BD%A1/ (дата обращения : 11.11.2019).

REFERENCES

- Valieva D. V. Sovetsko-iranske kul'turnye svyazi (1921–1960). Tashkent : Akad. nauk UzSSR : In-t vostokovedeniya im. Abu Rajhana Biruni, 1965. 172 s.
- Istorija Kitaja s drevnejshih времен do nachala XXI veka. T. VII Kitajskaja Respublika (1912–1949). M. : Nauka : Vostochnaja literatura, 2013. 863 s.
- Itogi bor'by s golodom v 1921–1922 gg. : sb. statej i ocherkov. M. : Izd-vo CK Pomgol, 1922. 475 s.
- Pyn Min. Istorija kitajsko-sovetskoj družby. M. : Izd-vo social'no-jekonomicheskoj literatury, 1959. 360 s.
- Hejfec A. N. Velikij Oktjabr' i ugnennye narody Vostoka. M. : AN SSSR : In-t vostokovedeniya, 1959. 195 s.
- The China Story. Sajt Australian Centre on China in the World. URL: www.thechinastory.org/ritp/hsiung-hsi-ling-xiong-xiling-%E7%86%8A%E5%B8%8C%E9%BD%A1/ (data obrashheniya : 11.11.2019).

УДК 316.334.22

В. А. Лапшов

доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: valeralapshov@gmail.com

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Статья посвящена социально-экономическому развитию российского общества в начале XXI в. Проводя анализ сущности категории «модернизация», автор рассматривает причины нестабильности общества, вставшего на путь модернизации. В качестве основных компонентов модернизации в статье рассматривается создание современного суверенного национального правового государства, незначительное влияние социальных институтов и элит традиционного общества, рыночная экономика, реализация демократических институтов власти и формирование гражданского общества.

Ключевые слова: модернизация; российское общество; социально-экономическое развитие; новый средний класс.

V. A. Lapshov

Doctor of Sociology (Dr. habil.), Professor, Head of the Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University; e-mail: valeralapshov@gmail.com

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN SOCIETY AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

This article is devoted to the socio-economic development of Russian society at the beginning of the XXI century. Carrying out the analysis of the essence of the category “modernization”, the author examined the causes of instability of societies that embarked on the path of modernization. The main components of modernization in the article are the creation of a modern sovereign national legal state, the insignificant influence of social institutions and elites of a traditional society, a market economy, the implementation of democratic institutions of power and the creation of civil society.

Key words: modernization; Russian society; socio-economic development; new middle class.

Введение

На рубеже XX и XXI вв. российское общество оказалась в ситуации глубокого системного кризиса, охватившего все сферы его жизни. На повестке дня встал вопрос необходимости поиска инновационных путей и способов выхода из сложившейся критической ситуации. С учетом масштабов и глубины сложившихся в стране проблем стало очевидно, что состояние российского общества настоятельно требует обновления функционирующих в нем социальных институтов.

Модернизация общества

Традиционно перспективы вывода страны на траекторию последовательного и устойчивого развития связывались с идеей модернизации общества.

В переводе с английского языка, термин «модернизация» обозначает в самом общем смысле процесс усовершенствования, улучшения, обновления каких-либо объектов, придания им современных свойств, соответствующих веяниям времени. В социально-историческом контексте модернизацию принято трактовать как макропроцесс полной или частичной «реконструкции» общественной системы с целью ускорения ее развития, перехода от традиционного (воспроизводящего себя на основе традиции и имеющего источником легитимации активности прошлое) общества к обществу модерна или постмодерна.

В своем современном виде и состоянии концепция модернизации была сформулирована в середине XX в. Социальными предпосылками ее рождения принято считать распад европейских колониальных империй, а также опосредованное им появление новых независимых государств. В научном плане выделяют несколько этапов развития теории модернизации, которые хорошо описаны в отечественной науке [Ермаханова 2005].

Современный этап эволюции теорий модернизации начинается с конца 1960-х гг. и связан с развитием и популяризацией идеи «модернизации в обход модернити». Точкой его отсчета по праву считается признание принципиальной возможности существования «национальных модернизационных проектов», осуществляемых на основе накопления технологически и социально передовых опытов и их «мягкого» – в гармоничном сочетании с историческими традициями и традиционными ценностями незападных обществ – внедрения [Эйзенштадт 1999].

Ряд ученых считают, что главная причина социальной нестабильности в странах, вступивших на путь модернизации, – это конфликт между высоким уровнем мобилизации и низким уровнем институционализации. В результате ускоренная модернизация, подрывая социальные институты, вызывает не развитие, а упадок [Семигин 2003, с. 633].

Практическая значимость таких предупреждений была продемонстрирована в Китае, выработавшем и осуществившем на практике собственную модель модернизации, получившую название «нового авторитаризма». Суть этой модели заключается в отказе от либеральных подходов к политическому развитию и демократизации, в сохранении коммунистической партии как важнейшего института фактической политической власти. Если в экономической сфере приоритетны реформы, направленные на развитие открытой для внешнего мира рыночной экономики, то в социальной и политической сферах первенство отдается стабильности, когда за партией и государством остаются интеграционные и организационно-контрольные функции. Тем самым в принципе отвергается возможность импортирования социальных институтов западного образца.

Кризисы модернизации и разнообразие в подходах к социальным реформам показали нереальность задачи заранее создать и предложить руководству страны оптимальную модель развития. Необходимо лишь формировать условия для ее поиска и постоянного корректирования. История развития теории модернизации показывает, что такие процессы, как экономический рост, распространение науки и технологий, акселерация и развитие коммуникаций, разнообразие систем образования, должны значительно повлиять на изменения в общественной жизни.

В качестве основных компонентов модернизации рассматривается создание современного суверенного национального правового государства, незначительное влияние социальных институтов и элит традиционного общества, рыночная экономика, реализация демократических институтов власти и создание гражданского общества [Черной 2014].

Современное российское общество представляет собой определившееся в процессе исторического развития отечественное многонациональное сообщество со своей относительно устойчивой системой социальных связей и отношений как между большими, так и между

малыми группами людей, поддерживаемое силой закона, социальных институтов, культуры, обычаев, традиций и т. п., основывающееся на определенном способе производства и модернизации [Лапшов 2018].

В отечественной науке принято считать, что процессу модернизации российского общества присуща своя специфика, серьезно отличающая ее от западных моделей модернизации, реализуемых в условиях устойчивого развития, естественно-эволюционным путем [Бондаренко 2012].

Основной проблемой модернизации современной российской общества является переход от прежде избранного пути догоняющей Запад модернизации к национальной модернизации, где большое значение имеет собственная культура страны. Из-за влияния культур, которые отличаются между собой, сегодня в мире имеется множественная модернизация [Федотова 2016, с. 34]. При этом необходимо учитывать наличие избыточного неравенства, приниженность гражданского достоинства, бесправие рядового человека перед начальством, несоблюдение законов, коррупция и т. п.

Модернизация для нашего общества является фактором жизнеспособности и одновременно основы выживания и преуспевания России в современном мире, формирования конкурентоспособного социума, способного выйти на передовые позиции в мире и обеспечить высокие показатели благосостояния своих граждан. Актуализация интереса к ней как перспективному средству вывода страны из кризиса связывается с развернувшейся по инициативе бывшего Президента России общественной дискуссией по проблемам модернизации российского социума (*Россия, вперед!* // *Российская газета*, 2009. № 4995 (171)).

В мае 2009 г. при Президенте Российской Федерации была создана Комиссия по модернизации и технологическому обновлению, сосредоточившая пристальное внимание на таких главным образом технико-технологических аспектах и направлениях модернизации, как энергоэффективность и ресурсосбережение, ядерные и космические технологии, коммуникации, медицинская техника и т. п. В 2012 г. вместо Комиссии по модернизации был создан Совет по модернизации экономики и инновационному развитию России. Программа модернизационных действий была изложена главой государства в серии указов, которые касались широкого спектра проблем современной России – от ЖКХ и здравоохранения до обороны и внешней политики.

В начале XXI в. Россия столкнулась с комплексом социальных изменений: фундаментальными переменами в идеологии, взаимоотношениях людей, развитием индивидуальности и гражданственности, формированием свободного гражданского общества, с меняющимися представлениями россиян об образе мира и отношениях с другими народами и культурами.

Специалисты убеждены: специфика сложившейся в России ситуации предопределяет необходимость осуществления системной, а не односферной социальной модернизации [Модернизация России как условие ее успешного развития в XXI веке 2010; Ядов 2014]. Необходима качественная, охватывающая все сферы и все уровни организации государственной и общественной жизни модернизация. Обновление общества должно происходить и по горизонтали, и по вертикали. Целью подобной модернизации следует считать не только очередную индустриализацию страны, способную превратить ее в одного из крупнейших экспортеров промышленной продукции, обновить основные фонды и оптимизировать издержки, но и построение справедливой, в полной мере реализующей творческие и предпринимательские способности россиян, общественной системы, равно как и ясное самоопределение России в глобальном мировом пространстве.

Институт социологии РАН инициировал проведение первого в стране общенационального социологического проекта, изучающего различные аспекты отечественной модернизации [Готово ли российское общество к модернизации 2010]. Результаты исследования показали, что модернизационные сценарии будущего России рассматриваются и властными структурами, и рядовыми согражданами сквозь призму собственных предпочтений и интересов, чему в немалой степени способствует идеологическая неопределенность провозглашенного курса на модернизацию, оставляющая различным группам и слоям общества возможность «примерять» этот курс «на себя», свои взгляды и ценности, а также многозначность самого термина «модернизация», понимаемого по-разному в зависимости от политических интересов участников развернувшегося общественного дискурса.

Проведенное исследование показало, что в массовом сознании наших сограждан Россия – это страна с богатыми природными ресурсами, и именно это сможет помочь ей занять достойную позицию на мировой арене, получив в системе международного разделения труда

роль энергетической «сверхдержавы» [Горшков 2016]. Кроме того, россияне возлагают надежды на культурный и туристический потенциал страны. Тот же путь ее развития, который связан с инновациями, эффективным производством, развитием науки и наукоемкого производства, представляется россиянам гораздо менее вероятным.

Большинство россиян ждут от государства обеспечения определенного минимума для всех, а вот чего-то большего, чем этот минимум, каждый должен, по их мнению, добиваться самостоятельно.

Запрос населения к типу социально-экономического развития России во многом неоднороден. В стране сосуществуют группы населения, характеризующиеся как модернистским, так и традиционалистским мировоззрением. Они различаются запросами к роли государства в экономической и социальной сфере, представлениями о желаемой модели развития страны и т. п. Данные показывают, что за последние годы доля модернистов в российском обществе постепенно возрастает. Среди ключевых идей для модернизации страны россияне называют инструментальные ценности.

Социальная модернизация в России идет очень медленно и противоречиво. Степень урбанизированности российского общества не соответствует стандартам, характерным для стран, которые находятся на этапе перехода от индустриального к позднеиндустриальному обществу, и оснований для улучшения картины в этой области нет. Следствием этого является слабая распространенность собственно городской культуры, которая является важнейшей предпосылкой для формирования личности современного типа, новой модели социальных отношений и новой системы социальных институтов. Причем «недоформированность» городской культуры у большинства населения страны сопровождается быстрым разложением традиционной сельской культуры и интенсивной маргинализацией значительной части жителей сел и деревень.

В подобных условиях понимание сложности общества, плюрализма, а часто и альтернативности интересов составляющих его групп нарастает в общественном сознании достаточно медленно, а главное – практически не происходит осознания устойчивых групповых интересов, основанных на политических, социальных, духовных, профессиональных и других идентичностях. Это препятствует формированию полноценного гражданского общества и утверждению характерных для обществ модерна практик и социальных институтов.

Значимость интересов отдельного человека для большинства россиян не слишком легитимна, даже если речь идет лично о них и их собственных интересах. Однако при этом в массе своей они будут ориентироваться все-таки не столько на интересы государства, сколько на интересы своей семьи. Приоритетность происходящего в семье для большинства россиян носит безусловный характер, а семейное благополучие является для россиян самым распространенным критерием жизненного успеха.

Перспективы экономической модернизации России во многом обусловлены состоянием и особенностями человеческого капитала российских работников, который зависит от профессии и отрасли. Ситуация с человеческим капиталом работников в российской экономике, при которой большая их часть находится в положении либо частичной деквалификации (как в случае невостребованности навыков многих специалистов), либо общей деградации (в случае рабочих как группы в целом с учетом тенденций ее межгенерационного воспроизводства), может характеризоваться как крайне опасная для перспектив модернизации России. Тревожными тенденциями являются также постепенная люмпенизация рабочих низкой квалификации и массовый уход молодежи в торговлю, а не в индустриальный сектор. При этом у большинства представителей молодежи, куда бы они ни шли работать, практически нет шансов на изменение их жизни и профессиональных траекторий.

На эти структурные ограничения российской экономики, связанные со спецификой человеческого капитала российских работников, наслаивается сегодня проблема их лояльного отношения к различным формам девиаций. Из всех групп работников специалисты являются единственной профессиональной группой, представители которой протестуют против таких институтов, как уклонение от уплаты налогов и коррупция.

Будущее модернизации ограничивается еще и тем, что к распространению современных стилей руководства оказываются не готовы ни российский менеджмент, ни рядовые работники.

Примерно такой же вывод содержится в исследовании Boston Consulting Group, в котором участвовали компании из 22 отраслей с численностью сотрудников больше 3,5 млн человек [У россиян обнаружили массовую некомпетентность 2018]. В соответствии с полученными данными, более 80 % трудоспособного населения России не

имеют навыков и компетенций для работы на современных рынках. 35 % населения заняты низким квалифицированным трудом, который относится к категории «умение» (повторяющиеся типовые или механические задачи, базовый физический труд). Высококвалифицированным трудом, относящимся к категории «знание» (интеллектуальная работа, творческие и нерутинные задачи), заняты лишь 17 % населения. Это в 1,5 раза ниже, чем в Японии или США, в 1,7 раза меньше, чем в Германии; вдвое ниже показателя Сингапура и в 2,6 раза – Великобритании.

Система образования готовит в основном сотрудников категории «правило» (служащие, клерки, менеджеры), а не «знание» (научные работники, руководители, инженеры). В результате 91 % российских работодателей считают, что у выпускников недостаточно практических навыков, а 83 % воспринимают уровень подготовки в вузах как средний или низкий. В глобальном рейтинге конкурентоспособности с точки зрения человеческого капитала GNCI 2017 (Global Talent Competitiveness Index), по критерию привлекательности для талантов Россия занимает лишь 107-е место из 118.

Количество чиновников росло с 2,4 млн человек в 1995 г. до 5,3 млн – в 2015 г. При этом в малом бизнесе заняты 15 % населения против 40 % в Индии, 52 % – в Бразилии, 60 % – в Германии и 80 % – в Китае [Новая постиндустриальная волна на Западе 1999].

Доля технологически инновационных компаний в стране – менее 1 %, и они не оказывают влияния на рынок труда. На 10 тыс. работников приходится лишь один промышленный робот против 531 в Южной Корее, 176 – в США и 49 – в Китае.

Растет понимание того, что без серьезной переоценки результатов модернизации российского общества, страна вряд ли сможет эффективно двигаться вперед. В целом социально-экономическое положение россиян не является в настоящее время критическим. При этом в разных группах населения картина динамики доходов сильно различается. К примеру, говорить о росте реальных доходов в семьях с иждивенцами не приходится. А именно такие семьи составляют около трех четвертей населения страны.

В целом вторичный анализ социологических данных позволяет утверждать, что говорить о высокой готовности российского общества к модернизационному рывку было бы явным преувеличением. Изменить сложившуюся ситуацию «везде и сразу» вряд ли

получится даже при наличии сильной политической воли и большого объема инвестиций, поскольку тормозом для модернизации России выступает прежде всего сложившаяся система социальных отношений и институтов.

Социальной базой модернизационного прорыва России в настоящее время может стать так называемый новый средний класс, объединяющий профессионалов. Эта социальная группа в случае реализации сценария модернизационного прорыва сможет не просто существенно улучшить свое положение, но и превратиться в ведущую силу российского общества. Главным же «тормозом» модернизации, выступает коррумпированная часть государственного аппарата.

Без установления реального равенства всех перед законом, без формирования в массовом масштабе личности нового типа, способной к целерациональным действиям в рамках длительного промежутка времени, невозможно преодолеть основные проблемы модернизации современного российского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондаренко В. М.* Главное условие успешной модернизации России. М.: Институт экономики РАН, 2012. 53 с.
- Горшков М. К.* Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики) : в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Новый хронограф, 2016. Т. 1. С. 380–411.
- Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь мир, 2010. 344 с.
- Ермаханова С. А.* Теория модернизации: история и современность // Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых. Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2005. С. 233–247.
- Лапишов В. А.* Риски социальной политики в современном российском обществе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. Вып. 3 (806). С. 178–189.
- Модернизация России как условие ее успешного развития в XXI в. / отв. ред. А. Н. Аринин. М. : РОССПЭН, 2010. 319 с.
- Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М. : Academia, 1999. 640 с.
- Семигин Г. Ю.* Теория модернизации // Социологическая энциклопедия: в 2 т. / Национальный общественно-научный фонд / рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин ; гл. ред. В. Н. Иванов. М. : Мысль, 2003. Т. 2. С. 632–633.

- У россиян обнаружили массовую некомпетентность. URL: www.finanz.ru/novosti/aktsii/u-rossiyan-obnaruzhili-massovuyu-nekompetentnost-1006177474 (дата обращения : 06.11.2019).
- Федотова В. Г. Модернизация и культура. М. : Прогресс-Традиция, 2016. 336 с.
- Черной Л. С. Модернизации теории // Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев ; уч. секр. О. Е. Чернощек. М. : Норма : Инфра-М, 2014. С. 263–265.
- Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / пер. с англ. А. В. Гордона ; под ред. Б. С. Ерасова. М. : Аспект Пресс, 1999. 416 с.
- Ядов В. А. К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества. Сайт Института социологии РАН. URL: www.isras.ru/publ.html?id=i736 (дата обращения : 06.11.2019).

REFERENCES

- Bondarenko V. M. Glavnoe uslovie uspešnoj modernizacii Rossii. M. : Institut jekonomiki RAN, 2012. 53 s.
- Gorshkov M. K. Rossijskoe obshhestvo kak ono est' (opyt sociologičeskoj diagnostiki) : v 2 t. 2-e izd., pererab. i dop. M. : Novyj hronograf, 2016. T. 1. S. 380–411.
- Gotovo li rossijskoe obshhestvo k modernizacii? / pod red. M. K. Gorshkova, R. Krumma, N. E. Tihonovoj. M. : Ves' mir, 2010. 344 s.
- Ermahanova S. A. Teorija modernizacii: istorija i sovremennost' // Aktual'nye problemy social'no-jekonomičeskogo razvitija: vzgljad molodyh učenyh. Novosibirsk : IJeOPP SO RAN, 2005. S. 233–247.
- Lapshov V. A. Riski social'noj politiki v sovremennom rossijskom obshhestve // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvističeskogo universiteta. Obshhestvennye nauki. 2018. Vyp. 3 (806). S. 178–189.
- Modernizacija Rossii kak uslovie ee uspešnogo razvitija v XXI v. / отв. ред. А. Н. Аринин. М. : ROSSPJeN, 2010. 319 s.
- Novaja postindustrial'naja volna na Zapade. Antologija. M. : Academia, 1999. 640 s.
- Semigin G. Ju. Teorija modernizacii // Sociologičeskaja jenciklopedija: v 2 t. / Nacional'nyj obshhestvenno-nauchnyj fond / ruk. nauch. proekta G. Ju. Semigin; gl. red. V. N. Ivanov. M. : Mysl', 2003. T. 2. S. 632–633.
- U rossijsan obnaruzhili massovuju nekompetentnost'. URL: www.finanz.ru/novosti/aktsii/u-rossiyan-obnaruzhili-massovuyu-nekompetentnost-1006177474 (data obrashhenija : 06.11.2019).
- Fedotova V. G. Modernizacija i kul'tura. M. : Progress-Tradicija, 2016. 336 s.
- Chernoj L. S. Modernizacii teorij // Sociologičeskij slovar' / отв. ред. G. V. Osipov, L. N. Moskvichev ; uch. sekr. O. E. Chernoshhek. M. : Norma : Infra-M, 2014. S. 263–265.

Jejzenshtadt Sh. Revoljucija i preobrazovanie obshhestv. Sravnitel'noe izuchenie civilizacij / per. s angl. A. V. Gordona ; pod red. B. S. Erasova. M. : Aspekt Press, 1999. 416 s.

Jadov V.A. K voprosu o nacional'nyh osobennostjah modernizacii rossijskogo obshhestva. Sajt Instituta sociologii RAN. URL: www.isras.ru/publ.html?id=i736 (data obrashhenija : 06.11.2019).

И. С. Палитай, М. А. Майорова

Палитай И.С., кандидат социологических наук; доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В.Ломоносова;
e-mail: 8321532@gmail.com

Майорова М.А., магистрант факультета политологии МГУ им. М.В.Ломоносова;
e-mail: alex1996m5@inbox.ru

МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ¹

Наблюдаемое омоложение российской политической элиты требует ее всестороннего изучения. Предлагаемый авторами политико-психологический подход позволяет учесть те человеческие или субъективные характеристики представителей политической элиты, которые, как правило, опускаются при стандартном политологическом анализе. В статье описывается социально-демографический профиль молодой политической элиты, на основе которого дается собирательный портрет молодых политиков разного уровня.

Ключевые слова: политическая элита; политическое лидерство; молодое поколение; социально-демографический профиль; политико-психологический подход.

I. S. Palitay, M. A. Mayorova

Palitay I. S., PhD (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology and Psychology of Politics Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: 8321532@gmail.com

Mayorova M.A., Master's program, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; e-mail: alex1996m5@inbox.ru

YOUNG GENERATION OF THE RUSSIAN POLITICAL ELITE: A SOCIO-DEMOGRAPHIC PROFILE

The observed position requires a comprehensive study. The political-psychological approach proposed by the author allows students to determine human or subjective characteristics, which, as a rule, are established by standard political analysis. The article describes the socio-demographic profile of young members of society, on the basis of which a collective portrait of young politicians of different levels is given.

Key words: political elite; political leadership; young generation; socio-demographic profile; political-psychological approach.

¹Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта, получившего финансовую поддержку РФФИ и АНО ЭИСИ (проект № 19-011-31432 «Молодое поколение российских политических лидеров: политико-психологический анализ»).

Введение

Ротация и стадиальность изменений качественного и персонального состава политической элиты представляет собой одну из важнейших характеристик процесса ее рекрутирования. Соблюдение этих требований, по мнению В. Парето, предотвращает вырождение элит, а, следовательно, позволяет не допускать грубых политических ошибок и, как следствие, своевременно и эффективно отвечать на возникающие вызовы [Pareto 2006]. Однако появление на политической арене новых лиц требует от нас их всестороннего изучения. Особенно этот вопрос актуализируется, когда речь идет о смене поколений, т. е. о приходе людей с совершенно иной системой ценностей и другой «оптикой», через призму которой воспринимается политическая система в целом.

В России в настоящее время идет процесс активного вовлечения молодежи в политику. Как следствие этого, мы наблюдаем появление целой плеяды губернаторов, министров, сенаторов, депутатов в возрасте до 40 лет, эффективность деятельности которых во многом зависит от их профессиональной, личностной и моральной зрелости.

Об особенностях политико-психологического подхода

На сегодняшний день в политической науке отсутствуют концептуальные основания и специально разработанные подходы для изучения молодежного политического лидерства как явления. Так, среди работ, посвященных молодому поколению, мы наблюдаем целый спектр исследований, посвященных вопросам вовлечения молодежи во властные структуры или ее участия в политическом процессе [Петухов 2012; Пьяных 2014; Мясоедова 2016]. Однако работ, посвященных изучению этих же молодых людей, но в качестве представителей политической элиты, на порядок меньше [Попова 2007; Олейник 2008].

Отчасти проблема заключается в том, что исследования самой политической элиты, в большинстве своем, отражают суть структурно-функционального или институционального подходов [Ашин 2005; Гаман-Голутвина 2006; Крыштановская 2005; Дука 2009]. Однако политико-социологические исследования политического лидерства и политических элит показали, что происходящие в современном мире перемены ведут не только к появлению лидеров нового типа, но и новых форм, механизмов их взаимодействия с последователями

[Самсонова, Шпуга 2016]. Возможно, именно по этой причине трансформационные процессы, которые происходят в России в последние годы, диктуют необходимость изучения политической элиты (как в целом, так и отдельных ее элементов) с опорой на мультипарадигмальность подходов и методологических ориентаций [Покатов 2016]. Таким образом, требуется создание специальной концептуальной модели анализа, которая учитывала бы политологические подходы к пониманию данного феномена, механизмы рекрутирования, особенности молодого поколения политической элиты и психологические концепции, которые позволили бы изучить современных молодых политических лидеров и как отдельных индивидов, и как поколенческую общность.

Для решения этих задач, на наш взгляд, оптимальным является политико-психологический подход, представители которого исходят из того, что институциональный анализ в условиях трансформирующейся политики и быстро меняющегося общества часто либо недостаточен, либо не рассматривает источники происходящих перемен и не может их объяснить [Добрынина 2012; Зорина 2010; Малинова 2011; Палитай 2016; Селезнева 2010]. В то время как введение в анализ дополнительных психологических параметров позволяет посмотреть на политических лидеров и представителей политической элиты не только с точки зрения формальных критериев их правовых и политических функций, но и учесть те человеческие или субъективные характеристики, которые, как правило, опускаются при стандартном политологическом анализе.

Результаты исследования молодого поколения политиков

Первые попытки комплексного политико-психологического анализа политической элиты были предприняты в исследовательских проектах кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, по результатам которых в свет вышли две монографии, в которых были выявлены важные характеристики российской политической элите, связанные с ее психологическим измерением [Человеческий капитал российских политических элит 2012; Современная элита России: политико-психологический анализ 2015].

Используемая в этих проектах методология была нами адаптирована для изучения молодого поколения политиков. Целью нашего

исследования было изучение молодых политических лидеров с позиции анализа их личностных особенностей, что может дать представление об объективных и субъективных факторах их включения в структуру власти, а в дальнейшем – использоваться для оценки личностного и профессионального потенциала молодого поколения политиков. В силу ограниченности объема статьи, нами будут представлены результаты первого этапа исследования, на котором необходимо было получить социально-демографический профиль представителей молодого поколения политиков с тем, чтобы в дальнейшем проверить, являются ли пол, возраст, происхождение (в том числе тип социализации) и образование важными факторами, влияющими на становление содержания психологических компонентов личности представителей элиты.

В рамках исследования нами были проанализированы биографические сведения 292 молодых политиков (в возрасте до 40 лет) из 28 субъектов РФ, взятых из всех федеральных округов: 74 человека на федеральном уровне, в который мы включили депутатов Государственной Думы (38 человек), высокопоставленных работников министерств (36 человек) и 4 членов Совета Федерации, а также 205 человек на региональном уровне (члены законодательных собраний). Отдельно нами рассматривался пул молодых губернаторов (8 человек).

Гендерный состав

С точки зрения гендерного соотношения большинство мест занимают мужчины: среди депутатов таковых – 79%, среди работников министерств – 69,4%. В регионах мужчин-законодателей – 84%.

Среди членов Совета Федерации до 40 лет женщин нет. Аналогичная ситуация с губернаторским корпусом. Другими словами, тезис о том, что политика – не женское дело, хоть и теряет свою актуальность, но весьма медленно: как видно из приведенных данных, основную долю кресел под молодыми политиками на всех уровнях власти, которые мы исследовали, по-прежнему занимают мужчины.

Возраст

Возраст политического деятеля помогает определить уровень его жизненного и профессионального опыта, а также выявить особенности его восприятия, исходя из десятилетий, в которых он родился и социализировался.

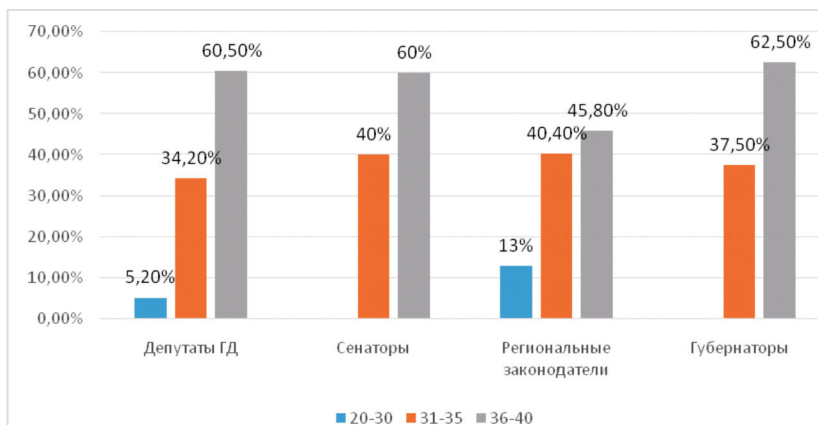

Рис. 1. Возрастное ранжирование

Представителей Государственной Думы в возрасте от 20 до 30 лет всего 5,2%. Людей в возрасте 31–35 лет – 34,2%. Преобладающее число депутатов в возрасте 36–40 лет – 60,5%.

В Совете Федерации 40% представителей имеют возраст от 31 до 35 лет, чуть выше процент тех, кому между 36 и 40 годами – 60%. Похожая статистика наблюдается и в губернаторском корпусе: 37,5% в возрастной категории от 31 до 35 лет, и 62,5% представителей чуть старше 36–40 лет.

Среди региональных законодателей возрастная категория от 20 до 30 лет составляет 13%, в то время как 40,4% представителей политической элиты находятся в возрасте 31–35 лет. Наибольший процент у тех, кому уже исполнилось 36–40 лет – 45,8%.

Несмотря на то, что мы рассматриваем исключительно молодых депутатов до 40 лет, тенденция на возраст всё же сохраняется. Во всех структурах процент возраста от 36 до 40 лет самый высокий. Однако можно говорить о постепенном омолаживании элиты, так как в целом число молодых представителей в органах государственной власти увеличивается.

Место рождения и основной социализации

Данный аспект анализировался в связи с тем, что различия в месте рождения, а точнее, основной социализации, играют важную роль в формировании личности молодого представителя политической

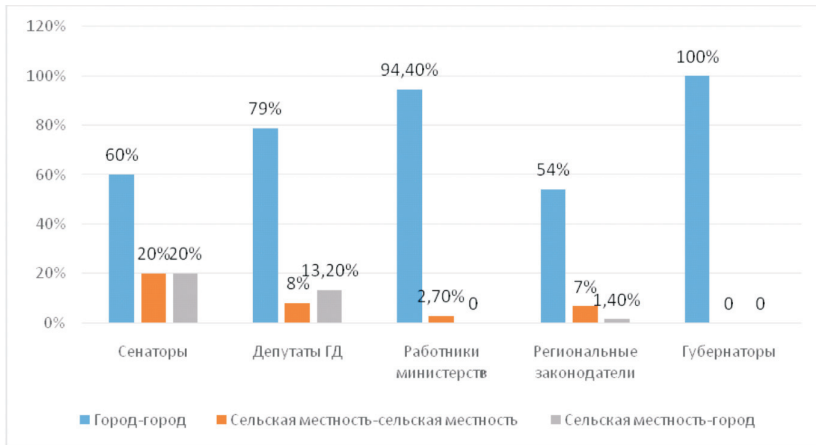

Рис.2. Место рождение и основной социализации

элиты. Городская или сельская среда, окружающая будущего политика, во многом определяет те стереотипы, образы и нормы поведения, которые будут в дальнейшем свойственны человеку, следовательно, будут определять облик элиты в целом.

Так, 78,9 % депутатского корпуса родились и проходили первичную социализацию в городе. В сельской местности родились и выросли лишь 7,9 % представителей Государственной Думы. Тех, кто родился в поселении, а воспитывался и рос в городе, по результатам исследования, оказалось 13,2 %. Среди работников министерств процент тех, кто родился и вырос в городе составляет 94,4, в свою очередь, доля тех, кто социализировался в селе – 2,7 %

Что же касается региональных законодателей, то там ситуация более разнообразная. У 54,1 % местом рождения и первичной социализации является город. Сюда же можно приплюсовать 1,4 % тех, кто родился в сельском поселении, но социализировались в городе. Доля тех, кто родился и вырос в сельской местности по-прежнему невелик, всего 6,8 %. У 16 % и 4,8 % известно только место рождения – в городе и в селе, соответственно.

Молодые губернаторы являются представителями исключительно городского типа социализации, в то время как члены Совета Федерации являются как городскими представителями (60%), так и теми, кто жил и воспитывался в сельской местности (20%). Есть среди них и те, кто родился в поселении, затем уехал в город (20%).

В ключе описанных данных хотелось бы отметить тот факт, что молодые политики имеют свои отличительные особенности. Связано это с тем, что в настоящее время в составе федеральной политической элиты 29 % политиков, которые социализировались в сельской местности, на региональном уровне таковых 26,6 %. Среди парламентской элиты последнего созыва выходцев из села – 32 %. По мнению Д. В. Покатова, этот факт «продолжает оказывать некоторое сдерживающее влияние на открытость элитной группы, закрепляя уже устоявшиеся ценности, нормы и образцы поведения и отчасти способствуя закреплению в ряде регионов тенденций архаизации» [Покатов 2017, с. 411]. А. В. Дука по этому поводу отмечает ретроориентированную социальную форму и порядки, которые сопровождаются их культурной, религиозной и иной легитимацией [Дука 2014, с. 405]. Тенденция к изменению в этом отношении среди молодого поколения элиты может говорить о постепенной трансформации самого характера элиты, ее ценностных оснований и норм поведений.

Уровень образования

Образование является неотъемлемой частью построения успешной карьеры, а также показателем социального статуса. Образование является социальной ценностью, зародившейся еще во времена СССР: оно нужно для получения профессии и дальнейшего места работы, а также развития карьерной траектории [Современная элита... 2015]. Что касается политической сферы, то люди, принимающие решения и определяющие основной вектор развития страны должны обладать определенными навыками и набором знаний, иначе их карьерный рост будет затруднен, а провалы, связанные с нехваткой знаний, будут подрывать репутацию. Политические деятели, не получившие высшее образование, не способны на должном уровне выдерживать конкуренцию среди людей с одним или более дипломами.

На сегодняшний день одно образование уже считается обыденностью, поэтому многие стараются получить два и более. Также большой популярностью пользуются курсы повышения квалификации или переподготовки. Сейчас получить дополнительное образование стало удобнее, учитывая ступенчатость образовательного процесса и срок обучение в магистратуре продолжительностью всего два года. Некоторые политики при этом, уже заняв высокий пост, стремятся

получить степень кандидатов наук, так как факт обладания ученой степенью повышает их престиж.

По результатам исследования, в депутатском корпусе преобладают дипломы гуманитарных специальностей: 42 % – на федеральном уровне, 24 % – на региональном. На втором и третьем месте – юридическая и экономическая направленность: 21 % и 18 %, соответственно, – у «федералов»; 22 % и 17 %, соответственно, – у «регионалов». Остальные направления образования (медицинское, спортивное, техническое и пр.) встречаются в единичных случаях (за исключением технического, которое встречается у 15 % региональной элиты).

Отметим довольно высокий процент людей, имеющих второе высшее образование: в депутатском корпусе 66 % на федеральном уровне, 46 % – на региональном. Второе высшее образование у деятелей Государственной Думы распределяется по схожему с первым принципам: гуманитарное образование остается приоритетным: 23,6 % на федеральном уровне, 17,5 % – на региональном; экономическое и юридическое направление среди депутатов Думы имеют 15,7 % и 10,5 %, соответственно. На региональном уровне – те же области, но в другом соотношении: юристом является примерно каждый десятый (10,2 %), экономистов в общей массе 8,7 %. Курсы переподготовки прошло 7,9 % законодателей. Каждый десятый молодой депутат Государственной Думы – кандидат наук. На региональном уровне обладателей ученой степени немного меньше – 7,3 % от всего исследуемого массива.

Среди сотрудников министерств гуманитарное направление не столь популярно (не входит даже в тройку). Возможно, это связано с отраслевыми направленностями службы. Экономические дипломы имеют 36 %, юридические – 25 %, техническую направленность – 16,7 % человек. По сути, в министерствах прослеживается вполне логичная закономерность: зависимость образования от профиля министерства. Так, например, в Министерстве финансов преобладают люди с экономическим образованием, в то время как в Министерстве здравоохранения преимущественно с медицинским. Второе высшее образование ранжируется по тому же принципу. Его имеют 63,8 %. При этом каждый третий высокопоставленный сотрудник министерств обладает дипломом кандидата наук.

Таблица 1

Типы образования молодых политиков

Категория политиков	Тип образования (в %)								
	гум.	эконом.	юр.	технич.	мед.	спорт.	естеств.	пед.	воен.
Депутаты ГД	42,2	18,4	21	7,8	2,6	2,6	0,0	0,0	0,0
Региональные законодатели	24,2	17,3	22,3	14,8	3	3	2	6,4	0,5
Сенаторы	20	20	20	20	20	0,0	0,0	0,0	20
Работники министерств	13,9	36	25	16,7	2,8	0,0	0,0	0,0	
Губернаторы	0,0	37,5	25	12,5	0,0	12,5	0,0	0,0	12,5

В Совете Федерации представители технического, юридического, экономического, медицинского и гуманитарного образования представлены в равных долях – по 20%. Следует отметить, что второе высшее образование имеют 60% сенаторов. Степень кандидата наук имеют 40% членов Совета Федерации. Среди губернаторов самым распространенным образованием является экономическое – 37,5%, затем идет юридическое (25%), военное, техническое и спортивное – у 12,5%. Второе образование имеет половина молодых губернаторов, а степень кандидата наук – 37,5%.

Род деятельности

Род деятельности не всегда напрямую связан с образованием. Анализ профессиональных траекторий представителей политической элиты выглядит следующим образом: почти половина депутатов Государственной Думы РФ пришли во власть через партии (44,7%). На втором месте занимавшиеся профессионально каким-то видом деятельности, не связанных с политикой. Таковых в Государственной Думе около 21,1%. Отдельно мы выделили людей, пришедших в политику из публичной сферы – спортсмены либо работники творческих профессий. Их доля среди молодых депутатов составляет 7,9%.

В силу специфики министерств, большая часть пришла через государственную службу и планомерное карьерное развитие (порядка 66%) либо из профессиональной деятельности, которой они занимались порой параллельно с общественной (10,9%). В основном работники министерств делали карьеру в центральных министерствах и ведомствах. Так же, как и с образованием, род деятельности среди представителей

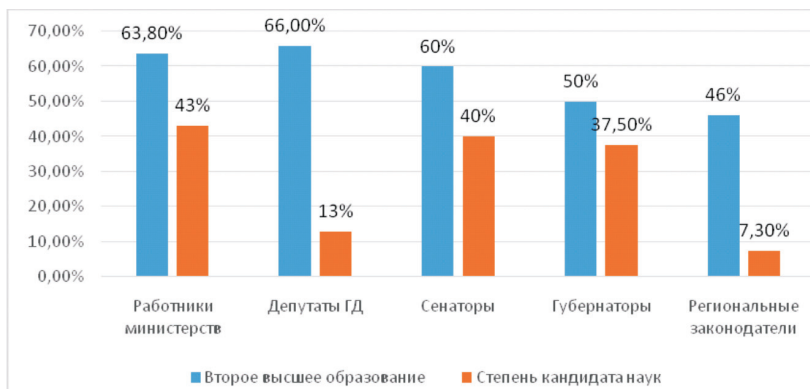

Рис.3. Наличие второго высшего образования и ученой степени

политической элиты в регионах имеет больший разброс, чем на федеральном уровне. Наиболее распространенным способом прихода во власть является профессиональная деятельность (46,8%). Собственным бизнесом и каким-то видом государственной службой до своего избрания занимались 7,9%. В отличие от федеральных законодателей, партийная принадлежность здесь в меньшем «приоритете» – этим путем во власть пришли 17,9%. Анализ губернаторского корпуса показывает, что большинство из представителей нынешней региональной власти пришли на свой пост из государственной службы (62,5%) и из партийной деятельности (25%). В Совете Федерации 40% сенаторов попали на свои должности через общественную деятельность, ровно столько же пришли через партии и только 20% вышли из профессиональной сферы.

Таблица 2

Род деятельности до прихода во власть (в %)

	Работники министерств	Депутаты ГД	Сенаторы	Губернаторы	Региональные законодатели
Бизнес (свой)	5,5	4	0	12,5	7,9
Профессиональная деятельность, не связанная с политикой	10,9	21,10	20	0	46,8
Партийная деятельность	2,7	44,70	40	25	17,9

	Работники министерств	Депутаты ГД	Сенаторы	Губернаторы	Региональные законодатели
Чиновник	66	5	0	62,5	7,5
Общественная деятельность	2,7	5	40	0	5,4
Публичная сфера	0	8	0	0	1
Политическая сфе- ра, не связанная с партиями	2,7	0	0	0	5

Заключение

Результаты статусно-ролевого анализа с построением социально-демографического профиля молодых политиков позволяют определить, какие биографические характеристики на сегодняшний день являются наиболее предпочтительными для вхождения в высший эшелон политической элиты. Опираясь на результаты исследования, мы можем дать собирательный образ молодого депутата Государственной Думы, члена Совета Федерации, работника министерства, а также регионального законодателя.

Молодой депутат федерального уровня – это мужчина, 36–40 лет, родившийся и выросший в городе и большую часть своей жизни занимавшийся партийной деятельностью. В дополнение к высшему образованию гуманитарного типа у него, вероятнее всего, есть второе высшее образование либо он проходил курсы повышения квалификации.

Типичного высокопоставленного работника министерства из исследуемого нами пула мы можем описать как мужчину, горожанина по рождению, лет 35–40, скорее всего, с двумя высшими образованиями или степенью кандидата наук, проработавшего большую часть жизни на государственной службе.

Среднестатистический представитель молодого поколения регионального законодательного органа власти – мужчина старше 31 года, родившийся в городе, имеющий одно высшее гуманитарное образование, являющийся профессионалом в своей области, далеко не всегда связанной с политикой.

Современный молодой губернатор – это мужчина, 35–40 лет, с двумя высшими образованиями, типичный горожанин, большую часть своей жизни занимающийся государственной службой.

Полученные данные показывают нам особенности формирования разных элитных групп, в основе которых лежат биография и профессиональный опыт. Однако, как было сказано в первой части статьи, составление социально-демографического профиля представителей молодой политической элиты нашей страны – лишь первый шаг на пути к ее политико-психологическому анализу. Исследование в данном направлении существенно расширяет возможности политической науки в области изучения психологической составляющей политических процессов, обогащает методологию политического анализа психологическими подходами, методами и инструментами. Более того, методический инструментарий может быть использован впоследствии для эмпирического изучения разных поколений политиков, политической элиты в целом и ее отдельных групп и категорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ашин Г. К. Элитология: история, теория, современность. М. : МГИМО (У) МИД РФ, 2005. 598 с.
- Гаман-Голутвина О. В. Политическая элита. Вехи исторической эволюции. М. : Российская политическая энциклопедия, 2006. 448 с.
- Добрынина Е. П. Человеческий капитал российского губернаторского корпуса: сб. «Перспективы развития политической психологии: новые направления» / под ред. Е. Б. Шестоपाल. М. : Изд-во Моск. Ун-та, 2012. С. 166–185.
- Дука А. В. Власть между традиционностью и современностью (элиты российской периферии) // Власть и элиты. 2014. Т. 1. С. 399–436.
- Дука А. В. Институционализация российской политико-административной элиты // Политическая наука. 2009. № 3. С. 110–140.
- Зорина В. А. Модели политического лидерства российских президентов // Полис. 2010. № 4. С. 77–89.
- Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М. : Захаров Владимир Николаевич, 2005. 384 с.
- Малинова О. Ю. Политические элиты как «производители смыслов» российской политики: к постановке проблемы // Элиты и общество в сравнительном измерении / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М. : РОССПЭН, 2011. С. 280–293.
- Мясоедова В. А. Формирование института молодежных политических элит в контексте политических преобразований в Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. № 4. С. 19–28.

- Олейник А. Н. Смена поколений в элите и стабильность социально-политической системы // Отечественные записки. 2008. № 4 (43). С. 237–252.
- Палитай И. С. Методология политико-психологического исследования массового политического сознания в трансформирующихся обществах // Политическая наука. 2016. № 5. С. 193–203.
- Петухов В. В. Поколение нулевых: социальные настроения, идеологические установки и политическое участие // Полис. Политические исследования. 2012. № 4. С. 56–62.
- Покатов Д. В. Социология политической элиты в России: возможности и ограничения предметного поля исследования // Извещения Саратовского ун-та. Новая серия. Социология. Политология. 2017. Вып. 4. С. 410–413.
- Попова О. В. Политические поколения: различия и устойчивость политических взглядов // Политический анализ. 2007. № 8. С. 92–101.
- Пьяных Ю. А. Рекрутирование молодежи в политическую элиту России // Социальная политика и социология. 2014. № 2 (103). Т. 2. С. 137–145.
- Самсонова Т. Н., Шнуга Е. С. Политическое лидерство перед вызовами современности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 22(4). С. 142–163.
- Селезнева А. В. Политико-психологический подход к изучению ценностного компонента личности политика в контексте проблемы человеческого капитала // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2010. № 3. С. 34–39.
- Современная элита России: политико-психологический анализ: монография / отв. ред. Е. Б. Шестопап и А. В. Селезнева. М. : АРГАМАК-МЕДИА, 2015. 448 с.
- Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ / под ред. Е. Б. Шестопап, А. В. Селезневой. М. : Российская ассоциация политической науки (РАПН): Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 344 с.

REFERENCES

- Ashin G. K. Jelitologija: istorija, teorija, sovremennost'. M. : MGIMO (U) MID RF, 2005. 598 s.
- Gaman-Golutvina O. V. Politicheskaja jelita. Veli istoricheskoi jevoljucii. M. : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 2006. 448 s.
- Dobrynina E. P. Chelovecheskij kapital rossijskogo gubernatorskogo korpusa: sb. «Perspektivy razvitiya politicheskoi psihologii: novye napravlenija» / pod red. E. B. Shestopal. M. : Izd-vo Mosk. Un-ta, 2012. S. 166–185.
- Duka A. V. Vlast' mezhdju tradicionnost'ju i sovremennost'ju (jelity rossijskoj periferii) // Vlast' i jelity. 2014. T. 1. S. 399–436.

- Duka A. V.* Institucionalizacija rossijskoj politiko-administrativnoj jeliti // Politicheskaja nauka. 2009. № 3. S. 110–140.
- Zorina V. A.* Modeli politicheskogo liderstva rossijskikh prezidentov // Polis. 2010. № 4. S. 77–89.
- Kryshchanovskaja O. V.* Anatomija rossijskoj jeliti. M. : Zaharov Vladimir Nikolaevich, 2005. 384 s.
- Malinova O. Ju.* Politicheskie jeliti kak «proizvoditeli smyslov» rossijskoj politiki: k postanovke problemy // Jeliti i obshhestvo v sravnitel'nom izmerenii / pod red. O. V. Gaman-Golutvinoj. M. : ROSSPJEN, 2011. S. 280–293.
- Mjasoedova V. A.* Formirovanie instituta molodezhnyh politicheskikh jelit v kontekste politicheskikh preobrazovanij v Rossijskoj Federacii // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Politologija. 2016. № 4. S. 19–28.
- Olejnik A. N.* Smena pokolenij v jelite i stabil'nost' social'no-politicheskoy sistemy // Otechestvennye zapiski. 2008. № 4 (43). S. 237–252.
- Palitaj I. S.* Metodologija politiko-psihologicheskogo issledovanija massovogo politicheskogo soznaniya v transformirujushchih obshhestvakh // Politicheskaja nauka. 2016. № 5. S. 193–203.
- Petuhov V. V.* Pokolenie nulevyh: social'nye nastroyeniya, ideologicheskie ustanovki i politicheskoe uchastie // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2012. № 4. S. 56–62.
- Pokatov D. V.* Sociologija politicheskoy jeliti v Rossii: vozmozhnosti i ogranicheniya predmetnogo polya issledovanija // Izvetiya Saratovskogo un-ta. Novaya serija. Sociologija. Politologija. 2017. Vyp. 4. S. 410–413.
- Popova O. V.* Politicheskie pokoleniya: razlichiya i ustojchivost' politicheskikh vzgljadov // Politicheskij analiz. 2007. № 8. S. 92–101.
- Pjanyh Ju. A.* Rekrutirovanie molodezhi v politicheskuyu jelitu Rossii // Social'naja politika i sociologija. 2014. № 2 (103). T. 2. S. 137–145.
- Samsonova T. N., Shpuga E. S.* Politicheskoe liderstvo pered vyzovami sovremennosti // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2016. № 22(4). S. 142–163.
- Selezneva A. V.* Politiko-psihologicheskij podhod k izucheniju cennostnogo komponenta lichnosti politika v kontekste problemy chelovecheskogo kapitala // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12. Politicheskie nauki. 2010. № 3. S. 34–39.
- Sovremennaja jelita Rossii: politiko-psihologicheskij analiz: monografiya / otv. red. E. B. Shestopal i A. V. Selezneva. M. : ARGAMAK-MEDIA, 2015. 448 s.
- Chelovecheskij kapital rossijskikh politicheskikh jelit. Politiko-psihologicheskij analiz / pod red. E. B. Shestopal, A. V. Seleznevoj. M. : Rossijskaja associacija politicheskoy nauki (RAPN) : Rossijskaja politicheskaja jenciklopediya (ROSSPJEN), 2012. 344 s.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЦЕЛЕВОЙ ГРУППЫ НАСЕЛЕНИЯ «50+»

Статья посвящена анализу потребительских предпочтений целевой группы населения в возрасте старше 50 лет (сегмент «50+»). Рассмотрены основные направления работы с представителями данной целевой группы потребителей за рубежом. Осуществлен сравнительный анализ подходов к решению запросов граждан «50+» в России и других странах. Разработаны предложения. Статья иллюстрирована результатами исследования 2017 г.

Ключевые слова: потребительские предпочтения; целевая группа «50+»; маркетинг «50+».

S. S. Solovyov

PhD (Sociology), Associate Prof., Professor at the Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), MSU;
e-mail: ruisenior@yandex.ru

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF CONSUMER PREFERENCES OF TARGET GROUP OF THE POPULATION “50+”

Article is devoted to the analysis of consumer preferences of target group of the population aged 50 years and more senior (50+ segment). The main areas of work with representatives of this target group of consumers abroad are considered. The comparative analysis of approaches to the solution of inquiries of citizens “50+” in Russia and other countries is carried out. Offers are developed. Article is illustrated by results of a research of 2017.

Key words: consumer preferences; target group “50+”; marketing “50+”.

Введение

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. проявились новые тенденции в развитии теории и практики дифференциации сегментов потребителей. Появились территориальные, гендерные, возрастные и другие целевые группы населения с их внутренними градациями.

Среди возрастных групп первоначально наибольшее развитие получило изучение потребностей молодежи, а потом детей. Товары,

целевая аудитория и методы коммуникационного воздействия на них просматривались довольно четко, поэтому самостоятельность этих направлений не вызывала ни у кого сомнений.

Изучение потребительских предпочтений людей преклонного возраста (другие названия – пенсионеры, «сегмент 50+» (60+), сеньор-потребители) до сих пор в России вызывает настороженность. Многие специалисты считают, что здесь отсутствует предмет деятельности, так как целевая аудитория аморфна и подвержена влиянию других факторов. В то же время за рубежом имеется достаточный опыт и даже теоретическая база.

Если говорить о теоретических источниках, то следует назвать книги Жан-Поль Трюгер «“50+” Marketing: Marketing, Communicating and Selling to the Over 50s Generations» и Дика Страуда «The 50-Plus Market: Why the Future Is Age Neutral When It Comes to Marketing & Branding Strategies» [Tréguer 2002; Stroud 2007]. Эти издания, наряду с большим количеством статей по данной проблеме, вносят большой вклад в популяризацию данного направления изучения потребителей.

На основе анализа зарубежных источников можно выделить следующие сферы, имеющие значение для потребителей «50+»:

1. Туризм. На пенсии у людей появляется много свободного времени. При неутраченной жажде любопытства и познания нового это превращается в стремление к путешествиям, поездкам. При достаточном количестве средств они могут увидеть весь мир. Например, для пенсионеров в развитых странах этой проблемы нет, поскольку пенсия может составить до 80 % от заработной платы. Собственно, это мы можем наблюдать в реальности: основной контингент западных туристов составляют именно пожилые люди.

2. Вспомогательный инвентарь и оборудование. Речь идет о специальных приспособлениях, которые помогают людям преклонного возраста чувствовать себя достаточно уверенно в окружающем мире. К таким предметам относятся таймеры, культиваторы, газонкосилки, легкая мебель, титановые лопаты и метелки для уборки листьев и др.

3. Фармацевтические препараты. Лекарства становятся важным атрибутом жизни пожилых людей. Но при этом их упаковка, размер, цвет также играют принципиальную роль и могут быть специфично приспособлены к потребностям людей старшего возраста, улучшая их ориентацию и комфорт в окружающей среде.

4. Медицинская техника. Приборы и оборудование медицинского назначения, которыми пожилые, люди с ограниченными возможностями и больные смогут пользоваться даже без помощи врача или иной посторонней помощи. Это очки, слуховые аппараты, облегченные костыли, ходули, дозиметры, тонометры, глюкометры и т. п.

5. Средства гигиены. Они позволяют учесть специфику людей старшего возраста как в повседневной жизни (специальные зубные пасты, дезодоранты и т. д.), так и в специфических условиях: памперсы, судна, приемники жидкостей и др.

6. Косметика и парфюмерия. Парфюмеры одними из первых увидели в сегменте «50+» своих клиентов. Наборы косметических средств для увядающей кожи, от морщин, для окраски седых волос и др. являются неотъемлемой частью товарной линейки ведущих парфюмерных концернов.

7. Финансовые продукты. Людям старшего возраста в коммерческих банках могут предлагаться специальные долгосрочные и краткосрочные вклады, кредиты под залог имущества. Кроме того, венчурные и страховые пенсионные фонды являются достаточно прибыльными направлениями вложений именно людей преклонного возраста.

8. Средства массовой информации. Речь идет не только о специальных газетах, журналах и другой периодике. Это могут быть специальные телеканалы, радиостанции и, наконец, интернет-сайты для людей преклонного возраста, где они могут найти всю интересующую их информацию без раздражающих их непристойностей, сленга, навязчивой рекламы.

9. Удобная одежда и обувь. Не секрет, что люди старшего возраста учитывают веяния моды, но при выборе одежды и обуви всё же предпочтут удобство, функциональность, долговечность. Поэтому не очень популярной среди них являются обувь на высоких каблуках и зауженной формы, обтягивающая одежда. Зато стильность, элегантность, качество здесь будут в почете.

10. Диетические продукты и продукты-заменители. Возраст и болезни требуют ограничивать или заменять некоторые продукты питания. Это необходимо для поддержания здоровья, нормального тонуса, веса, работы всех систем организма.

11. Здоровый образ жизни. Речь идет о специальных центрах (фитнес, велнесс) и программах (СПА, массаж, тренажеры), позволяющих

поддерживать в нормальном состоянии физические кондиции людей пожилого возраста.

Современная деятельность по практической реализации различных разновидностей маркетинга для людей старшего возраста за рубежом основывается на следующих принципах: уважение к пожилому человеку (внешности, привычкам), акцент на психологический возраст, учет сенсорных особенностей людей пожилого возраста (зрение, слух и т. п.), таргетирование по более мелким сегментам, доминирование специальных товаров (услуг), репозиционирование существующих товаров (услуг), реализация концепции «товаров без возраста».

Что же собой представляет целевая группа российских потребителей «50+»? По данным Росстата, в 2017 г. в Российской Федерации проживали 47 796 тыс. чел. от 50 лет и старше (33,3% населения), в том числе: 23 438 тыс. чел. от 50 до 60 лет, 11 357 тыс. чел. от 61 до 70 лет, 9 309 тыс. чел. – от 71 до 80 лет, 3 470 тыс. чел. – от 81 до 90 лет и 222 тыс. чел. – старше 90 лет [Численность и состав населения: Распределение населения по возрастным группам. URL]. Из них проживали 35 029 тыс. чел. в городах и 12 767 тыс. чел. – на селе; 29 154 тыс. чел. – женщин и 18 642 тыс. чел. – мужчин [там же]. Таким образом, потенциальными потребителями товаров для людей пожилого возраста выступает довольно существенная часть населения страны (рис. 1).

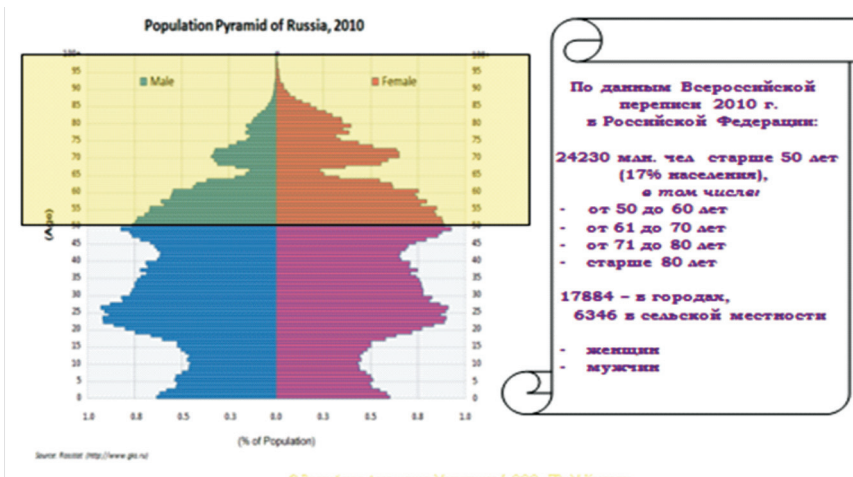

Рис. 1. Демографическая характеристика аудитории «50+»

В то же время российский потребитель старшего возраста пока не готов в полном объеме принять все товары и услуги для людей преклонного возраста. Объяснений этому несколько.

В первую очередь, это сильное имущественное расслоение в возрастном сегменте «50+» и низкий уровень жизни российских пенсионеров. Возраст выхода на пенсию в России 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин, что означает, что, как минимум, 33,7 % людей в возрасте 50+ еще работают, а 66,3 % уже получают пенсию. По данным проведенного нами исследования, среди россиян старше 50 лет живут в крайней нищете 6,3 %, живут в нищете – 13,4 %, живут в бедности – 37,5 %, имеют достаток ниже среднего – 25,9 %, средний достаток – 14,6 %, являются состоятельными – 1,5 %, богатыми – 0,8 % [Научно-исследовательская работа... 2017].

Во-вторых, фактическая пенсия россиянина составляет лишь 30–40 % от его заработной платы в период активной трудовой деятельности. По данным Росстата, средний размер пенсии в октябре 2019 г. составил – 15 495 руб., а средняя заработная плата – 45 726 руб. в месяц [Социально-экономическое положение России 2019]. Это вынуждает людей работать даже после выхода на пенсию и, соответственно, не рассматривать многие товары и услуги, которые предназначены для людей пенсионного возраста на Западе. В России, по данным ПФР, в возрасте старше 50 лет работают и пенсию пока не заработали 28,1 % граждан, работают и получают пенсию – 35,2 %, получают только пенсию – 36,7 %.

В-третьих, и в связи с вышеизложенным у российского потребителя старше 50 лет несколько иные потребности и приоритеты в выборе товаров и услуг. В его расходной части бюджета 43,4 % идет на питание, 13,7 % – одежду, 13,1 % – на оплату услуг ЖКХ, 9,6 % – на лечение, 7,5 % – на товары длительного пользования (рис. 2).

Отдых, образование, накопление составляют менее 3 % расходной части бюджета. В семье среднестатистического россиянина старшего возраста, как правило, есть основные предметы длительного пользования (рис. 3).

Практически во всех семьях есть холодильники, цветные телевизоры, пылесосы и мобильные телефоны. Больше половины владеют и пользуются кухонными и мебельными гарнитурами, СВЧ-печами, стиральными машинами и персональными компьютерами.

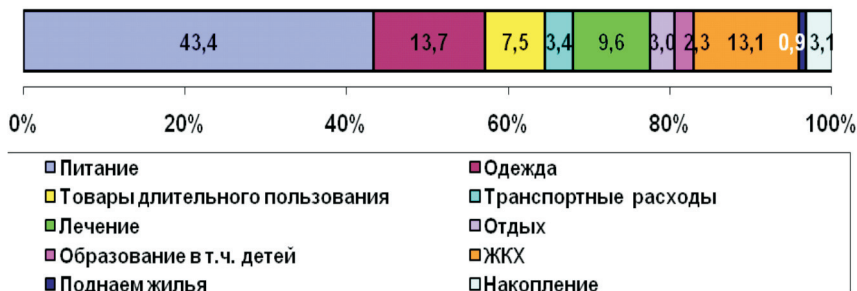

Рис. 2. Основные статьи расходной части бюджета потребителей сегмента «50+» в России

Характерно, что такие предметы длительного пользования, как автомобиль, компьютер, мобильный телефон для людей 50+ стали необходимыми средствами, с помощью которых они могут зарабатывать себе на жизнь. Поэтому они одни из самых приобретаемых или планируемых к приобретению товаров (рис. 4).

Рис. 3. Потребители «50+» имели в личном пользовании (результаты опроса 2017 г.)

Рис. 4. Потребители сегмента «50+» хотели бы приобрести в ближайшее время (результаты опроса 2017 г.)

Рис. 5. Сравнение основных видов маркетинга и рекламы для сегмента «50+» в России и за рубежом

Соответственно, это требует несколько других подходов в организации маркетинга и рекламы. В порядке убывания рейтинга для лиц 50+ в зарубежных развитых странах усилия специалистов по коммуникации и продажам направлены на следующие товары и услуги: туризм, лекарства, специальные препараты, садовый инвентарь, косметика и парфюмерия, финансовые инструменты, специальные СМИ (рис. 5). В России указанный рейтинг выглядит следующим образом: лекарства и препараты, медицинская техника, косметические средства, ритуальные услуги, вклады в банках.

Основными особенностями маркетинга и рекламы для сегмента «50+» в России, в отличие от Запада, являются: негативная мифологизация старости; акцент на пассивный образ жизни; боязнь старых лиц, фигур стариков (показывают только красивых людей); использование преимущественно «звезд», якобы популярных среди представителей старшего возраста; высмеивание чудачеств пожилых людей; перенесение проблем старости преимущественно в социальную рекламу. С учетом уровня жизни, социальной активности, возрастной структуры и характера потребления людей старше 50 лет основные целевые группы этого сегмента в полном его объеме в настоящее время представляются следующим образом (рис. 6).

Рис. 6. Фактическая и целевая групп маркетинга «50+» в России

Это работающие граждане предпенсионного возраста с зарплатой выше пяти прожиточных минимумов (величина прожиточного минимума в России составила в 3-м квартале 2019 г. 11 942 руб.), работающие пенсионеры с заработной платой выше трех прожиточных минимумов. С 2012 г. в связи с повышением военных пенсий вырос уровень жизни российских военных пенсионеров (средняя военная пенсия сейчас составляет 23 558 руб.), причем часто, когда у офицера или генерала, отдавшего военной службе более 25 лет, военная пенсия достигает 30 тыс. руб. Хорошие государственные пенсии получают вышедшие на пенсию российские чиновники. Их уровень не декларируется, но составляет, по некоторым оценкам, не менее 30–40 тыс. рублей. Наконец, вполне очевидный фрагмент целевой аудитории сеньор-маркетинга составляют бывшие (и действующие) бизнесмены, достигшие возраста 50 лет. В содержательном плане маркетинг «50+» должен учитывать три основных подхода: для бедных – это информирование о товаре (услуге), для среднеобеспеченных – ориентация в координатах цена – качество, для обеспеченных и богатых – информация и показ качества.

Если говорить о перспективах маркетинга «50+» в России, то можно отметить следующее:

- его развитие идет в направлении и по принципам функционирования этого вида маркетинга в других странах;
- благодаря росту благосостояния населения в начале 2000-х гг. ожидается вступление в старший возраст более обеспеченных слоев населения с новыми потребностями;
- ожидается появление и развитие новых видов маркетинга «50+» за счет создания специализированных и репозиционирования существующих товаров и услуг;
- не за горами появление специализированных коммерческих предприятий по выпуску товаров (реализации услуг) для населения старшего возраста;
- нам необходимо преодолеть ряд предубеждений и стереотипов в отношении старости на ментальном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Численность и состав населения: Распределение населения по возрастным группам // Федеральная служба государственной статистики Российской

- Федерации. URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography.
- Социально-экономическое положение России. Основные социально-экономические показатели Российской Федерации (январь–октябрь 2019 г.). М. : Росстат, 2019.
- Научно-исследовательская работа по теме «Разработка предложений по улучшению социально-экономического положения граждан, уволенных с военной службы, членов их семей, инвалидов вследствие военной травмы и членов семей погибшего (умершего) военнослужащего в рамках ежегодного мониторинга социально-экономического и правового положения граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей». М. : СОЛАР-Консалтин : Минтруда России, 2017.
- Tréguer Jean-Paul*. 50+ Marketing: Marketing, Communicating and Selling to the Over 50s Generations. Palgrave Macmillan, 2002. 194 p.
- Stroud Dick*. The 50-Plus Market: Why the Future Is Age Neutral When It Comes to Marketing & Branding Strategies. 2007. 314 p.

REFERENCES

- Chislennost' i sostav naselenija: Raspredelenie naselenija po vozrastnym gruppam // Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki Rossijskoj Federacii. URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography.
- Social'no-jekonomicheskoe polozhenie Rossii. Osnovnye social'no-jekonomicheskie pokazateli Rossijskoj Federacii (janvar'–oktjabr' 2019 g.). М. : Rosstat, 2019.
- Nauchno-issledovatel'skaja rabota po teme «Razrabotka predlozhenij po uluchsheniju social'no-jekonomicheskogo polozhenija grazhdan, uvolennyh s voennoj sluzhby, chlenov ih semej, invalidov vsledstvie voennoj travmy i chlenov semej pogibshogo (umershego) voennoslužhashhego v ramkah ezhegodnogo monitoringa social'no-jekonomicheskogo i pravovogo polozhenija grazhdan, uvolennyh s voennoj sluzhby, i chlenov ih semej». М. : SOLAR-Konsaltin : Mintruda Rossii, 2017.
- Tréguer Jean-Paul*. 50+ Marketing: Marketing, Communicating and Selling to the Over 50s Generations. Palgrave Macmillan, 2002. 194 r.
- Stroud Dick*. The 50-Plus Market: Why the Future Is Age Neutral When It Comes to Marketing & Branding Strategies. 2007. 314 r.

УДК 316:314.145(1-22)

И. М. Фадеева, Л. Н. Курышова, О. С. Калачина

Фадеева И.М., доктор социологических наук; доцент; директор ГКУ Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга»; профессор кафедры социологии ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарёва»;
e-mail: fadeeva5@yandex.ru

Курышова Л.Н., кандидат социологических наук; ученый секретарь ГКУ Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга»;
e-mail: kuryshovaln@mail.ru

Калачина О.С., старший научный сотрудник ГКУ Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга»;
e-mail: kalachina_olga@mail.ru

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЕ¹

Проблемы развития российской провинции имеют не только социально-экономическое, но и стратегическое значение. В данном ряду стоят проблемы сохранения и развития российских сельских территорий в условиях демографического спада и новой волны экстенсивной урбанизации, вынужденной миграции населения из села в город, ведущей к «вымыванию» сельского населения, особенно молодежи. Названные процессы затрагивают функционирование важнейшего института – школы, которая наряду с образовательной выполняет социокультурную и системообразующую функции. На наш взгляд, наличие школы в сельской местности определяет статус территории и ее функциональные возможности. В этой связи актуальным является исследование социальных ресурсов села, в первую очередь, демографического потенциала сельских территорий регионов с низкой рождаемостью, к которым относится Республика Мордовия, и его влияния на систему сельского школьного образования.

В статье предлагается рассмотреть зависимость функционирования сельской школы от демографических процессов, происходящих в регионе. Используются ресурсный, стратификационный, функциональный подходы. В статье приводятся данные социологического опроса сельского учительства (опрос «Учитель и общество», n = 840, 2018–2019 гг.). Также использованы данные, связанные с измерением качества жизни в сельской местности (опрос «Качество жизни населения Республики Мордовия», n = 1000, 2018 г.). На основе эмпирических данных, рассчитанных по базе Мордовиястата, приводится прогноз относительно будущего числа обучающихся в сельских школах региона, свидетельствующий о нарастании негативной динамики как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Анализ

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Социальный портрет сельского учительства: проблемы, противоречия, профессиональные тупики» (№ 18-011-00786).

социологических и статистических данных указывает на необходимость принятия государственной комплексной программы, направленной на повышение социальных ресурсов и потенциала сельских территорий.

Ключевые слова: социальные ресурсы села; демографический потенциал; репродуктивные установки; молодежь; регион; сельская школа; учительство.

I. M. Fadeeva, L. N. Kuryshova, O. S. Kalachina

Fadeeva I. M., Doctor (Sociology); Associate Professor; Director of the State Institution of the Republic of Mordovia “Scientific Center of Socio-Economic Monitoring”; Professor of the Department of Sociology at the National Research Mordovia State University; e-mail: fadeeva5@yandex.ru

Kuryshova L. N., PhD (Sociology); Scientific Secretary of the State Institution of the Republic of Mordovia “Scientific Center of Socio-Economic Monitoring”; e-mail: kuryshovaln@mail.ru

Kalachina O. S., Senior Researcher of the State Institution of the Republic of Mordovia “Scientific Center of Socio-Economic Monitoring”; e-mail: kalachina_olga@mail.ru

DEMOGRAPHIC CHALLENGE TO RURAL SCHOOLS

The problems of the development of Russian regions have not only social and economic, but also strategic importance. These problems include the preservation and development of Russian rural areas under the conditions of demographic recession and a new wave of urbanization. These processes affect the school being the most important institution of the knowledge society. In the village, the school performs, along with the educational, the socio-cultural and system-forming functions. In rural areas, schooling availability determines the future of the territory, its status and functionality. In this regard, it seems relevant to study the social resources of the village, first of all, the demographic potential of rural areas of the regions with low birth rate, which includes the Republic of Mordovia, and their impact on the school system.

The article aims to study the dependence of the functioning of rural schools on the regional demographic processes. To pursue this goal, the resource, stratification, functional analyses are used. The article presents the data of a sociological survey of rural schoolteachers (the survey “Teacher and Society”, $n = 840$, 2018–2019). It also presents the data of a survey of the quality of life in rural areas (the survey “Quality of Life in the Republic of Mordovia”, $n = 1452$, 2017). Considering the empirical data calculated by using the database of Mordovia Statistics, a forecast is given regarding the number of future students in rural schools of the region, showing an increase of negative dynamics in the short and longer term. The analysis of sociological and statistical data revealed the need for a comprehensive state program aimed to improve social resources and potential capacities of rural areas.

Key words: rural social resources; demographic potential; reproductive attitudes; youth; region; rural school; teaching.

Введение

Как известно, сельские территории обладают богатым ресурсным потенциалом (природным, демографическим, экономическим, историко-культурным), однако уровень развития сельских территорий и качество жизни сельского населения России продолжает оставаться достаточно низким. Непропорциональное развитие городских и сельских территорий становится дополнительным стимулом к оттоку населения из сельской местности в города, приводит к обезлюдению основного массива сельских поселений, имеющих выраженную региональную специфику, вследствие которой возникает своеобразная поляризация мелкопоселенных и крупнопоселенных территорий. Разрыв между городом и селом за последние годы увеличился не только по уровню доходов, но и по обеспеченности инженерно-технической и социальной инфраструктурой, снижается транспортная доступность и уровень бытового обслуживания сельских территорий. Наблюдаются проблемы и в части нерационального хозяйственного использования земельных, водных и лесных ресурсов и т. п. Как отмечается в правительственных документах, указанные проблемы во многом обусловлены недостаточностью научного, статистического и кадрового обеспечения устойчивого развития сельских территорий¹.

Ресурсный подход в настоящее время является определяющим при планировании, он используется как методологическая основа оценки конкурентных преимуществ территории, для принятия управленческих решений и выработки перспектив стратегического развития. Ресурсный подход в социологии основан не столько на анализе структуры имеющихся в обществе ресурсов, сколько на принципах распределения капитала между различными субъектами – территориями, социальными группами и др. (П. Бурдьё, У. Бек, Д. Граски, М. Кастельс и др.). Выделяют несколько видов капитала (по П. Бурдьё, четыре вида – экономический, социальный, культурный, символический), но особое внимание в последние годы уделяют человеческому и социальному.

В тесной взаимосвязи с ресурсным находится *стратификационный* подход, который исходит из идеи социального неравенства,

¹Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. № 2136-р «Об утверждении Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года».

обусловленного наличием в общественной структуре множества социальных групп с разными потенциалами. Социально-территориальная стратификационная система формируется вследствие неравного распределения ресурсов между территориями и различий в доступе к социальным благам людей, проживающих в разных типах поселений.

Сложившаяся социально-экономическая специализация территорий предполагает и их функциональные различия. *Функциональный анализ* имеет важное значение для управления, поскольку углубляет представление о территории как части общего пространства России. Одна из главных функций любой территории – развитие и поддержание целостности единого территориального пространства страны¹. Село – это социальное пространство, организованное в соответствии с законами общественного устройства и специфическими условиями жизни, в значительной мере сохраняющими традиции и обычаи населения, в том числе различных этносов. Сельские поселения выполняют несколько функций, главная из которых – средовоспроизводящая (воспроизводство социокультурной среды и соответствующего уклада жизни)².

Социально-демографический потенциал сельских территорий

Сельские территории России характеризуются ограниченными возможностями доступа жителей к ресурсам жизнеобеспечения и неэффективностью их использования, слабым развитием институтов гражданского общества, они требуют активной модернизации. Однако этот процесс в сельской местности, по оценкам Ч. И. Ильдархановой, имеет противоречивый характер [Ильдарханова 2016]. На протяжении многих десятилетий процесс урбанизации предопределял переток огромных масс сельских жителей в города и непрерывное абсолютное и относительное сокращение их общего числа, к которому с 1992 г. добавилась естественная убыль населения. Этот процесс

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

² Постановление Правительства Республики Мордовия от 18 февраля 2019 г. № 72 «Об утверждении Перечня сельских населенных пунктов и рабочих поселков, относящихся к сельской территории Республики Мордовия и внесении изменений в отдельные постановления Правительства Республики Мордовия».

имел разные последствия в разрезе округов, например, в Приволжском федеральном округе доля сельского населения неуклонно сокращается уже несколько десятилетий [Вишневский и др. 2007].

Ориентация на западный проект модернизации, согласно которому в России на протяжении многих лет поддерживались тенденции урбанизации, распространялись либеральные идеи по снижению высокой занятости в сельском хозяйстве, привела к неблагоприятному сценарию развития социального пространства села, оптимизации социальной сферы, прежде всего систем здравоохранения и образования. Проект оптимизации объектов социальной инфраструктуры изначально содержал в себе угрозу нормальному функционированию сельских территорий. Его реализация имела негативные последствия для многих регионов России, включая Республику Мордовия. В Государственной программе Республики Мордовия «Комплексное развитие сельских территорий» указаны основные причины неблагоприятной ситуации в развитии села: остаточный принцип финансирования развития социальной и инженерной инфраструктуры, автомобильных дорог в сельской местности, преобладание дотационности бюджетов на уровне сельских поселений, высокий уровень затратности комплексного развития сельских территорий в связи с мелкодисперсным характером сельского расселения¹. Кроме того, в Программе обозначен ее главный приоритет – особое внимание социальному и инфраструктурному развитию сельских территорий, решение которого должно качественно изменить жизнь сельских жителей, приблизить условия проживания в сельской местности к уровню городов.

Сельская местность до сих пор остается «донором» человеческих ресурсов, наличие миграций из села в город подтверждает, что миграционный потенциал села до конца еще не исчерпан. Современные исследователи села фиксируют стабильно высокий миграционный отток сельского населения в город, причем основной ресурс миграции – трудоспособная молодежь в возрасте от 18 до 35 лет [Вознесенская 2013, с. 75]. Имеются и региональные особенности в направлении миграционных потоков. Так, если в ряде округов сельское население возрастает, то в Приволжском федеральном округе оно постоянно

¹Постановление Правительства Республики Мордовия от 5 сентября 2019 г. № 370. Об утверждении Государственной программы Республики Мордовия «Комплексное развитие сельских территорий».

сокращается, основным фактором сокращения выступает именно миграция [О состоянии сельских территорий в Российской Федерации в 2016 году 2018, с. 50].

За период с 2011 по 2018 гг. из сельской местности Мордовии выбыло более 80 тыс. человек (рассчитано по данным Мордовиястат). Согласно данным социологического опроса (опрос «Качество жизни населения Республики Мордовия», $n = 1000$, 2018 г.), смена места жительства в планах у 14,3 % населения сельской местности, треть из них (32,8 %) планирует переехать в столицу республики г. Саранск, почти четверть (23,0 %) – в другой регион страны. Молодое поколение стремится покинуть село, в том числе по причине женитьбы или замужества (23,3 %).

Вызовом для большинства сельских территорий России становится демографический фактор. Согласно статистическим данным, демографические проблемы наиболее ярко проявляются в сельской местности: за период 2011–2018 гг. численность сельского населения региона, по нашим расчетам, сократилась на 11,4 %, численность городского – менее одного процента (рассчитано по данным Мордовиястат). Наблюдается старение населения сельских территорий: средний возраст жителей села в 2011 г. составлял 42,29 лет (мужчин – 39,11 лет, женщин – 45,15 лет), в 2018 г. он повысился до 44,68 лет (41,8 лет и 47,4 года соответственно). В городской местности средний возраст мало изменился: в 2011 г. – 39,27 лет (мужчин – 36,63 лет, женщин – 41,44 лет), в 2018 г. – 40,16 лет (мужчин – 37,13 лет, женщин – 42,78 лет) [Мордовия: статистический ежегодник 2018, с. 57].

Негативной тенденцией начала XXI в. является повышение возраста вступления в брак, а также «постарение» возрастного профиля рождаемости. Установка на откладывание рождения детей и смещение их планирования к более старшим возрастным группам приводит к увеличению среднего возраста рождаемости. В период с 1990 по 2010 гг. самые высокие возрастные коэффициенты рождаемости приходились на женщин в возрасте 20–24 года, после 2011 г. пик рождаемости переместился в группу женщин в возрасте 25–29 лет. По данным Министерства социальной защиты, труда и занятости населения Республики Мордовия, в Мордовии за период с 1990 по 2018 гг. средний возраст матери при рождении первого ребенка в сельской местности повысился с 24,6 до 26,9 года.

Для оценки демографической ситуации, наиболее точно определяющим детность, используют величину суммарного коэффициента рождаемости (далее – СКР), отражающим среднее число рождений у одной женщины, причем эта величина у сельских женщин традиционно выше, чем у городских (рис. 1). Согласно данным Росстата, начиная с 2021 г. прогнозируется незначительное увеличение рождаемости в регионе, что предполагает некоторое увеличение рождаемости и в сельской местности.

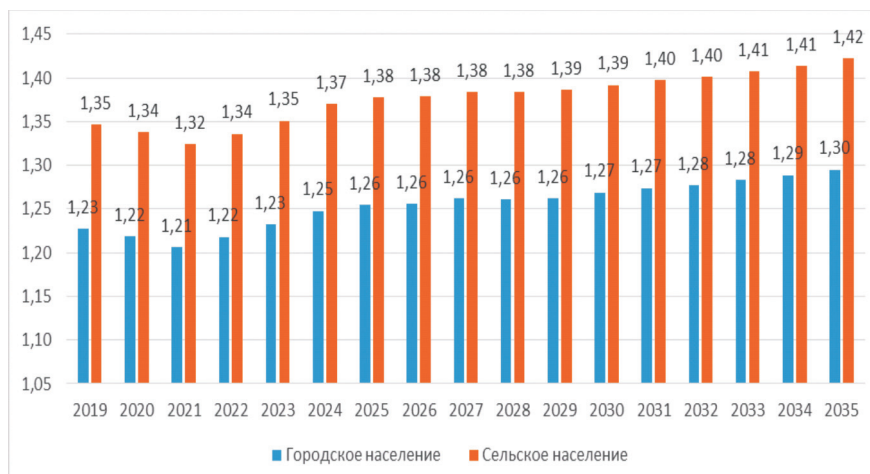

Рис. 1. Величина суммарного коэффициента рождаемости в период 2019–2035 гг., число рождений в расчете на 1 женщину (по данным Министерства социальной защиты, труда и занятости населения Республики Мордовия)

Ориентации сельского населения на более высокие показатели детности по сравнению с городским подтверждаются и данными социологических исследований. Показатель желаемого числа детей (которое хотелось бы иметь при наличии благоприятных общественных и личных условий) среди сельских жителей выше, чем среди горожан: у сельских мужчин – 2,54 ребенка, у сельских женщин – 2,41 (у городских 2,51 и 2,36 соответственно). Почти треть опрошенных в сельской местности (29,2 %) высказались, что при благоприятных условиях они хотели бы иметь троих и более детей (опрос «Качество жизни населения Республики Мордовия», n = 1000, 2018 г.).

Исторически сложилось, что семьи, проживающие в сельской местности, чаще всего способны сочетать функции по рождению и воспитанию детей с трудовой деятельностью. Городские жители, живя в иной социальной среде, более карьероориентированы, прагматичны в своем поведении, и часто факт рождения ребенка воспринимают как препятствие к успехам в личной жизни, учебе, карьере и прочим формам самореализации. Таким образом, обладающие репродуктивным потенциалом сельские территории демографически могут развиваться лишь при создании там определенных условий (наличии рабочих мест, социальной, транспортной инфраструктуры и др.).

Демографические процессы значительно влияют на облик сёл, они определяют векторы и перспективы их социального развития. В последнее время в Республике Мордовия наблюдаются изменения людности сельских населенных пунктов, ведущие к неоднородности пространственного каркаса расселения, когда более 45 % населения Мордовии сосредоточено в 30-километровой зоне вокруг административной столицы – г. Саранск и Саранско-Рузаевской агломерации. Миграционный поток сельского населения устремляется не только в города, но и в более крупные сёла, где чаще всего имеются сельскохозяйственные производства. В результате, в настоящее время почти половина всех сельских поселений страны является мельчайшими, в которых проживает 3 % сельского населения [Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа) 2016, с. 215]. Сельские поселения рассредоточиваются вокруг малых городов или крупных населенных пунктов, чем ближе школа к такой системе расселения, тем лучше решаются ее проблемы, включая кадровое обеспечение. Убыль сельского населения влечет за собой снижение численности сельских населенных пунктов, что ведет к изменению локаций сельских школ. Однако в последнее время наметилась новая тенденция – исчезновение в сельской местности любого типа школ, включая малокомплектные.

Сельская школьная демография

Сельская школьная демография достаточно специфична, на ней отразились социально-экономические кризисы 1990-х и 2000-х гг., вызвавшие снижение рождаемости в сельской местности и миграционный отток из сел. Уменьшение численности обучающихся в Мордовии вызвало интенсивную волну оптимизации школ, которая к 2019 г. достигла беспрецедентных масштабов.

Общее число общеобразовательных учреждений Мордовии за период с 2011/2012 по 2019/2020 учебные годы сократилось на 175 школ (40 %). Под сокращение, в основном, попали сельские образовательные организации. В городской местности за данный период число школ уменьшилось незначительно, там сокращение наблюдалось до 2016 г. (с 2011 г. закрылось 9 школ), затем их количество стало расти (с 2017 г. по 2019 г. открылись 3 новые школы). В сельской местности за эти годы перестала функционировать почти половина общеобразовательных учреждений: в 2011/2012 учебном году работало 342 школы, в 2019/2020 г. – 173, что составляет 65,8% от общего числа образовательных организаций региона (при этом численность сельских учеников сократилась лишь на 17%). В них обучается 18,8 тыс. учащихся (35,1%) и работают более 3,2 тыс. педагогических работников (49%) (табл. 1). В таблице представлены данные по дневным организациям, осуществляющим подготовку по программам начального общего, основного общего, среднего общего образования. Источником данных за 2011 / 2012–2015/2016 учебные годы послужил статистический бюллетень «Образование в России–2017» [Образование в России–2017. Статистический бюллетень 2017, с. 69, 70, 71, 72, 76]. Данные за 2016 / 2017–2019 / 2020 учебные годы предоставлены Министерством образования Республики Мордовия, полученные на основе отчета по форме № ОО–1, по состоянию на 20 сентября 2019 г. Для долгосрочного планирования перспектив развития системы общего образования в сельской местности важен демографический прогноз численности детей школьного возраста. Тенденция, основанная на статистических данных, показывает, что в сельской местности Мордовии ожидается снижение численности детей школьного возраста за период 2019–2036 гг. Данная динамика будет наблюдаться вплоть до конца прогнозного периода (табл. 2).

Численность детей школьного возраста, судя по прогнозу, уменьшится на 48,1 %. При этом численность детей в возрасте 16–17 лет в среднем за прогнозный период уменьшится на 35–40 %, в то время как в возрасте 7–15 лет – на 50 %. В дальнейшем дети из младших возрастных групп будут переходить в старшие, определяя развитие сети сельских школ. Из-за снижения количества детей школьного возраста уменьшится и потребность в сельских учителях в ближайшие 15–20 лет. Таким образом, демографические процессы, происходящие в селе, определяющие численность детей школьного возраста (имея тренд сокращения, достигая максимума к 2036 г.), будут влиять на количество общеобразовательных учреждений.

Таблица 1

Количество школ и численность обучающихся, Республика Мордовия

Учебный год	Количество школ			Численность обучающихся		
	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село
2011 / 2012	438	96	342	68983	46318	22665
2012 / 2013	419	94	325	67890	46229	21661
2013 / 2014	404	91	313	67422	45924	21498
2014 / 2015	378	89	289	67945	46839	21106
2015 / 2016	371	88	283	68820	48160	20660
2016 / 2017	363	87	276	69618	49383	20235
2017 / 2018	334	88	246	70759	50891	19868
2018 / 2019	292	90	202	71580	52227	19353
2019 / 2020	263	90	173	72149	53397	18752

Таблица 2
Прогнозируемая численность школьников в сельской местности Республики Мордовия (2019–2036)¹ (чел.)

Год	7 лет	8 лет	9 лет	10 лет	11 лет	12 лет	13 лет	14 лет	15 лет	16 лет	17 лет	Всего лет
2019	2643	2579	2628	2813	2804	2443	2532	2522	2531	2368	2277	28140
2036	1334	1345	1331	1299	1264	1239	1243	1273	1341	1421	1495	14585
Темпы прироста / убыли (2019–2036) (в %)	-49,5	-47,8	-49,3	-53,8	-54,9	-49,2	-50,9	-49,5	-47,1	-39,9	-34,3	-48,1

¹Предположительная численность населения Российской Федерации. URL: old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812.

Учительство в социальной структуре села: ценностные ориентации, ожидания и риски

Сельская школа имеет большое значение для муниципального сообщества, что находит отражение в той роли, которую играет педагог в сельской жизни. Результаты опроса показали, что основное назначение профессии учителя – это передача учащимся знаний и навыков, необходимых для жизни в обществе (79 %), помощь в раскрытии и развитии способностей детей (73 %) (опрос «Учитель и общество» n = 840, 2018–2019 гг.). Учитель готовит будущее поколение к осознанному выбору и освоению профессии (31 %), формирует потребность в самообразовании (29 %). Однако сельская школа не только является учреждением, которое передает знания подрастающему поколению, сельский педагог формирует ценности культуры (34 %), качества интеллигентного человека (29 %), воспитывает уважение и терпимость к чужому мнению (27 %), инициативу, самостоятельность (26 %), развивает гражданские качества (21 %). Именно в перечисленных функциональных позициях видят предназначение собственной профессии сельские учителя. Сельская школа является не только культурно-просветительным центром, вокруг которого концентрируется вся жизнедеятельность сельского поселения, она принимает непосредственное участие в формировании личности будущего гражданина страны, чувств патриотизма, транслируя традиционные ценности, участвуя в передаче уникальной культуры сельских сообществ.

Основу сельского учительства составляют люди старшего поколения, лишь четверть учителей (26 %) находятся в возрасте до 40 лет (опрос «Учитель и общество» n = 840, 2018–2019 гг.). В основном к ним относятся представители старших возрастных групп: 35 % в возрасте 46–55 лет, 16 % – от 55 лет и старше. Данный факт отражает общую тенденцию постарения населения села, наиболее выраженного среди сельских женщин. Типичный сельский учитель – это человек с большим стажем педагогической работы: стаж 16 лет и выше имеют 73 %, в том числе работают в школе более четверти века 41 %. Для сельского учителя не характерны активная трудовая мобильность и миграционные настроения. Как правило педагогическая деятельность учителя связана с единственным образовательным учреждением: в одной школе проработали более 16 лет 63 % опрошенных учителей, в том числе 26 лет и более – 34 %. Таким образом, наличие школы в селе – это гарантия стабильной работы для педагога

и, что немаловажно, закрепления всей его семьи в сельском поселении. С другой стороны, с школой связано будущее села, которое под влиянием современной управленческо-технократической политики поставлено под сомнение. Опираясь на собственный опыт и понимание проблемы изнутри, оценивая риски и предвосхищая последствия присоединения сельских школ к городским, большинство сельского учительства отрицательно относится к данной идее (69%). При этом сельский учитель оптимистично смотрит в будущее: позитивно оценивает перспективы развития своей школы 68% опрошенных.

Какие факторы вызывают наибольшее беспокойство у учителя села? Безусловно, их тревожит наполняемость школ, материально-техническая оснащенность (судя по опросу, данные позиции не самые многочисленные, на них указало 7% опрошенных). Однако наибольшую обеспокоенность учителя высказывали по поводу отношения родителей к учебе детей (13%) и престижа их профессии (12%), а также уровня подготовки учащихся (8%). Понимая, что уровень жизни в селе достаточно низкий, учителя отрицательно относятся к платным формам образования: за полностью бесплатное образование высказались 65% респондентов, беспокойство по поводу введения платных форм обучения выразили 7%.

Лично для себя наибольшую социальную опасность среди различных обстоятельств и явлений сельский учитель видит в росте цен (30%) и возможной безработице (17%) (опрос «Учитель и общество» n = 840, 2018–2019 гг.). Данные проблемы волнуют в целом и всё население села по результатам другого опроса: инфляция тревожит 52,4% сельских жителей, безработица – 44,6%. В селе, по сравнению с городом, более остро стоит проблема алкоголизма, на нее указали 38,7% опрошенных в сельской местности (28,5% в городской). Демографические проблемы – рождаемость, смертность, миграция – вызывают тревогу у 10,2% сельских жителей (6,9% городских) (опрос «Учитель и общество» n = 840, 2018–2019 гг.).

Основу системы ценностных ориентаций человека вне зависимости от его социального статуса составляют здоровье, семья, безопасность и работа (среди сельчан на них указало 81,6%, 73,9%, 46,9% и 31,3% опрошенных соответственно). Однако в системах ценностных ориентаций городского и сельского населения есть отличия, детерминированные различным укладом жизни. В иерархии ценностей

сельского сообщества высокие места занимают доброта и сострадание (24,3 %), а также взаимопомощь и солидарность с другими людьми (22,6 %). Для пятой части жителей сельских поселений имеет значение патриотизм – 20,3 % (среди горожан – 13,4 %). Для городского социума более важны деньги (28,6 %). Не случайно городские жители в большей степени беспокоит расслоение общества на богатых и бедных (среди жителей города – 25,3 %, села – 16,7 %). Если для горожан имеет большое значение хорошо оплачиваемая работа, то в селе важно наличие работы как таковой. Именно отсутствие работы отмечало большинство сельчан (71,2 %) как основную проблему рынка труда (опрос «Качество жизни населения Республики Мордовия», n = 1000, 2018 г.).

Субъективное восприятие условий проживания жителями сельской местности достаточно позитивное. Имея более низкие доходы, они менее критично относятся ко всему происходящему, их оценка качества жизни существенно отличается от оценок горожан. Три четверти жителей сельской местности присвоили качеству жизни в своем населенном пункте средние или высокие оценки (низкие оценки – лишь 29,8 % опрошенных). Сельчане в большей степени довольны теми условиями, которые созданы для всестороннего развития детей и получения образования (уровень удовлетворенности составил более 80 %). Сельские жители Республики Мордовия не только более положительно характеризуют сегодняшнюю ситуацию, но и с большим оптимизмом смотрят в будущее: ожидания 72,1 % респондентов сельской местности связаны с переменами к лучшему (43,1 % – «Я сохраняю оптимизм и считаю, что ситуация во всех сферах жизни в скором времени изменится к лучшему»; 28,0 % – «в ближайшее время жизнь лучше не станет, но в перспективе изменится к лучшему»).

Жители села более позитивно настроены и в отношении социально-экономической ситуации в стране, их меньше волнуют политические процессы, в то же время они более лояльны к институтам власти всех уровней, больше доверяют им (уровень доверия жителей сельской местности составил 45,9 %, городской – 31,2 %). Сельчане чаще обращаются за решением своих проблем в местные администрации (26,0 % опрошенных в сельской местности, 17,5 % – в городской). С другой стороны, сельские жители в большей мере рассчитывают на самообеспечение, что отражается и на образе жизни

сельского учителя-интеллектуала и обычного труженика села. Сельское население четко маркирует социальное пространство, создавая дистанцию по линии «город-село» и «свой – чужой», горожане ее практически не осознают и не считают ее значимой (различия между городскими и сельскими жителями являются наиболее значимыми для 19,8% опрошенных в селах, для 8,2% – в городах). Поэтому сельский учитель всегда «свой», ему доверяют, он пользуется авторитетом у населения. Не случайно по результатам социологических опросов наблюдается солидарность мнений представителей школьных учителей и остальных жителей села.

К сожалению, следует признать, что поля образовательного пространства сельской территории простираются к горизонтам за пределами села, а «постобразовательные жизненные траектории школьников не связаны с сельской территорией» [Ильдарханова 2016, с. 231–232]. Поэтому актуальной задачей становится установление баланса «между стремлением государства улучшить качество жизни сельского населения и предотвращением изживания сельского образа жизни» [там же, с. 260]. Приближение условий жизни города и села не должно заметно менять уклад жизни сельчан, привыкших к общинному проживанию. Мышление чиновников, как правило горожан, при принятии управленческих решений связано с экономической целесообразностью, рационализацией функционирования социальной сферы в сельской местности (включая школу), что может представлять реальную угрозу существованию сельского уклада жизни. Изменение образа жизни сельских жителей, их ориентация на ценности горожан уже приводит к распространению нетрадиционных для сельской местности социальных установок – ориентации молодежи на поздние браки, малодетность, отложенное деторождение и др. На наш взгляд, недостаточное качество управленческих решений в проекции город – село и отсутствие комплексного научного анализа проводимых реформ являются основной причиной низкой эффективности мероприятий по модернизации в их привязке к конкретным территориям. Если ставить стратегическую цель сохранения сельского сообщества с соответствующим укладом жизни, то необходимо, например, вести целевую подготовку учителей для села из числа выпускников сельских школ, представляя молодежи гранты и отбирая их по программе «земского учителя».

Заключение

Таким образом, анализ статистических и социологических данных выявил достаточно проблематичную демографическую ситуацию в сельской местности Республики Мордовия, которая оказывает негативное влияние на систему школьного образования. Интенсивное снижение численности сельского населения приводит к ежегодному сокращению обучающихся и, как следствие, количества школ. Основным следствием негативных демографических процессов для сельской школы становится снижение наполняемости классов, среднего числа учащихся в школе, соотношения числа учащихся и учителей. В свою очередь, перечисленные факторы в рамках проводимой в стране оптимизации объектов социальной инфраструктуры становятся основанием для укрупнения сельских школ.

По мнению М. Б. Булановой, произошло смещение центра тяжести в образовании на города и крупные сельские населенные пункты и нарушило сложившуюся культуру малокомплектной сельской школы. Вместе с процессом сокращения общего числа сельских школ произошло уменьшение количества сельских поселений, что подтверждает общеизвестный факт, с которым не хотят считаться российские реформаторы: не будет школы – не будет села. По мнению ученого, изменения, происходящие в сфере образования, не столько следуют демографической логике, сколько логике проводимых реформ, а потому имеют неоднозначный характер, вызывают серьезную критику [Смыслы сельской жизни... 2016, с. 215–216].

Реформы в современном российском обществе характеризуются разнонаправленными процессами. С одной стороны, государство, реализуя национальные проекты, пытается активно воздействовать на социальную сферу, с другой – отсутствие комплексного подхода с учетом специфики села и соответствующих мер нередко нивелирует колоссальные затраты как финансовые, так и человеческие, сводя модернизацию того или иного института к очередной компании. В отношении модернизации сельской школы необходима иная политика, чем для городской школы, с учетом особенностей сельского уклада жизни.

Современный подход к реализации принципа равного доступа к образованию как принципа социального государства сведен к реализации унифицированной сервисной модели, в которой образование

выступает в виде оказываемой населению услуги с заданными критериями качества. Государственное управление системой образования строится на основе двух позиций: объема выделяемых средств (на основе подушевого финансирования) и ориентации на индивидуальные потребности (личностный подход). Однако, ориентируясь исключительно на обеспечение индивидуальных потребностей, «размываются» общественные функции школы, особенно той, которая находится в сельской местности.

Государство сегодня в большей степени ориентировано на повышение экономической эффективности социальной сферы, нередко исключая из поля зрения социальную эффективность, что приводит к серьезным последствиям в долгосрочной перспективе. Согласно классикам социологии образования, именно школа как социальный институт «является олицетворением социальных связей и ответственности» [Осипов 2018, с. 46]. С социологической точки зрения круг обязанностей учителей шире, чем он прописан в Законе об образовании. По мнению А. М. Осипова, под влиянием неолиберальной маркетизации образование как отрасль утрачивает черты системности.

Несомненно, городские и сельские поселения можно определить как разные по функциям системы. Для сельских поселений характерен ограниченный набор социальных институтов. Поэтому сельская школа выполняет, наряду с институциональной, системообразующую и средовоспроизводящую функции, выступая фактором, создающим пространство связей и взаимодействий между различными институтами (сельской общиной, органами местного самоуправления, культурными учреждениями села и др.). Сокращение числа сельских школ может повлечь за собой необратимые последствия для сельских поселений, вызывая дополнительный эффект их угасания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Демографический ежегодник Республики Мордовия : стат. сб. Саранск : Мордовиястат, 2016. 176 с.
- Вишневский А. Г. [и др.]. Российское село в демографическом измерении / А. Г. Вишневский, Е. А. Кваша, Т. Л. Харькова, Е. М. Щербакова // Мир России. 2007. № 1. С. 17–58.
- Вознесенская Е. Д. Молодые рабочие. Из села в город // Социологический журнал. 2013. № 3. С. 75–91.

- Ильдарханова Ч. И.* Модернизация сельского Татарстана: социологическая теория и практика. Казань : Изд-во Академии наук РТ, 2016. 308 с.
- Мордовия: статистический ежегодник. Саранск : Мордовиястат, 2018. 461 с.
- Образование в России–2017 // Статистический бюллетень. М. : Московский технологический университет, 2017. 444 с.
- Осинов А. М.* Учительство в контексте социологии образования: теоретические подходы и приоритеты исследований // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 45–52.
- О состоянии сельских территорий в Российской Федерации в 2016 г. : Ежегодный доклад по результатам мониторинга. М. : Росинформагротех, 2018. Вып. 4. 328 с.
- Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 : стат. сб. М. : Росстат, 2018. 1162 с.
- Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа) / под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. 368 с.
- Территориальный орган государственной статистики по Республике Мордовия (Мордовиястат). Официальный сайт. URL: mrd.gks.ru/folder/27964.

REFERENCES

- Demograficheskij ezhegodnik Respubliki Mordovija : stat. sb. Saransk : Mordovijastat, 2016. 176 s.
- Vishnevskij A. G.* [i dr.]. Rossijskoe selo v demograficheskom izmerenii / A. G. Vishnevskij, E. A. Kvasha, T. L. Har'kova, E. M. Shherbakova // Mir Rossii. 2007. № 1. S. 17–58.
- Voznesenskaja E. D.* Molodye rabochie. Iz sela v gorod // Sociologicheskij zhurnal. 2013. № 3. S. 75–91.
- Il'darhanova Ch. I.* Modernizacija sel'skogo Tatarstana: sociologicheskaja teorija i praktika. Kazan': Izd-vo Akademii nauk RT, 2016. 308 s.
- Mordovija: statisticheskij ezhegodnik. Saransk : Mordovijastat, 2018. 461 s.
- Образование в России–2017 // Statisticheskij bjulleten'. M.: Moskovskij tehnologicheskij universitet, 2017. 444 s.
- Osipov A. M.* Uchitel'stvo v kontekste sociologii obrazovanija: teoreticheskie podhody i priority issledovanij // Sociologicheskije issledovanija. 2018. № 3. S. 45–52.
- О состоjании sel'skih territorij v Rossijskoj Federacii v 2016 g. : Ezhegodnyj doklad po rezul'tatam monitoringa. M. : Rosinformagroteh, 2018. Vyp. 4. 328 s.
- Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2018 : stat. sb. M. : Rosstat, 2018. 1162 s.

Smysly sel'skoj zhizni (opyt sociologicheskogo analiza) / pod red. Zh. T. Toshhenko.
M. : Centr social'nogo prognozirovaniya i marketinga, 2016. 368 s.
Territorial'nyj organ gosudarstvennoj statistiki po Respublike Mordovija
(Mordovijastat). Oficial'nyj sayt. URL: mrd.gks.ru/folder/27964.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Общественные науки
Выпуск 4 (837)

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Social Sciences
Issue 4 (837)

Выпускающий редактор 4 (837)
доктор философских наук, профессор И. К. Харичкин

Редакторы:
Е. М. Евдокимова, Н. Г. Павлова, М. М. Сингал
Компьютерная верстка: Г. П. Лопатина
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 25.12.2019
Усл. печ. л. 13,0. Формат 60х90/16
Заказ 100/19

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
тел.: (499) 245 33 23; *e-mail:* ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки:

07.00.00 – Исторические науки и археология
22.00.00 – Социологические науки
23.00.00 – Политология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Исторические науки», «Политические науки», «Исторические науки. Политические науки», «Общественные науки».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66049 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: mslu-soc.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна